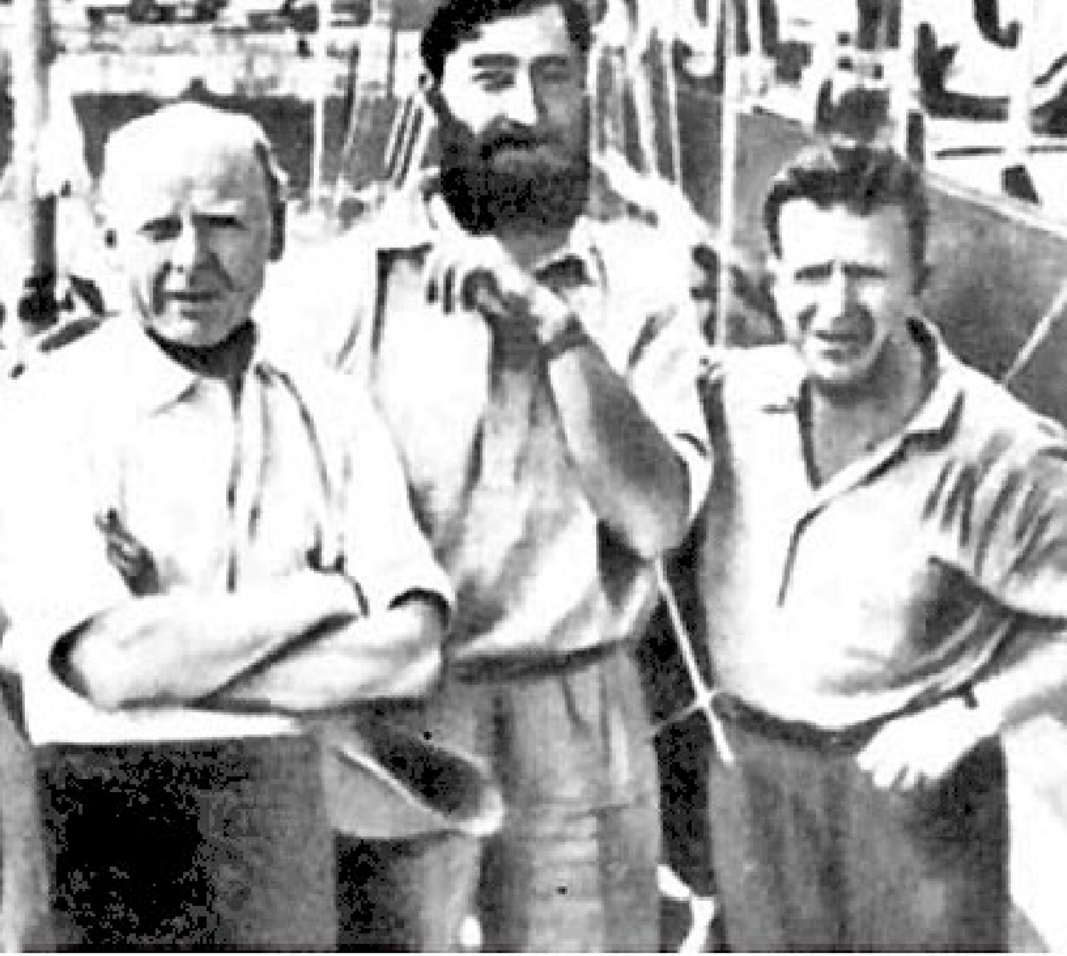

Три соперника транс-
атлантической гонки
яхт-одиночек.
Вэл Хауэлз - в центре.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Из предисловия В. Войтова:

«Курс — одиночество» — книга, написанная участником Международной трансатлантической гонки яхт-одиночек в 1960 году Вэлом Хаузлзом. Прошло шесть лет, прежде чем Хауэлз взялся за перо. В эти годы он принял участие ещё в одной гонке яхт-одиночек через Атлантику (1964 г.) и совершил несколько одиночных плаваний на более короткие расстояния.

В наших издательствах вышло в свет уже несколько книг мореплавателей-одиночек. «Курс — одиночество» займёт среди них особое место как по художественной ценности (она читается на одном дыхании), так и по глубине проникновения во внутренний мир человека, оказавшегося лицом к лицу с океаном.

- КУРС — ОДИНОЧЕСТВО
  - Предисловие к документальной повести Вэла Хаузлза «Курс — одиночество»
  - Вэл Хауэлз
    - Введение
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
    - XI
    - XII
    - XIII
    - XIV
    - XV

КУРС — ОДИНОЧЕСТВО

Предисловие к документальной повести Вэла Хаузлза «Курс — одиночество»

«Курс — одиночество» — книга, написанная участником Международной трансатлантической гонки яхт-одиночек в 1960 году Вэлом Хаузлзом. Прошло шесть лет, прежде чем Хауэлз взялся за перо. В эти годы он принял участие ещё в одной гонке яхт-одиночек через Атлантику (1964 г.) и совершил несколько одиночных плаваний на более короткие расстояния.

Идея пересечь в одиночку на парусной лодке Атлантический океан родилась декабрьским вечером 1875 года под прокуренными сводами бара «Гарпунный линь» в американском порту Глочестер. Молодой рослый датчанин Альфред Енсен, бог весть какими ветрами занесённый на промысел трески, громогласно поклялся «каретой Нептуна», что скорее один на дори поплывёт через Атлантику, чем вернётся на дырявую лайбу скряги хозяина. Удивительное дело, но рыбак сдержал слово. На построенной им самим из дуба и канадской сосны рыбацкой дори он 16 июня 1876 года отправился в плавание.

Друзья, провожавшие Енсена, были твёрдо убеждены, что видят в последний раз сумасшедшего датчанина.

Однако после тяжёлого, изобилующего драматическими ситуациями рейса он на своей дубовой скорлупке длиною 6,5 метра и шириною 1,8 метра всё-таки добрался до Британских островов. Плавание продолжалось 54 дня.

В апреле 1891 года в двух или трёх бостонских газетах появилось необычное объявление. Капитан Уильям Эндрюс искал партнёра для участия в гонках через Атлантику. Условия состязания: одновременный старт на примерно одинаковых по длине и парусному вооружению дори. Победителем объявляется тот, кто первым сообщит властям о своём прибытии на Британские острова, а проигравший платит победителю 500 долларов. Читатели посчитали объявление Эндрюса апрельской шуткой и вскоре забыли о нём. И лишь один человек серьёзно отнёсся к предложению Эндрюса. Им оказался опытный моряк-парусник Джошуа Лоулор. Также через газету он ответил: «Я поднимаю вашу перчатку, капитан Эндрюс».

Ранним утром 17 июня 1891 года жители Бостона были свидетелями старта 5-метровых дори — «Мармейда», принадлежавшего Эндрюсу, и «Си Серпента», на котором плыл

Лоулор. Выйдя в открытый океан, крошечные парусники быстро потеряли друг друга из виду. Очевидцы рассказывали, что капитаны настолько были захвачены азартом гонки, что даже не обменялись обычными пожеланиями счастливого плавания. Почти полтора месяца о мореплавателях не было никаких известий. Бостон терпеливо ждал исхода состязаний. Лишь в начале августа капитан немецкого парохода «Хафиз» сообщил, что встретил в конце июля Уильяма Эндрюса в самом центре Северной Атлантики. Несколько позже стало известно от капитана барка «Куинсмор», что Лоулор уже приближается к Британским островам. 27 августа Лоулор сделал заявление английским властям о своём прибытии. Именно в этот день фамилия его партнёра, Эндрюса, была внесена в список пассажиров лайнера «Эльбрус», следовавшего из Нью-Йорка в Антверпен. Моряки «Эльбруса» подобрали его, полуживого и обессилевшего, на почти затопленном «Мармейде». Так закончились первые в истории парусные трансатлантические гонки мореплавателей-одиночек. Джошуа Лоулор стал вторым человеком, которому покорилась Атлантика.

Надо сказать, что побеждённый в гонках капитан Эндрюс не отказался от своей мечты пересечь Атлантику в одиночку. И в 1892 году осуществил её на крошечной яхте «Саполио» (длина меньше 5 метров). Он совершил переход из Бостона в испанский порт Палос, известный тем, что оттуда в 1492 году отплыли корабли Христофора Колумба. На этом длиннейшем переходе Эндрюс сделал одну остановку на Азорских островах.

Через несколько лет Эндрюс снова отправляется в одиночное плавание через Атлантику. Но это был его последний рейс. Остаётся только гадать, как он погиб. Может быть, его подстерегла «молчаливая смерть» — гибель во время густого тумана под форштевнем встречного океанского парохода. Или он случайно оказался за бортом и не смог догнать уходящую под парусом яхту. Да разве мало опасностей ожидает одиночного мореплавателя на каждом шагу! И в случае несчастья никто и ничто ему не поможет. В океане он один и может рассчитывать только на себя, на свою находчивость, на свою силу и выносливость.

Идут годы. Вслед за Енсеном, Лоулором и Эндрюсом десятки мореплавателей-одиночек покоряют Атлантику. Они выбирают маршруты через Северную Атлантику, отправляясь из Нового Света в Старый. Мореплаватели, покидая Европу, обычно предпочитают экваториально-тропические широты Атлантического океана с их попутными пассатными ветрами и течениями. Реже они плывут в Северной Атлантике, против

Гольфстрима и западных ветров. Именно Северная Атлантика стала ареной международных трансатлантических гонок яхтсменов-одиночек в 1980 году.

Вэл Хауэлз — автор книги «Курс — одиночество» — участник этих ставших теперь традиционными гонок из Плимута в Нью-Йорк, или, точнее, в Ньюпорт.

Международные трансатлантические гонки состоялись также в 1964 и 1968 годах. В 1964 году в гонках приняло участие 15 одиночных яхт, а в 1968 году старт приняли 36 спортсменов из 10 стран.

В отличие от Чичестера Хауэлза не очень беспокоит спортивная сторона марафонского заплыва яхт. Он прекрасно понимает, что у разных по классу яхт — участников трансатлантических гонок далеко не равные шансы на победу. В созвучии с олимпийским принципом, провозглашённым Кубертэном, главной целью Хауэлза было участие в океанском сверхмарафоне, а не победа в нём. Вэл Хауэлз был четвёртым в гонке. Он и француз Жан Лакомб предпочли маршрут, рекомендованный лоцией для морских судов небольшого тоннажа. Их яхты спускались к Азорским островам, а затем следовали вдоль 36-й параллели и на финишном этапе пересекали Гольфстрим. Победитель гонки Фрэнсис Чичестер, прошедший 4004 мили за 40,5 дня, и Дэвид Льюис плыли по «дуге большого круга» — сначала вдоль 50-й параллели, а потом на юго-запад. Навигационные условия этого морского пути труднее тех, с которыми столкнулся Хауэлз. А Хазлер, чтобы воспользоваться благоприятными ветрами, выбрал самый северный путь — почти у берегов Гренландии.

Хауэлз, Хазлер и Чичестер участвовали в следующей трансантлантической гонке, 1964 года, в которой победил лейтенант французского флота Эрик Табарли, прошедший дистанцию всего за 27 дней. А Дэвид Льюис к этому времени успел пережить на катамаране драматическое приключение в ледовитых морях, а потом отправиться в кругосветное плавание. В одиночку он плыл только в Атлантике, а в Южной Америке на борту его катамарана «Реху Моана» появились четыре женщины (жена Фиона, её подруга и две малолетние дочки Льюиса). В Тихом океане он осуществил интереснейший эксперимент. Без мореходных инструментов, используя только полинезийские методы наблюдения за природой океана, Льюис проплыл от Таити до Новой Зеландии.

Жан Лакомб, кажется, больше не предпринимал одиночных плаваний. Журналисты ошибаются, объявляя его погибшим в 1963 году у Азорских островов. Погиб его однофамилец Рене

Лакомб, более известный по прозвищу «одинокий моряк». Добавим также, что Чичестер в 1966–1967 годах совершил «вояж века» — одиночное кругосветное плавание из Плимута с одной лишь остановкой в австралийском порту Сиднее. По пути он обогнул мыс Горн, что считается «Эверестом» парусного мореходного искусства.

Итак, «Курс — одиночество» Вэла Хауэлза. Читатель, интересующийся трансатлантическими гонками, не почерпнёт здесь почти никаких подробностей. «Трансатлантическим гонкам, — пишет Хауэлз, — посвящено изрядно книг. Я вовсе не собираюсь пополнять их список ещё одним названием, нет, я приглашаю вас с собой в плаванье». И он честно держит своё слово. Вы действительно на фолькботе. Вы зажаты в каюте шесть на шесть футов. Обычно в таких случаях пишут: читатель переносится на одинокую яхту, плывущую на просторах океана.

Вместе с отважным моряком вы встречаете восходы солнца, вдыхаете соленый бодрящий запах моря и т. д. Но в том-то и дело, что это было бы неверно по отношению к Хауэлзу, к его книге, совершенно лишённой какого-либо штампа и шаблона. Меньше всего он старается представить себя традиционным героем, вступившим в единоборство с океаном. Учтите, «Курс — одиночество» не наспех переработанный дневник моряка, увидевший свет через полгода после прибытия. У Хауэлза было время, чтобы навести глянец, чуть-чуть где-то приукрасить себя, но он честно, без рисовки рассказывает о своих чувствах, ощущениях, мыслях и поступках. «Да, мне одиноко. Да, мне страшно. Да, я буду рад, когда всё это кончится». Он борется с соблазном прекратить плавание уже на Азорских островах. Он не без основания называет себя неустойчивым и неуравновешенным. Его, видите ли, до слёз растрогало сообщение о смерти политического деятеля, о котором он прежде толком ничего не знал. Действительно, случись это на земле — его глаза равнодушно скользнули бы по некрологу, и он, перевернув газетный лист, тотчас же забыл о нём.

Да, всё это так. Но когда разражается непогода, Хауэлз со слипшимися от солёных брызг волосами и всклокоченной бородой, проклиная на чём свет стоит старикашку Нептуна, принимает вызов стихии и как равный сражается с ней. Да, читая «Курс — одиночество», надо всё время брать поправку на иронический тон повествования. О подвиге (а плавание в одиночку на небольшой, далёкой от совершенства, да ещё лишённой радиосвязи яхте через океан — подвиг) можно писать по-разному. Можно написать в возвышенном стиле, но тогда появляется опасность превратиться в абстрактного

романтического героя. Хауэлз же больше всего избегает краснобайства, ему претят звонкие, патетические фразы, его речь шершава, даже порой грубовата. Однако у него в запасе есть и целомудренные слова. Вспомните вечер на Бермудских островах — эту как бы вставную новеллу, которая так ярко противостоит цинизму иных морских романов, когда заходит речь об отношении к женщине.

Он всё время подтрунивает над собой. И очень хорошо, что Хауэлз выбрал такую манеру. Для нас теперь он живой, конкретный человек, и многие приняли бы его приглашение к путешествию. Что ни говори, а Хауэлз — опытный моряк-парусник и добрый товарищ. Вероятно, читатель, никогда не плававший на маленьких кораблях в море, получит абсолютно реальное представление о таком плавании. Это не натурализм. Это жизнь, а жизнь моряка, что скрывать, сурова.

Во время третьих трансатлантических гонок произошли драматические происшествия. Ещё в Ла-Манше столкнулся с встречным судном и выбыл из соревнований фаворит гонок Эрик Табарли. Среди Атлантики исчез француз Кат. Нашли его чудом почти через неделю на надувной лодочке. Были и другие несчастные случаи. А осенью 1968 года стало известно о трагедии «маленькой одиночки» — яхты, на которой 75-летний Вильям Виллис намеревался пересечь Атлантику. Может показаться парадоксом, что знаменитый мореплаватель-одиночка, дважды покоривший Тихий океан на плоту, не смог одолеть Атлантический. Две попытки ему не удались, а третья оказалась роковой.

В наших издательствах вышло в свет уже несколько книг мореплавателей-одиночек. «Курс — одиночество» займёт среди них особое место как по художественной ценности (она читается на одном дыхании), так и по глубине проникновения во внутренний мир человека, оказавшегося лицом к лицу с океаном.

В. Войтов

Вэл Хауэлз
Курс — одиночество
(Перевод с английского Л. Жданова)

Введение

Перед вами повесть о переходе через океан, через Северную Атлантику, от Плимута (Англия) до Нью-Йорка (США).

Это правдивая повесть. Всё до мелочей происходило так, как об этом здесь рассказано.

Она рождалась долго. Мы должны возвратиться к 1960 году. Олимпийский год. Год — как и все годы — событий огромной важности. И год, когда в летопись парусного спорта была вписана ещё одна страничка — первые трансатлантические гонки одиночек.

Немножко терпения, читатель. Все мы знаем, что этим гонкам уже посвящено изрядно книг. Я вовсе не собираюсь пополнять их список ещё одним названием, нет, я приглашаю вас с собой в плавание.

Что, слишком смелый ход?

Мы не одни, вместе с нами стартуют другие.

Вам страшновато выходить в такой рейс с совершенно незнакомым человеком? Возможно, вы правы. Четыре года плаваний и ещё одни трансатлантические гонки понадобились мне, чтобы собраться с духом и посмотреть правде в глаза.

Но к чему мешкать? У нас есть яхта фолькбот (наибольшая длина двадцать пять футов), построенная надёжными руками моих друзей. Вы не утонете на ней, положитесь на моё слово.

Вы плохо разбираетесь в парусном спорте? Это не играет никакой роли. Вы не первый, кто бросает вызов океану, не обладая достаточным опытом. Подобно большинству из нас, вы, наверно, с удовольствием будете учиться по ходу дела.

Скажу только, что Дэвид Льюис шёл на «Главной добродетели», у Фрэнсиса Чичестера был «Джипси Мот», а Блонди Хазлер вёл «Шутника». Вы всё ещё побаиваетесь? Опасаетесь, что вам будет скучно? Я тоже рискнул и не успел опомниться, как на меня обрушилась лавина впечатлений.

Вэл Хауэлз

I

«Возьмёшь меня подручным в рейс до Плимута?»

«Конечно, возьму, Джек, если тебе нравится быть коком».

«А как насчёт меня? Найдётся место для коротыша?»

«Неси своё барахло, посмотрим, куда тебя засунуть».

От Сондерсфута в Южном Уэльсе до Плимута рукой подать, каких-нибудь несколько сот миль, рядовой переход, но присутствие команды на борту скрасило рейс. Я был очень рад спутникам. Плавать в обществе было настолько приятнее, чем в одиночку, что я чувствовал своим долгом заботиться о благе моих товарищей.

— Восемь склянок. Пора сменяться, ребята. Спускайтесь, вас ждёт внизу тёплая койка.

— Если можно, Вэл, я ещё побуду немного на палубе. Такой чудесный день, жалко забиваться в каюту.

— Ладно. Я только подменю тебя на румпеле.

Настало время ленча, и кок Джек приступил к своим обязанностям. Кто-то жадно набросился на тушёнку с горчицей, хлеб с маслом и пиво, а кто-то, ссылаясь на очень уж сытный завтрак, ограничился несколькими печеньями и чашкой чаю. Мои четыре часа быстро пролетели, и я снова отправился вниз. Меня ждал холодный спальный мешок, но грех жаловаться, ведь сменщик всю вахту составлял мне компанию на палубе.

Меня разбудил голос Джека, который ругался, сражаясь с непокорным примусом.

— Восемь склянок давно пробило, ребята. Сейчас приду. Почему вы меня не подняли?

— Всё в порядке, Вэл, мы не хотели тебя беспокоить. Вечер такой замечательный, мы только рады ещё подежурить.

Я высунул голову из люка и убедился, что день в самом деле близится к своему обычному великолепному завершению. Пока я спал, как сурок, солнце, вечный труженик, ушло на запад, чтобы там согревать своими лучами другой материк, предоставляя нам возиться с примусом. Волны не стали выше, зато прибавились в длину, и яхта заметно медленнее взбиралась на гребень

очередной набегающей складки, на миг зависала, потом, словно в люльку, тихо скатывалась в ложбину, которая простиралась в обе стороны, более тёмная в сгущающейся тени на западе, чуть посветлее, с отблесками косых лучей на востоке. Чудесное зрелище, в такую минуту грешно валяться на койке. Мы сидели в кокпите, говорили очень мало: незачем. По мере того как темнело, становилось холоднее. Самое время согреться глотком рома.

— Слышите, ребята, шли бы вниз. Сейчас моя вахта, а вам в полночь снова заступать.

Но они упорно отказывались принять горизонтальное положение, а когда оба отвергли горячий чай с ромом, я почуял неладное.

— А вы хорошо себя чувствуете?

— Господи, конечно, я в полном порядке, только лучше я ещё немного посижу здесь, чем ложиться, не стоит искушать судьбу.

Они уже больше двенадцати часов не покидали кокпита. Лично мне моя койка казалась соблазнительнее всего на свете, но пусть сами решают. И я преспокойно отправился вниз.

В полночь меня одолели угрызения совести — ведь моим товарищам предстоят ещё четыре часа собачьей вахты. Я лежал в тёплом спальном мешке, и качающиеся в открытом люке звёзды как-то особенно холодно мерцали на чёрном как сажа небе. Правда, в каюте темно и тесно, но зато так уютно… Нет, я должен хотя бы сделать вид.

— Эй, черти, вы всё ещё там, на палубе?

— Ага, мы здесь.

— Хотите, поменяемся вахтами, чтобы вы могли вздремнуть?

— Да нет, мы не устали. Я так совсем не хочу спускаться.

— И я тоже.

— Ну ладно, ваше дело. Какие-нибудь суда ходят?

— Ничего такого, чтобы стоило беспокоиться.

— Крикните, если что, а в четыре часа непременно меня разбудите.

— Есть. Будет сделано. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мысль о тёплой койке с возмутительной лёгкостью взяла верх над чувством вины. Моя совесть (гм…) услужливо подсказала мне, что, если они себя скверно чувствуют, им на палубе будет лучше, чем в каюте. Сам я дважды испытал морскую болезнь: раз — когда был коком на шхуне, второй раз — когда в прошлом году выходил из Испании. Если ты один на маленьком судне, жестокая необходимость помогает справиться с болезнью — хочешь не хочешь, надо брать себя в руки и работать. На шхуне мне помогал

пошевеливаться башмак сердитого плечистого боцмана — превосходнейшее лекарство.

— Восемь склянок, тихо и ясно.

Я высунулся из люка и увидел, что им совсем не хорошо.

— Доброе утро. Как самочувствие? Что-то вы скверно выглядите.

— Я чувствую себя отвратительно. Меня только что вырвало.

— Вот беда. Спускайся вниз.

— Нет, нет. Я побуду на палубе. Похоже, меня ещё вырвет.

Что можно сделать для него на этой стадии? Ровным счётом ничего!

— Тебе бы надо прилечь.

— Нет! Я здесь останусь.

Вот поди ж ты!

На рассвете ветер стал крепчать, и мы уменьшили парусность, заменили генуэзский стаксель кливером и взяли два рифа на гроте. Постепенно увеличилось волнение моря, и на палубе стало совсем неуютно. В это время мы поравнялись с маяком Лонгшипс и шли с таким расчётом, чтобы обогнуть с юга мыс Лэндс-Энд под прикрытием Вульфа. Потом зюйд-ост возьмётся за нас всерьёз.

Они всё ещё торчали на палубе. Я смотрел снизу на бледные лица в обрамлении тёмной клеенчатой робы. То и дело безжалостный ветер устраивал им солёную купель. Они выглядели ужасно.

— Ну, хватит упрямиться, черти. Спускайтесь.

Чья-то голова, подставленная ветру, повернулась ко мне. Скорбное, серое, апатичное лицо, лишённое всяких красок, мутные зрачки.

— Пожалуй, я пойду вниз.

— Правильно, молодец. Мы тебя уложим на тёплую койку, укутаем.

Он спустился в каюту, второй остался на палубе.

— А ты что?

— Я лучше здесь останусь, меня ещё не тошнило, а там обязательно вырвет.

— Ладно. Замёрз?

— Да. Как собака.

— Промок?

— Только что начало протекать за шиворот.

Я подал ему сухое полотенце, и он обмотал его вокруг шеи, создав надёжную преграду.

Не один час ушёл у нас на то, чтобы обогнуть Лэндс-Энд и буй Рэннелстоун. Этот участок вообще тяжёлый, а когда

приходится лавировать против течения, дело затягивается надолго, и сухим из него не выйдешь.

Около полудня задача была решена, можно перевести дух. Тут и погода, словно удовлетворённая проделанной нами работой, смягчилась. Ветер ослаб и несколько сместился, волны последовали его примеру, и в довершение всего, когда мы пошли вверх по Ла-Маншу, появилось солнце.

Настала пора немножко расшевелить команду.

— Где наш кок? Эй, Джек, поднимайся! Разве это завтрак — одно печенье? Чтобы на ленч было мясо, не то мы выбросим за борт этого бездельника.

Но кока крепко держала за глотку морская болезнь.

— Вставай, вставай, лодырь бесстыжий. Оторвись от койки, мы проголодались!

Почему нельзя убить человека взглядом, явно думал Джек, открывая один глаз и глядя на меня, как мясник глядит на скотину, когда примеряется, куда вонзить нож.

— Ты что, хочешь есть?

— Совершенно верно. Побольше, погорячее и побыстрее.

— Боже милосердный, ты настоящий зверь.

Тем не менее он встал. И пока я опоражнивал ведра и наводил чистоту на палубе, Джек попытался разжечь примус. Минут десять они пребывали в каюте наедине друг с другом, наконец из люка над трапом показалась струйка светлого дыма, которую я было принял за пар из кипящей кастрюли. Но тут снизу вырвались различные звуки.

Сперва как будто грохот упавшей кастрюли. Потом гулкий удар головой о потолок рубки, после чего последовали стон и смачная ругань. Над люком вырос целый клуб дыма, а из него выглянуло бледное лицо Джека — всё в саже, одна бровь почти начисто спалена.

— Кажется, судно горит.

Он произнёс это с отрешённым, измученным видом, совершенно безучастно — реакция человека, которого целую ночь терзала морская болезнь.

От залитого горящим керосином примуса к подволоке поднималось пламя, оно уже подпалило полотенце и рукав чьего-то свитера. Огонь был живо укрощён мощной струёй из маленького огнетушителя, который больше года терпеливо ждал своего часа. Насухо протёртый, с прочищенной форсункой, примус вскоре загудел, как положено.

— Вот так, Джек. Примус любит уход. Как самочувствие — сможешь что-нибудь приготовить?

Он злобно поглядел на меня.

— Ступай. Я сварю тебе еду на этом проклятом примусе, хотя бы это стоило мне жизни. Чего ты хотел, мяса?

Это больше похоже на моего старого друга Джека, ещё не все надежды потеряны! Пока мы дожидались варева, погода разгулялась настолько, что можно было посидеть в кокпите, наслаждаясь пополуденным солнцем. А так как мы шли курсом бейдевинд и качка уменьшилась, команда почти вернулась к норме, и те, кто провёл на палубе тридцать часов без еды, обходясь глотком воды, начали сознавать, что койка — весьма полезная принадлежность всякого судна. Однако им хотелось не только спать.

— Как там твоё мясо, кок?

Молчание.

Яхта идёт легко, плавно переваливает через волну.

— Джек, куда ты пропал? Дал бы хоть немного галет для начала.

Из люка высовывается рука и подаёт банку с галетами, мармайт и нож. Мы хватаем всё это и приступаем к еде. Галеты сухие, мармайт горячий и обжигает язык; ощущение такое, словно мы едим опилки с горчицей.

— Ну давай, Джек, где же твоё проклятое мясо?

Наконец, когда уже всем осточертело ждать, он появляется. Над комингсом медленно вырастает голова. Жидкие чёрные волосы блестят от пота и прилипли к черепу. Лицо бледное, глаза ввалились, только чёрные брови живут. Они сдвигаются вместе, как бы обороняясь от злобно скривившихся губ, бледность которых подчёркивается небритым подбородком. Впрочем, это вовсе не злая гримаса, просто он пытается улыбнуться.

— Готово, ребята.

Наверно, с таким видом Клеопатре вручали ядовитую змею.

— Давно пора, Джек. Мы совсем ослабели без пищи, приятель.

Две руки протягивают нам кружки с чем-то дымящимся, в каждой кружке позвякивает ложка. Я недоумеваю: зачем нам ложки? Его руки дрожат.

Берём, что дают, и, поднеся к груди драгоценные сосуды, рассматриваем содержимое. В моей кружке, наполненной меньше чем наполовину, плещется какая-то тёмно-коричневая жидкость. Цвет густой, да навар не очень. Подношу кружку к носу и нюхаю. Не может быть. Помешиваю ложкой — смахивает на чай без молока… Вот так кок, чтоб ему было пусто: половина чайной ложки мармайта да немного кипятку — вся его похлёбка.

— Джек! Это как называется, чёрт возьми?

Голова появляется снова. На лице самое трагическое

выражение. Он вздыхает.

— Боюсь…

Он перегибается через рубку — недостаточно далеко — и потом говорит:

— Боюсь… на лучшее… я не способен.

И он с принуждённой улыбкой исчезает внизу. Лично я не в состоянии пить эту дрянь.

Мы продолжаем идти вверх по Ла-Маншу, погода всё лучше и лучше, и кривая настроения команды тоже идёт вверх. Пережив адские муки, они теперь воспряли духом и расхаживают с видом старых морских волков, придирчиво осматривая шкоты и крепления, на которые им прежде было наплевать.

— По-моему, неплохо бы подтянуть стаксель-шкот.

Вы подтягиваете шкот на полдюйма. Вскоре заступает новый вахтенный.

— Погляди-ка на стаксель — как доска плоский, никакой формы.

Вы извиняетесь и, выполняя указание вахтенного, немного отпускаете парус.

Потом у них прорезается аппетит.

— Кажется, твоя очередь стряпать?

Вы приготавливаете им чай.

Но я рад, что они оправились.

Мы приближаемся к Плимуту, и волнение растёт. Как-никак совершено небольшое плавание, и теперь предстоит подход к берегу. Они сразу превращаются в штурманов, атакуют мои чистенькие карты острыми, как игла, карандашами, и кружки с липким какао оставляют на незапятнанной бумаге противные следы.

— Тебе не кажется, что надо править немного круче к северу?

Отвечать нет смысла. Что бы вы ни сказали, всё равно, став к румпелю, он будет править круче.

И вот дистанция пройдена, мы все превращаемся во вперёдсмотрящих. Лёгкая мгла ограничивает видимость милей с небольшим. В их глазах, вопросительно поглядывающих на вас, вы снова командир — во всяком случае, ответственное лицо.

Вроде бы пора уже что-нибудь увидеть? Конечно, пора, но вы напускаете на себя беспечный вид, будто ничуть не встревожены.

— По моим расчётам, — продолжает он, — мы должны быть у входа в Плимутскую бухту.

По вашим расчётам, яхта уже на суше, однако ему об этом знать не обязательно.

Но вот Соколиный Глаз замечает какую-то полоску с правого борта.

— Земля! — вопит он.

А доволен-то, что твой Колумб. Внезапно его осеняет одна мысль.

— Что это за место?

С той самой минуты, как ваши глаза заметили вдали смутные очертания земли, вы лихорадочно соображаете, что это такое, но поди разберись при такой видимости. Вы делаете вид, будто не расслышали, да что толку.

— Что это за место?

Он отлично знает, что вы и в первый раз слышали его. Теперь он убеждён, что вы неуверены в правильности курса. Посмотрите на это удовлетворённое лицо, на эти колючие глаза — ничто не говорит о его вчерашнем беспомощном состоянии. Даже если бы этот гад болел холерой и вы его выходили, результат был бы тот же самый. В конце концов надо что-то говорить.

— По-моему, это смахивает на мыс Рейм.

Он счастлив. Вы сознались. «Смахивает»… Теперь мы все наравне. Каждый высказывает своё мнение о нашем вероятном местонахождении. Что следует предпринять? Чего можно ожидать от прилива? Как поведёт себя ветер? Когда можно рассчитывать войти в гавань? Моя догадка насчёт мыса Рейм подтверждается, мы подходим к нему, огибаем его и видим впереди мол.

За молом высится на холме Плимут. Вдоль кромки и по всему склону правильными рядами выстроились серые каменные дома — типичный барачный город. Опрятный, но несколько аскетический.

II

Идёт сбор людей и яхт. Но недостаток времени вынуждает нас ограничиться одним беглым взглядом.

Дэвид и я первыми пришли в Плимут, а через несколько дней подоспели Блонди и Фрэнсис, и отряд из четырёх яхт удобно устроился в восточной части порта. Сравнивая «Джипси Мот» с остальной тройкой, я сразу обратил внимание на её размеры и мощное вооружение. Странно: почему гонки организованы по принципу «кто первый», без гандикапа? Рядом с таким классным сорокафутовым океанским крейсером, как «Джипси Мот», фолькбот напоминал парусную пирогу, а «Добродетель» — кургузое прогулочное судёнышко. И при первой возможности я заговорил с Блонди об этом несоответствии.

— Понимаешь, Вэл, — слегка улыбаясь, сказал он с лукавой искоркой в глазах, — мы подумали, вернее, наш мудрый оргкомитет подумал, что, какую систему гандикапа ни примени, она не будет совершенной, а значит, кто-нибудь непременно сочтёт себя ущемлённым и может сократиться число заявок.

— Это всё очень хорошо, и всё-таки мне трудно понять мудрость такого подхода. Без гандикапа более быстроходная яхта получает преимущество. Погляди, — я показал на «Джипси Мот». — Френсису достаточно идти не останавливаясь, и он обязательно победит.

— Возможно, ты и прав, — ответил Блонди. — Но у большой яхты есть свои недостатки, и они как бы усугубляются, когда ведёшь её в одиночку. Он может с ней не справиться.

Однако я видел, что он сам не больно-то в это верит. Суть спора сводилась к тому, какое судно под силу одному человеку. Разумеется, с пятидесятитонной шхуной никто не справится в одиночку, но, если идти по шкале вниз, этот аргумент утрачивает свой вес, и, когда дойдёт до сравнения двенадцатитонной яхты с пятитонной, другие обстоятельства могут перевесить. Если добиваться, скажем, восьмидесятипроцентной эффективности, — в таком случае на большой яхте работать с парусами, конечно, тяжелее, зато обстановка для работы намного благоприятнее, а более мощные лебёдки и тали возмещают недостаток физической силы. Длина по ватерлинии — вот что важно, а она зависит не столько от величины ваших бицепсов, сколько от глубины кармана. В общем мне было ясно, что меньшие яхты поставлены в совсем неравное положение, о чём я и сказал Блонди.

— Ладно, ты только не болтай, — ответил он. — И без того участников мало.

Чем ближе день старта, тем больше мы волновались. У каждого был непочатый край дел на яхте, а когда поступили застрявшие в таможне, давно обещанные радиостанции, работы прибавилось. Радиостанции были предоставлены во временное пользование Американской радиокорпорацией, мы получили их исключительно благодаря стараниям Брюса Робинсона из Общества Слокама. Как не оценить такую заботу, однако прибывшее в последнюю минуту снаряжение породило кучу проблем. Прежде всего станции были рассчитаны на микрофонную работу, притом на частоте, которая ограничивала радиус действия несколькими сотнями миль. Чтобы выйти из положения, Брюс разработал весьма хитроумный (и сложный) график совместно с Панамериканской авиакомпанией, чьи самолёты, пересекая Северную Атлантику, должны были транслировать наши радиограммы. Не очень-то надёжно, но это ещё не причина, чтобы отказываться от радиостанции. Гораздо больше меня заботила необходимость куда-то поместить огромный и тяжёлый кислотный аккумулятор, ведь на борту моей «Эйры» не было генератора для подзарядки, вообще не было никаких моторов. Установка радиостанций была поручена военным морякам, и они честно трудились в обстановке, которая, наверно, показалась им несколько хаотической. Специалист прибыл на мою яхту, открыл носовой люк, наступил на крышку и сразу сломал петли. После этого маленького происшествия мы некоторое время присматривались друг к другу, прежде чем приступать к размещению радиостанции, антенны и исполинской батареи. Когда представитель ВМС сломал люк, у меня чесался язык сказать ему, куда он может сунуть всё это снаряжение, но я взял пример с него и наложил печать на свои уста. Передатчик мы привинтили к подволоке. Антенну зацепили за верхний конец мачты и прикрепили к такелажу. Но кислотный аккумулятор никуда не влезал. Вы небось думаете, что на борту двадцатипятифутовой яхты должно быть вдоволь места, однако на деле пригодного для использования пространства очень мало. К тому же речь шла о незапланированном снаряжении, сверх давно предусмотренного комплекта, и наконец, нельзя как попало ставить предмет весом в двести фунтов на маленьком судне с отрегулированным балластом. Аккумулятор должен был стоять достаточно низко, в хорошо вентилируемом месте и так, чтобы к нему был лёгкий доступ. На всей яхте только один уголок отвечал всем этим требованиям, а он уже был занят под весьма важный объект, а именно — гальюн. Правда, гальюн был оборудован

обыкновенным ведром, однако я потратил немало времени и умственной энергии на его устройство. Межпалубное пространство — в самый раз, поскольку гальюн помещался под носовым люком, что обеспечивало также бодрящий приток свежего воздуха. Опорные брусы были остроумно расположены и укреплены сквозными болтами. А то, что неискушенному глазу показалось бы всего-навсего пластмассовым ведром, на самом деле представляло собой великолепно продуманное приспособление, спроектированное и изготовленное в расчёте на долгую и верную службу.

— Придётся вам это ведро убрать, — заявил этот военный тип.

Как не вздохнуть от такого беспардонного варварства! Некоторые люди просто не способны понять, чем надо дорожить. А что выбрасывать.

В конце концов аккумулятор был крепко привязан линем к рукояткам у обоих бортов. Во всех этих горестях и испытаниях меня утешала и поддерживала мысль, что, если радиостанция будет работать, я хоть смогу выполнить обещание, данное моей жене Эйре. Подобно многим путешествующим супругам до меня, я опрометчиво поклялся, что буду через день связываться с ней по радио или передавать радиограммы через других.

Каждую из готовящихся к гонке яхт отличала своя, особая атмосфера. Вместе с Фрэнсисом на борту флагмана нашей флотилии находилась его жена Шейла, и там царил строжайший порядок. Припасы поступали в назначенный срок и своевременно укладывались на место. Прибывающих представителей прессы либо отшивали, либо улещивали, смотря по обстановке; приёмы проходили торжественно и пышно.

— Жаль, что ваша жена не смогла приехать сюда, чтобы проводить вас.

— Она только что родила.

— Какая досада!

Блонди на «Шутнике» работал легко, одновременно принимая друзей и гостей, которые заходили поболтать и выпить стаканчик. В нагромождении припасов и снаряжения нетрудно было усмотреть систему. Списки изучались, исправлялись, что-то добавлялось, что-то вычёркивалось, и во всём проглядывали холостяцкая методичность и опыт человека, не один десяток лет проведшего на малых судах. В разгар буйного шторма, в ночь-полночь ему достаточно протянуть руку за спичками, чтобы разжечь примус. Они будут лежать на месте, сухие, в полной сохранности.

— Постой, Вэл, прежде чем уходить, распишись, пожалуйста,

в гостевой книге. Спасибо.

На борту «Главной добродетели» Дэвид время от времени появлялся из-за или из-под высоченных груд. Чего только тут не было: джем, верёвки, паруса, пиво, кранцы, яблоки, джин, пилы, топоры, башмаки, виски, антиакулин, керосин, спички, канистры с водой, комплект газовых баллонов, банки с мазью, шёлковые чулки, бюстгалтеры и наимоднейшие чёрные кружевные трусики. Учитывая, что предстоят гонки одиночек, на первый взгляд было не совсем понятно, при чём тут трусики, но оказалось, что они принадлежат его подруге, которая, как он выразился, «предложила свои услуги» и помогала ему готовить яхту к плаванию.

На борту «Эйры», если исключить беспорядочные кельтские возгласы моих друзей, рьяно снаряжавших в путь судно, которое, как они твёрдо считали, похоронит меня в морской пучине, царило некое подобие порядка. Однако под аккуратными рядами тушёных бобов лежали грязные носки, притом не одна пара, а когда мы, наконец, вышли в море, я обнаружил, что забыл взять очень важные навигационные таблицы. «Шутник» и Блонди Хазлер интересовали меня гораздо больше, чем остальные. Фрэнсис, Дэвид и я попросту купили яхты, размеры и оборудование которых определялись нашими финансовыми возможностями. По существу, это были обычные крейсеры или гоночные суда, приспособленные нами для одиночного плавания, главным образом путём добавления того или иного автоматического рулевого устройства. Другое дело — «Шутник», он воплощал в корне новый подход к проблеме движителя парусной яхты. В моих глазах он был своего рода плавучей доской для объявлений с надписью «Ум в действии». Блонди, разумеется, весьма скромно оценивал свой вклад в вооружение яхты — дескать, китайцы решили эту задачу пять тысяч лет назад, — но его скромность никого не обманывала. «Шутник» представлял (и представляет) собой результат обращения острого и самобытного ума к многовековой проблеме, как пересечь океан и при этом остаться сухим. Мне нравился этот человек и нравилась его яхта, лучше любого известного мне судна отражающая и иллюстрирующая характер своего создателя.

— А вот эти боковые люки, для чего они, Блонди?

— Понимаешь, на ходу, при сильном крене, через наветренный люк можно выйти на палубу, если надо.

Один из недостатков вооружения «Шутника», по-моему, — невозможность поставить дополнительные паруса для слабого ветра. Ты вынужден обходиться своими двумястами пятьюдесятью квадратными футами. На обычной яхте у тебя в запасе генуэзский

стаксель и летучки, можно увеличить парусность почти вдвое.

— Но для этого надо выйти на палубу.

Знаю, Блонди, знаю. Кроме того, меня беспокоит эта мачта — никаких растяжек, она, должно быть, здорово качается, вроде спиннинга.

— Ты бы ещё вспомнил то время, когда крылья аэроплана со всех сторон крепились верёвками.

— Сдаюсь, Блонди, сдаюсь.

III

Какой моряк не отмечал стаканчиком отплытие? А потом жалел об этом в день старта?

Время текло очень быстро в заливе Милл, и вот наступил день, на который «Обсервер» назначил обед в честь трансатлантической гонки одиночек. Обед состоялся у «Педро», в харчевне, откуда вполне можно добрести неверными шагами до пристани. Присутствовали участники и некоторые из болельщиков. Был представлен организационный комитет Королевского Западного яхт-клуба. В людях с озадаченным выражением лица легко было опознать представителей «Обсервера», явно недоумевающих, кой издательский бес занёс их в такую компанию.

Кто-то — должно быть, Крис Брэшер (обладатель олимпийской золотой медали) — немало потрудился, чтобы вечер прошёл успешно. И хорошо сделал, ибо поначалу мероприятие носило гнетущий характер последней трапезы перед казнью. Во всяком случае, так показалось мне, когда я прибыл, но это впечатление могло быть вызвано тем, что я целый день воздерживался от спиртного, решив стартовать со всеми наравне. За мной числилось несколько неприятных случаев, когда все остальные ещё пребывали на стадии супа и хереса, а я уже начинал очень громко говорить, хлопать соседей по спине и бубнить «ты славный парень». Однако на сей раз мы все бодро шагали в ногу. Вино лилось так, как ему положено литься, когда угощает устроитель, и вечер удался на славу.

В конце торжества я обратил внимание на маленького полного человека, который смирно сидел за столиком в углу. Я подошёл к нему и представился.

— А я француз Жан Лакомб, — ответил он, вставая — Прибыл сюда из Гавра.

Отличный гамбит, хотелось бы мне испытать его на каком-нибудь чопорном закоренелом великобританце.

> «Здравствуйте. Я валлиец Дэй Джон Эдвардс. Приехал сюда из Гвэнкэгурвена».

Французу это сойдёт с рук, насчёт валлийца я не так уверен, но, ей-богу, стоит попробовать.

Жан только что закончил тяжёлый трёхдневный переход, он

здорово устал и сказал, что сперва передохнёт, а стартует попозже. Эти слова он произнёс после внимательного взгляда на своих бражничающих соперников, и я до сих пор не знаю точно, что он подразумевал.

Войдя во вкус у «Педро», я и ещё с полдюжины прытких валлийцев неразумно решили добавить у себя в гостинице, и было уже довольно поздно, когда мы, наконец, разбрелись по своим номерам. Однако возбуждение не давало мне уснуть. Мысли вращались вокруг гонки, яхт и моих конкурентов. Я лежал и думал об Эйре, оставшейся в Сондерсфуте. И пытался утешить себя рассуждениями о том, что мне ещё гораздо лучше, чем некоторым другим, которые прислали заявки на участие в гонках, но до сих пор не явились. Пайвер построил свой тримаран в Калифорнии, провёз его на трейлере четыре тысячи миль через все Штаты и теперь шёл на нём через Атлантику. Конечно, он опоздает к началу гонок в обратном направлении. Не повезло, парень, все труды насмарку. Мы столько слышали о его многокорпусном судне, какое оно ходкое, какое остойчивое, и так далее, и тому подобное, и я огорчался, что Пайвер не докажет нам на деле своё превосходство. Немец, заявивший о своём участии, повёл себя как-то загадочно. Поступило сообщение о его выходе из Гамбурга, но после этого он словно в воду канул; ясно, что и он не стартует. Эллисон заявил яхту под названием «Голубая мгла», типа «Уэст-Солент-Уан», вышел на ней из Аберсоха, но вынужден был укрыться в Фишгарде. Ещё один долой. Не дай бог попасть так впросак. Готовиться месяцами, трудиться, стараться — и ужасное разочарование, когда что-то тебя подвело. Дурацкое положение: объявил на весь свет о своём участии в гонках через океан, а сам спасаешься в убежище от лёгкого порыва ветра, потому что яхта не годится. Продолжая разрабатывать эту тему, я почти убедил себя, что мне здорово посчастливилось, ведь я-то завтра стартую. Перед тем как заснуть, я не забыл позвонить ночному дежурному, договорился, чтобы меня разбудили в пять тридцать утра, и заказал на завтрак два крутых яйца и четыре таблетки аспирина. Поистине алкоголь — зло!

Телефон разбудил меня своевременно, я чувствовал себя прескверно. Потребовалось огромное усилие воли, чтобы справиться с завтраком, но я знал, как важно разумно начать день, тем более когда предыдущий вечер кончился столь неразумно. Утро было пасмурное, хмурое, как раз под стать моей голове. Я поглядел на небо. Ой-ой! Зюйд-вест в пять-шесть баллов, облачно, возможны ливневые дожди. Не очень-то приятная перспектива.

Придя к яхте, я увидел, что Блонди уже трудится на «Шутнике». Дэвис, а за ним и Фрэнсис тоже явились и приступили к работе. Я суетился на борту «Эйры», но никаких серьёзных дел не было, в общем-то я просто слонялся взад-вперёд, злой и раздражённый. Два крутых яйца давили на желудок, словно свинцовые грузила, и я уже был не рад, что съел их. К восьми тридцати все приготовления были завершены, оставалось только убивать время. Пришли мои друзья, и я честно старался быть учтивым, но эта задача превосходила мои возможности, и я обрадовался, когда подошёл военный катер, чтобы вывести «Эйру» из залива Милл и отбуксировать её к Торпедному доку. «Шутник» и «Джипси Мот» уже ушли туда; Блонди — на буксире, Фрэнсис пустил вспомогательный двигатель. Целью этой затеи, о которой мы договорились заранее, было дать каждому возможность поскрести надводные борта своей яхты, очистить их от вонючего чёрного мазута, налипшего за то время, что мы стояли под ветром у коммерческого бассейна. Когда командир катера дал ход, буксирный конец так лихо развернул нос «Эйры», что корма ударилась о корпус танкодесантного судна, возле которого была пришвартована яхта. Я закричал на старшину и изверг на него поток брани, подвергая сомнению его происхождение и пол, а также способности — и не только его, а всего военно-морского флота в целом. Одним словом, это было вульгарное проявление дурных манер и дурного настроения, и я раскаялся сразу после того, как произнёс гадкие фразы, которые вырвались у меня изо рта, словно лягушки. Как только мы дошли до Торпедного дока, я извинился перед старшиной.

Мои друзья Джон и Ллойд принялись удалять мазут скребками и моющими средствами, полученными от военных моряков. С благодарностью предоставив им висеть вниз головой вместо меня, я прошёлся вдоль дока, проверяя, не заметно ли у других признаков нервозности, которая одолевала меня. Блонди выглядел спокойным и хладнокровным, он деловито проверял такелаж и приветствовал меня улыбкой. Фрэнсис хлопотал, но усердие его приносило мало плодов, так как явно было призвано скрыть раздражение; он только буркнул что-то в ответ, когда я поздоровался. Дэвид метался, словно муха в бутылке, быстро, но без толку, и был на вид таким же взвинченным, как и я. Тем не менее он мне помог. Когда я спросил, как он смотрит на то, чтобы отложить старт на завтра, Дэвид сказал:

— Ради бога не надо. Завтра непременно будет ещё хуже. Лучше уж выберемся отсюда поскорее.

Желая до конца проследить за ходом событий, мои болельщики наняли катер, и в девять пятнадцать они подошли,

чтобы вывести «Эйру» из дока и отбуксировать в район старта. Торпедный док прикрыт высокой скалой, и трудно было определить, какой ветер ждёт нас в заливе. Но низкие серые тучи достаточно быстро скользили по небу, поэтому я заранее взял два рифа на гроте и поставил маленький кливер. Пришла пора трогаться, и катер, взятый напрокат на верфи Мэшфорд, начал буксировку, на сей раз безупречно. На самом деле ветер в заливе был не такой свежий, как я думал, и парусность оказалась маловата, но этот минус мог превратиться в плюс при ухудшении погоды. Всё равно ближайшие двадцать минут нам предстоит юлить взад-вперёд. Фрэнсис нёс полный грот, его «Джипси Мот» и сам он выглядели очень лихо. Дэвид носился по заливу, словно нетерпеливый бычок, который ищет, к какому стаду пристать. Блонди, как всегда, был на высоте положения и лавировал на ветре. Выстрел известил, что до старта осталось десять минут, и я сверился со своими наручными часами. Перед пятиминутным сигналом меня уже всего трясло от нервного напряжения, я не мог усидеть в кокпите, то выскакивал из него, то возвращался на место. Когда стрелка принялась отсчитывать последние минуты, я попытался взять себя в руки. Для этого я отрешился от своих переживаний и нарочно замедлил дыхание, делая глубокие, продолжительные вдохи; это заметно помогло моим нервам. Наконец прогремел стартовый выстрел, и мы пошли.

Блонди стартовал лучше всех, он угадал в выстрел и сразу развил хороший ход, попрежнему оставаясь на ветре. Я был бы разочарован, если б вышло иначе. Дэвид тоже удачно взял старт, да и Фрэнсис шёл сразу за «Эйрой». Я увидел, как он выбрался из кокпита, прошёл вперёд к мачте и начал поднимать лебёдкой генуэзский стаксель. «Джипси Мот» и с одним гротом хорошо шла бейдевинд, а когда прибавился стаксель, яхта, ещё раньше чем шкоты были выбраны до конца, буквально рванулась вперёд. Идя вдвое быстрее меня — ведь я по-прежнему ползь под гротом с двумя рифами, — она настигала «Эйру» с кормы. Не спустись я под ветер, не миновать бы нам столкновения — Фрэнсис прошёл на ветре на расстоянии одного корпуса, причём сам он ещё был на носу, доверив управление Миранде, как он называл своё автоматическое рулевое устройство. Ироническая ситуация позабавила меня и оказала благотворное действие на мои нервы. Обгоняющее судно обязано соблюдать дистанцию, при нарушении поднимай флаг «протестую» и устраивай скандал. При мысли о возможном исходе у меня вырвался истерический смешок. Конечно, это было исключено. Даже если бы он врезался в меня, мне не пришло бы в голову протестовать. Я помахал рукой обгоняющей яхте и подумал, что больше не увижу Фрэнсиса.

Теперь «Эйра» очутилась в хвосте, и я сказал себе, что надо принимать меры. Но едва я стал отдавать риф, как со мной поравнялся катер с наблюдателями, и я увидел приветственно махавшего мне Криса Брэшера. Надо показать себя бодрячком.

— Хорошо, что гонка длинная, Крис!

Я постарался крикнуть это с самым небрежным видом, на какой только был способен. В действительности на душе у меня было отвратительно, я нервничал, чего-то боялся. Хоть бы никто этого не заметил… С полным гротом «Эйра» прибавила ход, и к тому времени, как мы вышли за мол, я сравнялся с Дэвидом и Блонди, хотя «Шутник» был на ветре.

Оба фолькбота и «Добродетель» были примерно равносильны. «Шутник» нёс полные паруса и шёл хорошо, как будто чуть круче к ветру, чем остальные две яхты. «Эйра» тоже работала неплохо, я немного отпустил грот и кливер, чтобы ход был быстрее, чем у соперников. Вскоре мы уже удалились в море на несколько миль, причём «Джипси Мот» вырвалась далеко вперёд, лишь белый парус мелькал иногда на гребне. Суша нас больше не прикрывала, и волнение усилилось, свежий вест вместе с сильным отливным течением основательно изрыли море. Я наладил рулевой автомат и отправился вниз что-нибудь выпить. Качка была изрядная, а тут ещё это несварение желудка (или попросту страх?), меня подташнивало, и вообще я чувствовал себя паршиво. Во рту пересохло, поэтому я ограничился стаканом лимонного сока с водой и вернулся на палубу. Там летела водяная пыль, и яхта, идя круто к ветру правым галсом, сильно кренилась, так что релинг временами скрывался под водой. Условия были как раз такие, каких я надеялся избежать в начале гонки. Британские острова захватила область пониженного давления, над Ла-Маншем и к западу от островов дул свежий до сильного зюйд-вест.

Всякий одиночный переход очень сложная задача. Одиночное плавание через Атлантический океан тем более серьёзное предприятие, даже самый храбрый человек задумается над ожидающими его опасностями, во всяком случае, ощутит некоторое беспокойство. Начало первых трансатлантических гонок одиночек вымотало из меня всю душу. Я проклинал недобрую погоду, лучше бы стихии вели себя более сдержанно.

Ветер был ровный, и мы вышли, лавируя, в Ла-Манш скулой к волне. В час дня на траверзе с правого борта, примерно в полутора милях, появился маяк Эддистоун; берег Англии уже пропал. Я всё время следил одним глазом за Дэвидом и Блонди и заметил, что «Главная добродетель» настигает меня, неся большой коричневый генуэзский стаксель. Яхта мчалась, будто поезд, рассекая гребни и шлёпаясь в ложбины. Очевидно, Дэвиду

тоже не хотелось быть последним. Через полчаса после того, как мы прошли траверз Эддистоуна, я снова поглядел назад. «Шутник» был примерно в миле от меня, ближе к ветру. Дэвид шёл прямо за моей кормой, но его яхта как-то изменилась с виду, что-то произошло с её силуэтом. Я достал бинокль и стал водить им, силясь удержать в поле зрения «Главную добродетель».

Мы по-прежнему шли круто к ветру, с сильным креном переваливая через встречную волну, и солёные брызги затрудняли пользование биноклем, поэтому целая вечность понадобилась, чтобы убедиться в том, что я заподозрил с первого взгляда. «Главная добродетель» потеряла часть мачты.

— Господи, стеньга обломилась!

Ветер унёс слова, которые я непроизвольно выкрикнул. На секунду в моей душе возникла нехорошая мысль, но я поспешил прогнать это порождение низости.

— Бедняга Дэвид, надо же как не повезло.

В бинокль я видел, что его мачта переломилась как раз над оковками и верхняя половина беспорядочно болталась, удерживаемая вантами и окутанная стакселем. С минуту я размышлял над тем, стоит ли повернуть и предложить ему свою помощь. Взвесив всё, я заключил, что вряд ли смогу для него что-либо сделать. К тому же Дэвид двигался по палубе, явно целый и невредимый, и моя тревога поумерилась. Продолжая наблюдать за качающейся на волнах пострадавшей яхтой, которая быстро уходила назад, я увидел, как «Шутник» изменил курс, уменьшил парусность и лёг в дрейф рядом с Дэвидом. (Молодец, старина Блонди!) Конечно, Хазлер тоже был бессилен ему помочь, но меня порадовала такая верность кодексу чести. В несколько минут обе яхты пропали из виду, однако в мыслях я, конечно, был вместе с моими товарищами.

Это происшествие встряхнуло меня в минуту, когда я был готов совсем распустить нюни, что уж никак не годится, когда идёшь один на маленьком судне. Обидная неудача Дэвида, естественно, ничего не изменила в моём положении, и я по-прежнему с тревогой думал о предстоящей задаче, но если до сих пор я чувствовал себя каким-то огорошенным, жалким, пришибленным, как это бывает с эмоциональными людьми вроде меня, когда перед ними стоит гнетущая череда трудных проблем, то теперь унынию пришёл конец. Ведь и со мной могло случиться то же самое. Жизнь штука серьёзная, она спуска не даёт. Чем была вызвана авария? Несомненно, яхта несла излишек парусины, да Дэвид ещё неудачно пошёл на гребень, возможно, свалился с него, и мачта не выдержала толчка. Не рискую ли я совершить такой же ляпсус? Как поживают винтовые талрепы и штаги?

Вялость как рукой сняло, я остро чувствовал свою ответственность перед яхтой. Наше сотрудничество — для того, чтобы оказаться успешным, должно быть честным и долгим. События последних десяти минут нагляднее наглядного показали, что я нуждался в уроке. Усвоив его, я в то время осознал, что Дэвиду ещё повезло. Куда горше было бы испытать такой удар посреди Атлантического океана.

Сгоряча я совсем позабыл бросить в воду вертушку лага. Теперь я поспешил выполнить эту несложную процедуру, причём подогнал показания, чтобы они отвечали нулю на траверзе Эддистоуна. Одно из маленьких преимуществ одиночного плавания заключается в том, что вы можете позволить себе такой трюк, и никто об этом не узнает. Потом я спустился вниз и сделал запись в журнале.

13.00. Маяк Эддистоун на траверзе с правого борта. 1,5 мили. Мы отбыли.

IV

Кое-что не так просто, как выглядит на первый взгляд.

Первая ночь самых первых трансатлантических гонок одиночек окутала сумраком события истекшего дня. И слава богу. Начало было не очень хорошим — дурная погода, один из четверых участников вышел из строя, во всяком случае, временно. Но так или иначе, мы стартовали. Я продолжал вести «Эйру» круто к ветру правым галсом, вернее — её вело автоматическое устройство, я же пошёл вниз отдыхать, только каждые десять минут, как чертик на пружине, высовывал голову из люка, проверяя, не пересекаем ли мы чей-нибудь курс. Я сбросил клеенчатую робу, обмотал шею сухим полотенцем, чтобы защитить кожу от мокрого воротника рубахи, и стоя влез поглубже в спальный мешок. В ближайшие ночные часы нечего было и думать о сне. Мы шли по Ла-Маншу, предстояло не раз пересекать пути оживлённого судоходства, здесь только дурак позволил бы себе ложиться. Но я озяб, а мягкий шёлковый кокон сулил тепло моим конечностям. Да если бы и не вахта, всё равно уснуть было невозможно. Хотя в прошлую ночь я всего часа на три сомкнул глаза и с утра ощущал нечто весьма похожее на похмелье, я не уснул бы, даже если бы мне посулили пенсию.

Первая ночь одиночки на маленьком судне в море. На моём счету были десятки таких ночей, но, доведись мне пережить это ещё сто раз, всё равно я не способен расслабиться так быстро после начала плавания. Я чересчур взвинчен, и не счесть всего, что подстёгивает мои обострённые чувства. Тело ещё не успело приспособиться к порывистым движениям яхты. Пока что человек и судно всего лишь знакомые, ненароком оказавшиеся в суровых условиях. Сотрудничество налаживается не сразу, и нужно несколько дней сносной погоды для подлинного взаимопонимания, чтобы установилось относительное душевное равновесие.

Звуки первой бессонной ночи. Плеск и дробь бросаемых ветром брызг. Шипение нависающего гребня. Стук и скрип идущего на ветер деревянного судна — отчаянно кренящегося кузовка с разными разностями, скреплённого медными гвоздями и мягкой стальной проволокой.

Поднимись и проверь, нет ли встречных судов. На фолькботе для этого не надо вылезать из спального мешка, просто встань на коленях на койке и возьмись за край люка… постой, как раз идёт

большая волна… обожди, пока ветер не отнесёт брызги… теперь высовывай голову.

Привычный глаз и ночью видит. На палубе светлее, чем внизу, в тёмной каюте. Окинуть взглядом горизонт, отметить комбинации топовых и отличительных огней и быстро представить себе курс судов, которым принадлежат огни. Группа тральщиков под ветром. На севере — здоровенный верзила с хорошо заметным зелёным огнём, вероятно лайнер, идущий вверх по Ла-Маншу, скажем, в Саутгемптон. И с левого борта какой-то тип, видны топовые огни и один красный. А это кто у нас за кормой? Два белых огня, один над другим, красный и зелёный. Обгоняющее судно, лучше за ним присматривать, вдруг это какой-нибудь супертанкер, несущийся со скоростью восемнадцать узлов. Подомнёт и даже краску себе не поцарапает, вообще ничего не почувствует… Ещё раз осмотреться на случай, если не приметил чего-то за волнами. Теперь можно нырять в каюту, пока лицо не окатил холодный солёный душ. И прилечь на койке у подветренного борта. Подумать о доме. О жене. О детях. О погоде. О дистанции, которую предстоит пройти. Дом… Пятнадцать минут прошло, надо снова выскакивать из коробочки. До чего же весело плавать в одиночку в прибрежных водах!

В час ночи, когда лаг накрутил двадцать семь миль, я решил, что пора класть яхту на другой галс, пройти северным курсом. С неохотой я выбрался из тёплого спального мешка, облёкся в холодную и влажную робу, натянул на голову войлочную шляпу, проверил, всё ли в каюте подготовлено для маневра, и медленно вылез через люк в мокрый, неуютный кокпит. И в мою душу закралась мысль, которая в ближайшие семь недель не раз меня навещала.

— Какого чёрта я здесь очутился?

Однако сейчас не время задумываться над такими вопросами. Сейчас надо делать поворот оверштаг. Стоя на корме, я отцепил флюгер, потом вернулся к кокпит и отвязал кливер-шкоты. Немного прошёл прежним курсом, чтобы хорошенько почувствовать яхту, прежде чем поворачивать, потом, выбрав подходящую минуту, переложил румпель и скомандовал «руль под ветер». Потравить один кливер-шкот, выбрать другой, да поживей, пока нет нагрузки. Гик перевалил, отводи руль. Так, всё в порядке, легли на другой галс, опять идём бейдевинд.

Во время поворота я сквозь шум хлопающего паруса услышал грохот в каюте: забыл убрать что-то на место, будем надеяться, что-нибудь не очень важное. Подтянули амортизирующий трос между румпелем и наветренным комингсом. Выбрались из кокпита на кормовую палубу. Осторожно! Чего доброго,

поскользнёшься и полетишь за борт. Подсоединили флюгер, стянули зажим — и обратно в кокпит. Вытравили трос. Вот так! Рулевой автомат заступил на вахту. И всё добром. Никакой брани, никаких криков, если не считать команды «руль под ветер». Такая у меня за много лет выработалась привычка. «К повороту! Руль под ветер!» — командуют на парусных судах при смене галса, и я на моём маленьком судёнышке соблюдаю традицию. А так как, кроме меня, на борту никого нет, предварительную команду я опускаю, чтобы не показаться кому-нибудь чудаком. Кончив работу с парусами, прежде чем спускаться вниз, я всегда задерживаюсь на несколько минут в люке и проверяю, всё ли в порядке на палубе. Немного поработать помпой, чтобы в трюме было сухо. Внимательно осмотреть горизонт, удостовериться, что путь свободен. И последнее: включить освещение компаса и проверить, какой курс держит яхта. Всё хорошо, насколько это от меня зависит, можно спускаться и задраивать люк.

Воскресное утро, день отдыха на берегу, но отнюдь не выходной для тех, кто идёт в лавировку по Ла-Маншу на малых судах. К половине пятого утра ветер заметно посвежел, пришлось снова выходить на палубу — брать рифы на гроте. Теперь яхта ведёт себя совсем иначе, она перегружена и мчится вперёд в туче брызг, а то и волной её захлестнет, так что наветренный релинг исчезает под водой. В таких условиях я всегда пользуюсь страховочной сбруей. И обычно работаю босиком. У вас замёрзли ноги? Вот беда. Темно, ветер сильный, дождь идёт. Парус громко хлопает, когда вы травите фал, закрепляете гик на бугеле и потуже натягиваете грот, чтобы не полоскался. Теперь есть обо что опереться, опасность поскользнуться намного меньше. Возьмите первый риф. Заложите мочку за галсовый кренгельс и выбирайте риф-шкентель шкотового угла, да поживей. Вяжите риф-штерты. То же самое повторить для второго рифа. Отпустите грот, освободите гик, закрепите фал, отрегулируйте топенант, натяните грот. Четверть часа работы, испытание для настоящего мужчины. Да здравствуют океанские гонки одиночек!

Спустившись вниз после окончания всех дел на палубе, я чувствовал себя прескверно: озяб, промок, раскис. Первая ночь в море — и что за ночь. Отыскал галеты, грызу их, наливаю себе пинту крепкого лимонного сока. Внезапно меня осенило, что я ничего не ел и очень мало пил с половины шестого вчерашнего утра. Не удивительно, что самочувствие паршивое. Я выпил свою пинту сока, как измученный жаждой человек выпивает кружку пива в жаркий летний день. И тут же понял, что допустил тактический промах.

Я проклял собственную глупость, а чтобы утешить своё

самолюбие, попытался убедить себя, что такой фортель и на берегу привёл бы точно к такому же результату. Что ж, крепче усвою урок, который вынес из предыдущих одиночных плаваний. Заботься о судне, душе и теле. Выйдя в долгий рейс, я начал с того, что проявил заботу о судне, истерзал душу и совершенно пренебрёг телом. Так поступают идиоты. Каким бы сильным и энергичным ни был человек, всё равно — где-где, а на малом судне никак нельзя с пренебрежением относиться к своему организму. Именно то, что я сделал. Повёл себя как дурак. Надо регулярно есть хоть что-нибудь, даже если не очень хочется. Пить горячее. Много лет постепенно копил горький опыт — и так легкомысленно выбрасываю его за борт… Я недооценил эмоциональное напряжение, связанное с необходимостью оставить жену с новорождённым и ещё двумя детьми. Взялся за такое дело, а сам парю в облаках. Моё тело лежало на койке в спальном мешке, а душа металась, словно бумажный змей на нитке, вознесённый в поднебесье леденящим ветром тревоги, которая всегда меня одолевает, когда я выхожу в одиночное плавание и опасаюсь провала. Пора возвращаться на землю.

Мне пришло в голову, что я, так сказать, не единственный камешек на пляже. Другие решают ту же задачу. Причём можно не сомневаться, что справляются с ней лучше моего. Уж Блонди не распустит нюни. И Фрэнсис. И Дэвид.

Преодолев свой маленький кризис, я почувствовал себя гораздо лучше — и очень кстати, потому что в первой половине дня погода продолжала ухудшаться, к одиннадцати часам дул уже крепкий зюйд-вест. Я произвёл надлежащие маневры, на сей раз куда бодрее прежнего. Убрал грот и некоторое время шёл под малым кливером, а по сути дела лёг в дрейф на несколько часов, потом ветер сместился на несколько румбов и ослаб. Это позволило мне поставить грот с двумя рифами, и снова я пошёл вперёд бейдевинд правым галсом, курс почти точно зюйд-вест. На ленч я сделал себе бутерброд с маслом и мармайтом и открыл банку саморазогревающегося супа из воловьего хвоста. Эти концентраты — великое благо, самый простой способ в мире приготовить горячий питательный суп. После такого пиршества, первой настоящей трапезы за два дня, я почувствовал себя другим человеком. Вечером, хоть и дул свежий ветер, погода была хорошая, и я лёг, твёрдо намереваясь немного поспать.

Возбуждение и нервный запал в связи со стартом и неприятной первой ночью начали спадать; после этого, как водится, душа осознала, что моё доброе старое тело нуждается в настоящем отдыхе. Я проспал не больше двадцати минут и проснулся от ощущения, что на борту что-то неладно. Трудно

объяснить, чем вызвано то шестое чувство, которое развивается у некоторых людей, но я проснулся с отчётливым сознанием какого-то непорядка. Одно дело, если бы я грезил, лежа в спальном мешке, и меня что-то встревожило бы, а тут я открыл глаза, твёрдо зная, что яхте грозит беда. Я немедленно встал и выглянул из люка — не хочет ли кто-нибудь на нас наскочить. Потом хорошенько осмотрел палубу. Мачты и такелаж. Автоматическое рулевое устройство. Всё в порядке. Значит, что-то случилось внизу. Сидя на ступеньках трапа, я обозрел каюту. Более или менее чисто, всё на месте. Однако моё шестое чувство, или мой ангел-хранитель, назовите это как хотите, продолжало меня предостерегать. Или это мой нос? Ну конечно. Вот опять повеяло: странный запах, явно что-то необычное… Очень странный запах. Начав с кормы, я проверил все рундуки — иногда влажная шерстяная одежда невесть почему вдруг начинает преть в тепле плотно закрытого рундука, но ничего подобного не обнаружил. Да и рано, переход только начался. Понюхал в камбузе — ничего. А в следующую минуту снова уловил слабый, однако настораживающий запах. Он шёл определённо с носа. Я протиснулся мимо мачты, опустился на колени и окинул взглядом мешки для парусов, запасные концы и другое снаряжение, хранившееся в носовой части. Качка была изрядная. Яхта по-прежнему шла бейдевинд, с запада набегал сильный накат, да северо-западный бриз ещё увеличивал толчею. Поэтому носовую палубу сильно захлёстывало, и часть воды через носовой люк просачивалась вниз. Этот люк никогда не был совершенно водонепроницаемым, а после поломки ему стало ещё дальше до совершенства. Вот яхта снова зарылась, зачерпнула носом воду, и я увидел, как струйка сбежала с комингса на рундук, в котором хранилась батарея. Ну конечно: батарея. Я открыл рундук. Ух ты, чёрт, корпус аккумулятора развалился, и почти вся кислота вылилась наружу. А часть воды, стекающей с комингса, попадала на оголённые свинцовые электроды. Вспомнились давно забытые уроки химии двадцатилетней давности. Хлор — на яхте пахло хлором, чуть-чуть, но достаточно явственно.

Я отбросил в сторону крышку рундука, взял клеенчатую куртку и накрыл батарею, чтобы предохранить её от солёных брызг. Потом вернулся в кормовую часть яхты и сел на краю койки у подветренного борта, чтобы поразмыслить над случившимся. Причина происшествия была достаточна ясна. Я привязывал батарею линем в Плимуте, когда всё, и линь в том числе, ещё было сухим. Потом яхта начала черпать воду, часть воды просочилась внутрь, мокрый линь натянулся и раздавил аккумулятор. Вообще с радиостанцией всё было сделано наспех,

кое-как, и, кроме меня, винить в этом некого. Стандартный эбонитовый корпус аккумулятора не был рассчитан на применение в море, надо было сделать для него деревянный ящик. Ещё один урок… А сейчас нужно придумать, как быть, что делать с батареей и растёкшейся в трюме кислотой. Я решил выбросить то, что осталось от аккумулятора. Прежде чем приступать к делу, надел резиновые сапоги, робу и сохранившиеся, на моё счастье, старые перчатки, затем отправился на нос. Учитывая вес аккумулятора, задача эта была нелёгкая, а тут ещё качка, теснота, и работать приходится, согнувшись в три погибели. Ушло порядочно времени на то, чтобы извлечь аккумулятор из рундука, оттащить его на корму, перенести через трап, спуститься в кокпит, поставить аккумулятор на сиденье и, наконец, выждав, когда яхта накренится под ветер, сбросить за борт эту чёртову штуку.

Зачерпнув всё тем же пластмассовым ведром чудесной, чистой морской воды, я вылил её на робу и сапоги, смыл кислоту, пролившуюся из аккумулятора, когда я прижимал его к груди, потом спустился вниз завершить дело. Без сомнения, в трюм попало изрядное количество серной кислоты, и я спрашивал себя, как это отразится на скрепляющих яхту медных гвоздях. Скорее всего плохо… И я выливал в трюм одно ведро морской воды за другим. Когда она громко заплескалась, я всё откачал, потом снова налил. Опять откачал. Так я споласкивал и откачивал, пока не проникся уверенностью, что корпус и рундук, где стоял аккумулятор, обеззаражены. Но вот, наконец, работа закончена, можно посидеть на койке, отдохнуть. Сорок пять минут ушло у меня на эту операцию, я здорово устал.

По-моему, я заслужил стаканчик. Я налил себе побольше виски и немного воды. Но первый стаканчик просто требовал какого-нибудь тоста, поэтому я торжественно выпил за успех Американской радиокорпорации, чей великолепный передатчик по-прежнему был крепко привинчен к подволоке. А заодно я пожелал успехов огайской компании «Толедо Бэттери», без продукции которой вся эта коробка с разными мудрёными штуками была абсолютно никчемной.

V

Давайте привыкать к ритму океана. Нам предстоит изрядный переход.

Пока я возился с аккумулятором, ветер притих, и, потягивая виски, я сообразил, что сейчас пора отдать рифы и идти под полным гротом. Но хотя надо было заняться яхтой, я продолжал сидеть на койке; острые переживания благотворно подействовали на меня.

Каюта казалась мне какой-то другой, не такой маленькой, как прежде, но ведь это вздор. Какая была, такая и есть, и всё-таки она стала, да, да, стала больше на вид. Обречённый на вечную роль опоры для чайников и кастрюль, примус покачивался на подвесе в лад корпусу и визгливо жаловался на свою судьбу. В рундуке под моей кормой, подчиняясь ритму наката, — то банка бряк, то кружка звяк. Струйка воды покатилась по матче, сперва нерешительно, потом, приняв подкрепление с палубы, побыстрее. С мачты капля через степс сбежала в трюм, где присоединилась к миллиону себе подобных, образующих пойло для некоего воображаемого существа. Несколько галлонов трюмной воды, ничего особенного, любая доска, прибитая гвоздями, чуточку ходит, и любое деревянное судно протекает, это не причина для тревоги. Однако плеск воды в трюме помог мне, так сказать, сфокусировать сознание, и я более чётко осмыслил своеобразие ситуации.

Воскресный вечер, всего каких-нибудь тридцать шесть часов — правда, довольно беспокойных часов — прошло с начала гонок. Только что я спасся от газового отравления. Или я сгущаю краски? Известная опасность, несомненно, была. Волны вынуждали задраивать люки, так что каюта не очень хорошо проветривалась. Не зная, сколько в ней скопилось хлора и сколько может вынести спящий человек, я не собирался слишком долго размышлять об этом происшествии.

Мне полагалось быть на палубе, отдавать рифы, а я всё сидел сложа руки и обдумывал, какой урок можно вынести из треволнений последних дней. Весьма прозаический: думай о том, что ты ешь и пьёшь, если тебе завтра выходить в плавание на малом судне при крепком зюйд-весте. Но это всякому дураку известно. Надо серьёзнее относиться к подготовке судна: каждая мелочь важна, это теперь яснее ясного, буду твёрдо знать, что поспешность в приготовлениях недопустима. Но, пожалуй, самое

важное, что я пока вынес из выполняемого упражнения, — жди неожиданного. Какой-нибудь пустяк, вроде натянувшегося от воды линя, способен по меньшей мере вызвать маленькую драму. Вот что занимало мои мысли, пока я потягивал виски, и окружающее всё больше поглощало меня. Каюта в самом деле увеличилась: в ней стало больше простора для моего съёжившегося «я».

Выждав, когда яхта накренилась, я соскочил с койки, потом сдёрнул брезент с люка и, стоя на нижней ступеньке трапа, высунул наружу голову и плечи. В стаканчике, который сжимала моя рука, ещё оставалось примерно на треть виски с водой. Я уныло посмотрел на янтарную жидкость. Что-то она не прибавила мне бодрости, скорее наоборот. Пренебрежительно фыркнув, я выплеснул смесь через борт и, не сходя с трапа, поставил стакан на полку. Маленькие суда и длиннорукие мужчины отлично подходят друг к другу.

Проводив на запад вечерний свет, восточный горизонт грозно нахмурился, но впереди полоска гаснущей зари ещё не давала сомкнуться серому океану и темнеющему небу. Северо-западный бриз небрежно обращался с недогруженной яхтой. Подчиняясь голосу разума, я вышел на палубу, отдал рифы, выбрал фал и с удовольствием отметил, как чутко яхта реагировала на такую малость, как щедро вознаграждала мои усилия. Я спустился в кокпит и присел на несколько минут; только ноги успели озябнуть.

Курс вест-зюйд-вест сойдёт пока, а подует опять зюйд-вест — пойдём севернее. Не на век же этот норд-вест. Когда совсем стемнело, я стоял в кокпите и высматривал в ночи огни теплоходов. Вон их сколько. Одни уходят в плавание, тянутся на запад, огибая остров Ашент. Другие возвращаются к родным берегам, и даже самые жестокосердные члены команды поражены сладким недугом, который вызван приближением порта, где ждут невесты, жёны и другие любящие сердца. Убедившись, что путь свободен, я спустился, чтобы разжечь примус, что-нибудь приготовить и перекусить. Я чувствовал себя гораздо спокойнее, радовался, дурачок, как ладно всё идёт, не подозревая, что совершаю новую грубую ошибку.

Ещё одна ночь с упражнениями «вверх-вниз» через каждые двадцать минут и с затрудняющими ход хлёсткими кратковременными ливнями. Двадцатиминутные промежутки, во время которых я либо дремал, либо прислушивался к звукам, издаваемым яхтой, и к четырём часам утра достиг такой степени раздражения, что меня смогла бы утешить только ласковая женщина или шеф-повар высшего разряда. Предпочтительно оба,

хотя я вряд ли смог бы по-настоящему воздать им должное. Четыре часа утра подходящее время, чтобы выкинуть из головы мысль о сне и подумать о приготовлении завтрака. Что-нибудь попроще. Половина грейпфрута, слегка посыпанная сахаром, пара копчёных селёдок (небольших), бекон, яйцо, сосиска, оладьи с сиропом, поджаренный хлеб, мармелад. Всё это в сочетании с несколькими чашками горячего сладкого кофе. А на самом деле? Нескончаемая возня с этим чёртовым примусом (засорилась форсунка). Наконец добрый, горячий напиток: шесть ложек сахара, три ложки какао, полкружки кипятка с порошковым молоком. Далеко не то, что воображаемый завтрак, но достаточно питательно. Кроме того, несколько галет с мармайтом. И вы готовы встречать рассвет.

За ночь море съёжилось в лужицу, на которой только-только умещается яхта. Пруд, у которого есть поверхность, а протяжённости и глубины почти нет.

Когда рассвело, я смог урвать для сна целый час. И проснулся, ощущая подъём, какого в предыдущие два дня не было и в помине. Несмотря на недосыпание и отсутствие нормального аппетита, я чувствовал, что налаживается содружество с яхтой, и понемногу втягивался в привычный распорядок бортовой жизни, которым до сих пор беззастенчиво пренебрегал. Перемыл громоздящуюся в кокпите грязную посуду. Не очень старательно, но вполне сносно. Убрал в каюте, откачал воду из трюма, навёл порядок на палубе и сел за судовой журнал, в котором до сих пор было сделано лишь несколько отрывочных записей. Сколь поучительно оглянуться назад и оценить свои действия на основе того, как и сколько записано о том, что надлежало или можно было сделать. Возьмём навигацию — как поверхностно я к ней подходил. Скорость и направление ветра записаны, отмечены степень волнения, пройденный курс и расстояния, но — и это очень существенно — ни слова не сказано о проделанных за день маневрах, и точная позиция судна не определялась.

По-прежнему дул норд-вест, гоня зыбь и срывая гребни с волн, но как только солнце поднялось достаточно высоко для точного визирования, я достал секстант и попробовал взять его высоту. Через двадцать минут после трех солёных душей у меня был готов ряд более или менее удовлетворительных измерений. Трудности определения не выходили за пределы обычного для малых судов, и я умел с ними справляться, даже слегка гордился своим умением. Итоги наблюдений достаточно близко отвечали счислимому пути, чтобы успокоить мою душу, и я стал нетерпеливо ждать полудня, собираясь взять меридиональную высоту, однако облачность и усилившийся ветер лишили меня

этого дополнительного удовольствия. К тому времени, когда солнце достигло зенита, порывистые броски яхты вместе с капризами погоды исключили возможность наблюдений. Очень хотелось сказать несколько тёплых слов о погоде, помешавшей визированию, но я утешился мыслью о том, что три тысячи миль океанского простора отделяли меня от суши на западе, — ещё успею подготовиться, чтобы не прозевать берег. Вытерев секстант и водворив его обратно в футляр, я рассчитал счислимый путь, заполнил журнал и приготовил ленч, во время которого прикинул, как будет всего вернее действовать дальше.

Идя правым галсом при норд-весте, яхта в общем изрядно продвинулась на запад, но в то же время заметно отклонилась на юг от намеченного курса. Как теперь насчёт «большого круга»? Придётся идти курсом вест-норд-вест — ветер в лоб. К тому же я не сомневался, что этот маршрут выбрали Фрэнсис и Блонди. А если испытать средний путь? Бартон успешно прошёл им в 1956 году. Льды и туманы Большой банки останутся в стороне, значит, больше шансов достичь цели, а это как-никак в нашей гонке самое главное. Не спеша попивая чай, я взвесил этот вариант. Всего свыше трёх тысяч миль ходу. Пройдено на запад только сто миль, а уже одна из четырёх яхт перенесла серьёзную аварию, и сам я был на волосок от провала. Курс вест, Азорские острова останутся милях в двухстах южнее, затем — зюйд-вест, чтобы обойти Гольфстрим. Дальше опять вест, пока не окажусь к северу от Бермудских островов, а оттуда — с попутным юго-западным ветром на Нью-Йорк. Вроде бы верное дело. Погода — солнечный курорт по сравнению с сырым туманом у берегов Ньюфаундленда. Возможно, путь несколько длиннее, зато насколько приятнее. Бог с ним, с «большим кругом». Лозунг «медленно, но верно» тоже иногда приносил победу в гонках. Пусть кто-нибудь другой бодает айсберги. Таково было принятое решение, если это можно назвать решением. Не лучшее решение — я облегчал себе задачу. Но меня можно было понять, учитывая обстановку.

И яхта продолжала идти бейдевинд при норд-весте. Около шести баллов по шкале Бофорта — чувствительно для фолькбота, лавирующего под полным гротом. Брызги летят, подветренный релинг почти всё время под водой, только подветренная койка годится для отдыха. На ней я и лежал, уповая на то, что погода изменится к лучшему.

За ночь ветер стих, барометр начал подниматься, и волнение поумерилось, осталась только зыбь, которая плавно качала яхту. Утреннее определение вместе с меридиональной высотой дало координаты — 47° 30 северной широты и 6° 53 западной долготы; пройденное расстояние по лагу составляло 140 миль. Был

вторник, 14 июня.

Во второй половине дня ветер совсем пропал, к пяти часам установился полный штиль. И если раньше мачта наклонялась под ветер, то теперь, подчиняясь корпусу, который служил ей опорой, она принялась выписывать лихие кривые.

Сильная качка малого судна в полный штиль — это может удивить сухопутного краба, в представлении которого безветрие непременно связано с образом «нарисованного корабля в нарисованном море». Расстаньтесь ещё с одной иллюзией. Возможно, где-нибудь этот образ и годится, но только не в Атлантическом океане. Даже в самый мёртвый штиль поверхность океана изборождена волнами. Иногда это длинная тяжёлая зыбь, возможный предвестник надвигающегося шторма, иногда — еле заметное колыхание, но и этого достаточно, чтобы судно с малым балластом сильно качалось вокруг своего метацентра. Из-за качки обмякшие паруса били по более тугому такелажу, изнашиваясь за полчаса больше, чем за полдня хода с наполненным «пузом». А так как у меня был всего один грот, я подумал, что его стоит поберечь. Ветра не предвиделось, и я убрал грот и передний парус.

Вечер вторника, 14 июня, выдался чудесный, тёплый и солнечный. Я находился в девяноста милях к юго-западу от Ашента, несколько в стороне от пароходных маршрутов, в трёх днях пути от Плимута. Главная радиостанция вышла из строя, однако у меня ещё оставался пеленгатор, работающий на сухих батареях. И вот уже Би-Би-Си изо всех сил старается развеять моё уныние. Моё уныние? В самом деле, что это я такой мрачный? Возможно, весёлые трели приёмника звучали не совсем уместно среди пустынного океана; во всяком случае, они совсем не отвечали моему настроению. Постой, ведь я с самой пятницы ещё ни разу не улыбался. Это я-то, бравый моряк, которому всякое плавание, что бы оно ни сулило, должно быть в радость.

До какой степени можно себя жалеть?

Я послушно изобразил улыбку. Пора заняться своим моральным состоянием.

Я спустился вниз, разжёг примус, достал двухгаллонную канистру с пресной водой, налил в кастрюлю три пинты и поставил на огонь, потом закупорил и хорошенько проверил канистру, прежде чем возвращать её на место в трюм. Всего на борту было тридцать галлонов воды в пятнадцати полиэтиленовых канистрах. Расчётная продолжительность рейса — сорок дней, пятидесятипроцентный аварийный запас даёт ещё двадцать дней, итого — шестьдесят. Полгаллона в день — пить, готовить, умываться и проливать. Не богато, но сойдёт, если на

борту будет соблюдаться дисциплина. Как кок и завхоз, я отвечаю за это. Пока что я потреблял намного меньше нормы. Могу я позволить себе помыться? Не вредно бы. Когда идёшь на малом судне бейдевинд и ветер хотя бы самую малость сильнее умеренного, рано или поздно непременно промокнешь. Не обязательно весь сразу — за головой шея, за кистью локоть, за икрами колени, глядишь, уже и спина мокрая, пора надевать что-нибудь посуше. Я придумал способ: надеваешь на голое тело толстое грубошерстное бельё, затем рубашку из тонкой шерсти, хлопчатобумажную куртку и джинсы. В таком облачении солёные брызги вам почти не страшны. Благодаря плотному белью тепло вашего тела успевает справиться с влагой, проникающей через более тонкую верхнюю одежду. Конечно, это не стопроцентная защита. Если вы настолько глупы, что торчите на палубе, дожидаясь, когда поддаст хорошая волна, она захлестнёт вас до пупа, и пеняйте на себя. Надо было робу надевать, парень. Но вода в кастрюле уже достаточно тёплая для омовения (кипятить её — только зря горючее тратить!), я раздеваюсь и приступаю к туалету.

Немножко воды на дно ведра. Да, не забудьте взять правильное ведро. Теперь намыливайтесь. Это не так-то просто, если у вас полная голова волос и окладистая борода, слипшиеся от соли. Может оказаться, что воды в ведре не хватило, чтобы как следует намылить ваши просоленные кудри. Выплёскивайте солёные помои и начинайте сначала, взяв ещё немного пресной воды. Есть пена? Отлично, выливайте из ведра то, что осталось (если что-нибудь осталось), потом засуньте в него голову и слейте на неё тёплую чистую воду из кастрюли. Голова всё ещё мыльная? Извлеките её из ведра. Верните его содержимое в кастрюлю. Суйте голову обратно, сливайте ещё раз. И так, пока не останетесь довольны результатом. Тому, кто привык окунаться до подбородка в обжигающую ванну, а потом долго стоять под освежающим душем, «баня» яхтсмена может показаться проявлением чистоплюйства. На самом деле это первейший способ поднять дух. Лишь тот, кто испытал блаженное чувство очищения от всякой скверны, может по достоинству его оценить. Вы умылись только до плеч? Вот беда. Протрите остальное влажным полотенцем и запишите, что к следующему разу надо приберечь побольше воды.

Чувствуя себя гораздо бодрее и намного свежее, я надел сухую чистую одежду. Как раз начало темнеть, и мы с моим фолькботом очутились будто в самом сердце гладкого океана, в точке, равноотстоящей от всех пунктов. Радио действовало на нервы, поэтому я выключил его, после чего открыл банку пива и

сделал бутерброды с датским сыром. Тёплый воздух позволял сидеть в кокпите, да и качка явно поумерилась. По-прежнему не было ветра, но я знал, что он будет. Не менее желателен какой-нибудь корабль. Всё равно какой, даже старая посудина годится, лишь бы согласились передать радиограмму моей жене и родным. Впервые у меня появился досуг, чтобы серьёзно подумать о доме. Я и прежде не раз вспоминал жену и детей; теперь время позволяло поразмыслить над тем, что они значат для меня и что я — для них.

— Какого чёрта-дьявола я тут делаю?

Опять этот проклятый вопрос. Позволяет ли мой морской стаж сформулировать честный ответ? Пожалуй, нет. Глядя на восток над гаснущим морем, я понимал, что причиняю тревогу своим родным. Ещё одна банка пива, и моя совесть угомонилась. Я продолжал думать о доме, но теперь уже с предельно эгоистичной точки зрения моряка-одиночки. С чувством лёгкой жалости к себе я стоял в кокпите и высматривал суда. Ясная, тихая ночь, и ни одного огня в поле зрения. Самое время забраться в мешок. Я зарядил, зажёг и вывесил своё «пароходное пугало», потом спустился вниз, влез в спальный мешок и быстро погрузился в покаянный, если так можно выразиться, сон.

В среду утром, в тёмные предрассветные часы, когда я уже успел основательно отдохнуть, робкий ветерок дохнул мне холодом в глаза и прогнал сон. Лёжа на койке, я смотрел в открытый люк и гадал, вырастет ли из этого ветерка что-нибудь путное или он просто дразнит. Был только один способ выяснить этот вопрос. Марш на палубу и осмотреться мутными глазами, из которых ветер, хоть и тёплый, выдавил слезу. С юга дует, из солнечной Испании, оттого и тёплый. Не тратя времени на одевание, я, как был, вскарабкался на рубку и, подняв грот и стаксель, живо заставил ветер трудиться. Обратно в кокпит, поколдовать со шкотами и флюгером автоматического рулевого устройства. Тщательно осмотреть горизонт. Путь свободен. Скорей в ещё не успевший остыть спальный мешок. Взбивая подушку, я чувствовал себя победителем. Наконец-то я начинаю идти в ногу с яхтой. Пора уже. «Эйра» плавно скользила по сморщенным рябью волнам. Не прошло и минуты, как её весёлое бульканье усыпило меня.

Утром я в два счёта произвёл определение; после первого настоящего отдыха всё шло неизмеримо легче. Стоя на трапе и прочно упираясь кормой в угол люка, я слегка отклонял туловище, подлаживаясь под качку. Очередная волна подняла яхту, в ту же секунду я поймал солнце, которое балансировало, ничем не застланное, на прямой, как стрела, линии горизонта.

Быстрый взгляд на часы, и я пошёл вниз заниматься элементарной арифметикой.

Наручные часы были моим хронометром и единственным, кроме дешёвого будильника, прибором для определения времени на борту. Заслуженный шарнирный хронометр «Уолтхэм» я оставил на берегу, чтобы освободить побольше места для припасов. Наручные часы были подарком от ювелира из Хэверфордвеста Питера Хауэлза (нет, не родственник), и я привык полагаться на их точность, ибо они из месяца в месяц шли с одной скоростью, отставая ровно на восемь секунд в сутки. Питер намекал, что самозаводящиеся часы марки «Ролекс Ойстер» могут работать ещё точнее, но меня и эти вполне устраивали. Не так уж важно, на сколько они отстают, лишь бы отставание всегда было одинаковым. Уговорите себя довериться наручному «хронометру», и вы сбережёте немало времени, а на фолькботе к тому же и труда: не надо каждый раз открывать рундук, возиться с крышками сначала одного футляра, потом второго, деревянного, чтобы, на миг взглянув на циферблат, проделывать всё в обратном порядке, после чего ползти на четвереньках к столу для прокладки курса, а попросту — ящику с десятком-другим карт, который устанавливается поверх вышеупомянутого рундука. Плохая планировка? Не спешите с выводами.

На моём судёнышке жилое пространство ограничивается площадью шесть на шесть футов, при вышине четыре фута десять дюймов. Или скорее при «нижине», если ваш рост шесть футов четыре дюйма, а вес двести десять фунтов. В этом пространстве нужно разместить почти всё, что необходимо для вас и вашей яхты на два долгих месяца. Знаю, что есть и другие грузовые помещения, но они расположены преимущественно в более сырых уголках и обычно заняты запасными парусами, такелажем, плавучими якорями и тому подобным имуществом.

С того времени, когда я служил моряком, мне нравится выполнять процедуры, связанные с навигацией, особенно на малых судах. И не только ради примитивного удовлетворения, которое вы испытываете, нанося на карту аккуратненький крестик, обозначающий вас; общение с внеземными объектами — превосходное «слабительное» для души, если она почему-либо замкнулась в своём тесном маленьком мирке. Видит бог, нас окружает бездна всякой всячины. Прокладывая курс после полуденной обсервации в среду, 15 июня (47° 11 северной широты, 7° 52 западной долготы, лаг 195), я убедился, что меня и моё судёнышко окружает пустынный, по видимости, океан, тысячи миль океана, если смотреть на запад, с редкими безобидными дымками пароходов, которые напоминали мне, что

встречный корабль — единственная возможность послать весточку домой. А ведь я обещал посылать радиограммы через день.

Пополудни с правого борта в поле зрения возникло что-то подходящее. Бинокль помог разглядеть небольшой траулер на ходу. Было очевидно, что он не занят ловом. Какой лов на глубине двух тысяч саженей? Может быть, возвращаются с ирландских банок? Я живо достал брезентовый мешок с флагами Международного свода, соединил вместе М-И-К и поднял их на видном месте. В это время судно — испанец, судя по оснастке, — проходило правым бортом меньше чем в миле за моей кормой. Я надеялся, что оно вот-вот изменит курс и присмотрится ко мне, однако ничего похожего не произошло. Ясный тихий день, до вечера далеко, идут домой после напряжённого лова… Наверно, на всём судне только один человек не спит, да и тот клюёт носом у штурвала после сытного завтрака. Я их не осуждал, однако не мог не испытать лёгкого разочарования, спуская и укладывая на место не возымевший действия сигнал. Расцеплять флаги я не стал, чтобы сберечь время при следующей попытке. Кто знает, может быть, он меня и видел, когда я находился по носу, но поленился взглянуть ещё раз, после того как я очутился на траверзе. Совсем не обязательно его винить. Самому надо было живей пошевеливаться. Моё настроение ещё чуточку омрачилось, когда ветер во второй половине дня изменил направление; идя бейдевинд левым галсом, я с трудом держал курс вест с небольшим отклонением к норду.

VI

Ещё одна ночь. Ещё одна обсервация. Ещё одна прокладка курса.

Пройдено ещё шестьдесят три мили на запад. А вечером в четверг, 16 июня, мы снова заштилели, и паруса лежали в куче на палубе: меньше возни. Второе затишье после выхода из Плимута, но если в первый раз я воспользовался случаем, чтобы немного привести в порядок себя и судно, то теперь никаких безумно срочных дел не было, и задержка выматывала душу. Чем ближе вечер, тем больше сокращалась видимость, и к половине девятого яхту, по-прежнему качавшуюся на волнах с голым рангоутом, обступил плотный туман. Кто любит туман? В нём, как в ночном мраке, есть нечто таинственное, что одним нравится всегда, а другим иногда. Но густой туман таит в себе кое-что ещё, а именно угрозу. Одиночке он хуже любого, самого гнетущего ночного мрака напоминает об одиночестве. В полночь, в шторм, на протекающей посудине вы можете зажечь фонарь «молния» и надеяться, что вас кто-нибудь заметит, непременно заметит, прежде чем судно пойдёт ко дну. При очень сильном тумане вы не питаете таких иллюзий. Вы одиноки не только потому, что с вами никого нет, но и потому, что никто о вас не знает. Тонкий нюанс, и оценить его способен, пожалуй, лишь одинокий субъект, съёжившийся в комок на маленьком плавучем объекте в значительном удалении от ближайшей суши.

Полное безветрие и нулевая видимость — паршивое сочетание, впечатлительного типа вроде меня начинают осаждать всякие мрачные видения, которые можно попробовать прогнать стаканчиком «Будь здоров». Так называется смесь, старательно приготовленная мною и моей женой перед началом плавания; и вот теперь я почувствовал, что пора «почать бочку». Конечно, в Ла-Манше, когда мне было туго, бодрящие свойства этого напитка тоже пришлись бы кстати, однако тогда я не сомневался, что его способность вызывать тошноту возьмёт верх. Зато теперь, среди ползущего со всех сторон влажного тумана и сгущающегося сумрака, настал час проверить действенность целебной влаги. Напиток хранился в двух оплетённых бутылях, привязанных к подволоке по бокам мачты. Одна галлонная бутыль содержала ром, вторая — херес, но, кроме того, в них была полусотня яиц, а также изрядное количество лимонов и тростникового сахара. Которую откупорить первой? Я не помнил, в какой из них херес, в какой ром. Похоже, что правую будет легче отвязать; и я

остановил свой выбор на ней.

Хорошо помня, каких трудов нам стоило наполнить и закупорить бутыли, я чрезвычайно осторожно орудовал штопором и извлёк пробку неповреждённой, чтобы потом можно было водворить её на место. Кругом распространился сильный запах. Я бы назвал его приятным. Я понюхал горлышко. Ей-богу, совсем неплохо. Кажется, мы выбрали ром. Воздавая должное памяти милейшей старой леди, автора рецепта, я с торжественным видом потряс бутыль, хотя её содержимое и без того было взболтано лучше, чем если бы она провела эту неделю в чреве бетономешалки. Налив около джиля в толстую кружку, я закупорил бутыль и вернул её на место, оставив штопор в пробке.

Непроницаемый туман, колыхавшийся над открытым люком, очень здорово сочетался с зельем в моей кружке. В ту самую минуту, когда я зажмурился и поднёс её к губам, внезапно раздался гудок, не очень громкий, но до чего же отчётливый. Перепуганный насмерть, я вскочил на ноги, забыл про ограниченное межпалубное пространство, боднул подволоку и нечаянно плеснул себе клопомором в лицо. Не выпуская из рук кружку, я ринулся вверх по трапу, и так как сильно пахнущая жидкость текла у меня по усам, я, хотя никто не назовёт меня скаредом, облизывался на ходу, словно старый кот. Изумительная штука! Ром, яйца, лимон и тростниковый сахар. Чуточку клейкая, пожалуй, но это ерунда. Ожидая, когда сосед даст знать о себе новым сигналом, я глотнул «Будь здоров». Потом вытер бороду. Она слиплась, но сейчас я ничего не мог с этим поделать, как не мог поделать и с приближающимся судном. Второй, гораздо более громкий гудок утвердил меня в моём мнении, что судно находится где-то справа по носу и быстро приближается. Когда ветра нет, яхта руля не слушается, и мне оставалось только ещё раз приложиться к кружке. Сигналы следовали один за другим, перемежаемые тихой бранью с моей стороны. Управившись с бодрящим снадобьем, я взял висевшую под рукой финку и провёл по лезвию большим пальцем — если дело примет плохой оборот (а к тому всё шло), я смогу быстро перерезать концы, крепящие к рубке спасательный плот. Воздух вокруг яхты буквально дрожал от хриплого рёва сирены. После очередного сигнала я отчётливо услышал шум двигателей. Похоже на теплоход. Глухой ровный рокот, всё громче и громче… Я поглядел на привязанное к рубке весло. Нет, не то. Даже если бы я ещё успел разогнать им яхту, всё равно неизвестно, в какую сторону грести. Подумал о моём собственном ревуне, но решил, что в создавшейся ситуации его жалкий писк прозвучит не так, как надо. И тут — только тут! — я вспомнил про аккуратно уложенный в кладовке радарный

отражатель.

— Поделом тебе, Хауэлз, если тебя подомнут. Пеняй на себя.

Теперь поздно думать об установке отражателя. Только я кончил себя распекать, как услышал нарастающий плеск воды, рассекаемой носом корабля, а ещё через несколько секунд из тумана возник и сам корабль. Глаз просто не успел охватить его размеры. Тёмный форштевень, увенчанный белым полубаком, появился и заскользил мимо, в ту же секунду волна подняла фолькбот и отнесла его в сторону от грозно нависшего носа. Мой взгляд скользнул вверх по стальной стене и задержался на крыле мостика, где стоял, опираясь на поручни, молодой помощник капитана. Забавное удивление на его лице сменилось свирепой гримасой, когда он крикнул что-то весьма нелестное об этих болванах, которые зовутся яхтсменами. К сожалению, я не разобрал слов и успел только поднять два пальца в ответ, прежде чем он исчез в «гороховом супе», исчез так основательно, что хотелось спросить: да был ли он на самом деле?

Я медленно опустился на банку кокпита, у меня дрожали колени, а волосы на затылке стояли дыбом.

— Сам, сам во всём виноват.

Мрачный вой удаляющегося корабля подстегнул меня, и я открыл кормовой люк, чтобы сделать то, что надо было сделать несколько раньше, — найти радарный отражатель. Впрочем, найти отражатель было нетрудно, сложнее оказалось извлечь его из-под тросов, канистр с керосином, запасных скоб, плавучих дымовых шашек и прочих предметов, которые ухитряются скопиться в редко используемых рундуках. Наконец я вытащил его и собрал. Технически — восьмигранный пучок, а с моей точки зрения — попросту какая-то нескладная штука, тем не менее у меня стало легче на душе, когда отражатель был поднят на предельную высоту между бакштагами. Спустившись в каюту и размышляя, что приготовить на обед, я мысленно вернулся назад и представил себе судно, мчащееся мимо в каких-нибудь двадцати ярдах от яхты. А была ли у него на верхнем мостике радиолокационная антенна? Честное слово, я её не видел. Мне стало смешно. В ознаменование сего счастливого события, а также чтобы смочить пересохшую глотку, я начал трапезу с хорошей дозы джина с лимонным соком.

На следующий день была пятница. В три часа — утра довольно удручающее время суток — я трудился на палубе, ставил стаксель, спеша запрячь в него зюйд-вест силой в четыре балла, и радовался, что опять продвигаюсь на запад. Чтобы держать нужный курс, надо было идти левой скулой к ветру и волне, а это при полном заборе ветра гротом и большим

стакселем было непосильной задачей для автоматического рулевого устройства. Дело в том, что развёрнутый грот заставлял яхту приводиться к ветру. Она стремилась лечь на курс вест-зюйд-вест, но это означало отклонение на двадцать градусов к югу от нужного мне курса, поэтому я снял с вахты Железного Майка и стал к румпелю. Впервые за много месяцев я сам взялся за руль, обычно Майк справлялся со своими обязанностями, а если на борту был кто-нибудь из моих друзей, я не стеснялся поручать ему управление судном — всё попросторнее в каюте.

Ну что ж, совсем неплохо. Я был тепло одет, в плотном кителе, который надёжно защищал от ветра, и натянутой на уши войлочной шляпе — как-никак холодновато. В этой обстановке обязанности рулевого были не очень обременительны. Я сидел на банке кокпита и лишь иногда вмешивался, пресекая стремление яхты отклоняться на юг. Так прошло около часа. А затем начало рассветать, и робкий проблеск зари привлёк мой взгляд к восточному горизонту, где первая серебристая подсветка утратила свою прелесть, как только редкие облачка зарозовели снизу, смущённые честью, которую им оказало солнце. А там и море включило полный свет, и можно было игнорировать очередной восход. Но игнорировать после того, как он, в который раз, очаровал меня своей красотой.

При свете дня я смог убедиться, что грот сильно трётся о правые краспицы. Я с самого начала знал об этом, но откладывал уборку паруса, дожидаясь рассвета, чтобы сподручнее было работать. И вот уже грот спущен и закреплён, оставлен только вынесенный на рейке стаксель. С таким вооружением яхта шла не хуже прежнего, но теперь парусина помогала сохранять устойчивость на курсе, и Железный Майк мог заступать на вахту. А я отправился вниз сообразить что-нибудь на завтрак, гадая при этом, как идут дела у Блонди, Фрэнсиса и Дэвида. Особенно у Дэвида. Это был день для лентяев. Как раз перед утренним визированием небо заволокли тучи, и, так как оно оставалось пасмурным, мне не пришлось определяться в полдень. В итоге я оказался без дела. Решил что-нибудь почитать. Моему другу Джеку (тому самому, который был коком во время перехода до Плимута) было поручено обеспечить судно хлебом и литературой. Когда он, насвистывая, отправился в город, я — как оказалось, неосмотрительно — заключил, что он вернётся, скажем, с четырьмя дюжинами книг и полдюжиной булок. Я забыл, что Джек — бакалейщик по призванию. Проверяя три непромокаемых мешка, заброшенных им на борт за несколько минут перед тем, как мы отошли от стенки в Плимуте, я убедился, что неправильно о нём судил. Хлеба было вдоволь — тридцать плесневелых

батонов, зато книг всего шесть. Странное чувство пропорции. На сорок, предположительно, дней в море — только шесть книг? Но теперь-то ничего не поделаешь.

Что ж, посмотрим. Номер один — «Землепроходцы»; представляю себе, как Джек подумал: «Всё-таки разнообразие». Следующая — «Морская рыбная ловля». («Будет рад свежей рыбке».) Рука опять ныряет в мешок. «Океанические птицы». («Будет знать, кто летает кругом».) Дальше — «Приготовление пищи на малых судах»; издание 1909 года… «Как стать фермером»… И наконец, Тэрбер и Уайт — «А нужен ли секс?». Никаких комментариев.

И это библиотечка для одиночного мореплавателя, способного поглощать по одной книжке в день! Впрочем, Тэрбер, наверно, поможет мне удовлетворительно решить, во всяком случае, часть моих проблем. Я принялся за одного из моих любимых авторов, и вскоре Джек был прощён.

Через несколько часов, наполовину одолев Тэрбера и Уайта, я вдруг сообразил, что лучше поберечь мои ресурсы. С кривой усмешкой отложил книгу и принялся разрабатывать меню обеда.

От «Приготовления пищи на малых судах» было мало толку.

> «В плавании весьма желательно располагать сохраняющим тепло ящиком с сеном внутри».

Книга горячо рекомендовала тушёную зайчатину, а также приспособление, имеющееся в любой «*хорошей угольной лавке*» и незаменимое для разогревания «*достаточного количества вкусных мясных пирожков, которыми предусмотрительный владелец не преминёт запастись у своего повара, прежде чем выходить в море*».

Бережно отложив в сторону сей очаровательный анахронизм, я разжёг свой шарнирный примус с твёрдым намерением показать викторианцам, что мы тоже не лыком шиты. Среди моих запасов, под грудой бобов и супов, лежало несколько банок копченой семги — непременная принадлежность каждого банкета. Кроме того — обезвоженные концентраты министерства сельского хозяйства и рыбного промысла. Я остановился на мясе с овощами, добавив консервированную морковь и бобы. На закуску — галеты с сыром. Может быть, немного коньячку? Когда шли приготовления, я приобрёл бутылочку «Тио Пепе» для возбуждения аппетита; он выдержанный, очень приятный. Получился славный обед. Лежа, словно тюлень, в спальном мешке и впервые за целую неделю испытывая приятную сытость, я с благодарностью думал о Дэвиде, стараниями которого удалось добыть обезвоженные концентраты. Вообще задолго до начала

гонок, ещё зимой, начался очень полезный и по-своему интересный обмен идеями. Блонди пригласил меня поближе познакомиться с «Шутником» — может быть, я вынесу что-то для себя. Я готов был унести всю яхту. Во всяком случае, мне очень пригодились соображения и советы, которыми он щедро делился, ничего не утаивая. Мы обсудили маршрут, потом провиант; в частности, зашла речь о том, чтобы выращивать зелень на лотках («Не переношу консервированных овощей»). Блонди даже рассказал, какие музыкальные записи думает захватить с собой. Что до Дэвида, то я смог ему помочь наладить автоматическое рулевое управление. Попросил Блонди проверить их Дэвиду, который положил эти чертежи в основу своей конструкции. А у Дэвида была возможность достать обезвоженные концентраты, и он позаботился обо мне. Кроме того, он взял на себя нелёгкий труд снабдить всех участников гонок отличными аптечками. Но самое главное — моральный пример, которым явилось для такого неряхи, как я, зрелище моряка-одиночки, успешно творящего порядок из хаоса. Француз Жан Лакомб тоже явно был рад потолковать с товарищем по несчастью в таверне и любезно предложил мне воспользоваться его нью-йоркской квартирой — «если ты придёшь туда раньше меня, мой ами». К сожалению, я мог ответить ему только предложением принести ещё стаканчик крепкого. Словом, готовясь к гонкам, все мы всячески старались друг другу помочь. Фрэнсис? Когда я его навестил, он подробно расспросил меня, как идут мои дела и дела остальных, однако не был склонен обсуждать свои собственные. В качестве прощального подарка я получил от него карту центральной части Лондона.

VII

На волосок от гибели. Весточка домой. Разные взгляды на море.

Когда вокруг судёнышка сгустился мрак, оно стремительно летело вперёд, подгоняемое свежим до сильного ост-зюйд-остом. Ветер принёс с собой свинцовую облачность и моросящий дождь. Пошла волна с раковины, и небольшие гребни, обрушиваясь у самого транца, заставляли яхту поворачивать к югу. Но тут же флюгер рулевого автомата, ощутив возросшую нагрузку, поворачивал лопасть, руль приводился к ветру, и яхта возвращалась на прежний курс. Эта погода была словно создана для рулевых автоматов. Какой разумный человек захочет сидеть в кокпите под выматывающим душу градом солёных брызг, которые рано или поздно просочатся по обмотанной полотенцем шее и побегут извилистыми леденящими струйками вниз вдоль позвоночника, образуя лужицу под вашей кормой?

Автоматический рулевой «Эйры» (моя конструкция) исправно нёс службу, однако он выглядел громоздким комбайном рядом с хитроумным устройством «Шутника». И Блонди оказался прав, мой автомат в самом деле был склонен чересчур нажимать на руль, но я решил эту проблему, ограничив румпель-тросами ход румпеля, а значит, и руля; кроме того, наладил амортизационные тросы, которые принимали на себя часть рывка на сильной волне. Конечно, моему изделию было далеко до совершенства, но я был весьма доволен тем, как идёт яхта под управлением Железного Майка, пока я в тёплой сухой каюте наслаждался Тэрбером и Уайтом, изредка выглядывая наружу, чтобы удостовериться, что путь свободен. К полуночи я закончил читать книгу и снова высунулся из люка. Дождь перестал, но по-прежнему дул свежий зюйд-ост. Облачно, однако видимость хорошая. До обычных пароходных маршрутов далеко, и мысль о чудесном тёплом спальном мешке побудила меня вывесить «пароходное пугало», после чего я проворно влез в мешок и мигом уснул.

Проснулся я в каком-то напряжённом, настороженном состоянии. Глянул на часы — половина четвёртого. Лихо подремал. Но откуда это возбуждение? Ну-ка, парень, марш на палубу и осмотрись, хватит пребывать в горизонтальном положении.

Холодно босым ногам на ступеньках трапа, голове и плечам над люком — по телу бежит холодок с головы до ног. Вовремя же

ты поднялся, примерно в двух румбах справа по носу виден красный огонь, это пароход идёт на пересечение курса. Ничего страшного, мы пройдём у него далеко за кормой. Постой, что за странное сочетание огней? Три белых один над другим сразу за красным отличительным.

— Три белых один над другим… Три белых один над другим! Силы небесные! Это же паровой корабль с буксиром.

Выбираюсь из люка и ныряю в кокпит; стоя на коленях на кормовой палубе, освобождаю контргайку флюгера. В это время корма валится под хороший гребень, и меня промачивает насквозь. Руль на ветер, вернуть на место вынесенный стаксель. И сразу яхта резко уваливается. Оглядываясь, я успеваю в последний раз заметить красный отличительный огонь, прежде чем он исчезает из поля зрения, сменяясь белым. Далеко за кормой парохода что-то смутно вырисовывается. Очевидно, буксируемый корабль.

В свете кормовых огней виден свисающий с гака и уходящий в мрак тяжёлый буксирный трос.

— Мощный океанский буксир, тянет что-то вроде плавучего дока.

А я собирался пройти между ними.

Не дай бог!

Когда буксируемый корабль вышел на траверз, я различил у него на корме подобие вывешенного огня — слабенький, еле видимый. Как только мы разошлись, я снова наполнил паруса, даже отпустил стаксель, чтобы поскорее уйти от опасного соседа.

Спустившись в каюту, сбросил мокрую одежду и попытался энергичным растиранием унять дрожь. Но испуг так легко не проходит, понадобилось не один десяток раз выглянуть из люка для верности и выпить кружку горячего, сладкого чая, сдобренного виски, прежде чем я овладел собой. Остаток ночи я не спал и успешно выполнял роль образцового вперёдсмотрящего.

К десяти часам я уже произвёл удачно утреннюю обсервацию, заполнил судовой журнал, управился с завтраком и отметил, что прошла ровно неделя с той минуты, как в Плимуте прозвучал стартовый выстрел. Не могу сказать, чтобы я был очень доволен тем, сколько прошёл и что проделал за эту неделю. Координаты в полдень: 46° 51 северной широты, 13° 28 западной долготы, лаг 359 — свидетельствовали, что мы отошли от Плимута на четыреста двадцать пять миль, но это, к сожалению, не означало, что мы настолько же приблизились к Нью-Йорку. Неделя, как вышел из Плимута, и до сих пор не смог ничего передать жене. Эта мысль упорно отодвигала на второй план всё остальные. Первые дни перехода была такая свистопляска, что я не думал ни

о чём и ни о ком, кроме своего бедненького «я». Нет, нет, конечно, иногда я испытывал угрызения совести. Мореплаватель-одиночка первый скажет вам, что избранный им способ передвижения прививает известный эгоизм; авось мы от него излечимся. Но теперь, когда погода стала смирнее, когда мы с яхтой благополучно перенесли нежданные осложнения и хоть немного продвинулись к Нью-Йорку, — теперь я чувствовал потребность общаться, и отсутствие связи с домом начало меня беспокоить. Нет, я не опасался, что, не получая от меня вестей, моя жена Эйра ударится в скорбь и закажет вдовий траур. Я достаточно хорошо её знал. Если характер весит больше опыта, ей, а не мне, следовало находиться на яхте, и, наверно, она преуспела бы лучше моего. И она не будет порицать меня за неудачу с радио. После того как рация вышла из строя, в моём распоряжении оставалось лишь три способа общаться с проходящими судами. Международный свод сигналов, собственный слабый голос и, наконец, освящённая временем, всем понятная жестикуляция двумя пальцами, которая хотя и доставляет своеобразное ребяческое удовольствие, сильно ограничивает выразительные возможности. Из моей неудачной попытки наладить общение с траулером вытекало, что нужно вести очень чёткое наблюдение, если я хочу своевременно заметить встречное судно и изменить курс так, чтобы сблизиться с ним на полмили и меньше. Учитывая соотношение скорости моей скорлупки и океанского лайнера, а также предел видимости, определяемый высотой моих глаз над уровнем моря, я рассчитал, что при скорости корабля в двадцать узлов, яхты — четыре узла и дистанции в десять миль, для того, чтобы мы сошлись на обусловленное размерами флага (восемнадцать дюймов) расстояние в полмили, при котором возможна сигнализация, встречный корабль должен идти под углом не больше пятнадцати градусов к курсу фолькбота. Да ещё многое зависит от направления ветра и от того, пройдёт ли корабль с наветренной или подветренной стороны. Если с подветренной, грот может заслонить поднятый сигнал. Как это часто бывает, когда вычисляешь степень вероятности того или иного явления, итог меня огорчил. Закончив это маленькое упражнение ума, я поднялся на палубу подышать свежим воздухом. Славный денёк, но ветер спал почти до тихого, и Железному Майку трудно давалось управление — так мала была нагрузка на флюгер. По привычке я осмотрел горизонт. Дым на юге. Пройдёт за кормой северным курсом. Но и впереди тоже видно пятнышко. Памятуя только что произведённый расчёт, я не спешу кричать «Вижу корабль!» и поднимать М-И-К, а набираюсь терпения и ныряю в

своё логово. Через несколько минут снова вскакиваю. Пятнышко превратилось в дымовую трубу и стеньгу. Снова вниз, ещё десять минут в обществе Тэрбера и Уайта. И опять наверх, проверить, идёт ли корабль по-прежнему в мою сторону. Вниз за флагами. Наверх, чтобы вывесить их. Теперь я по-настоящему волнуюсь. Перспектива установить связь и передать послание сейчас важнее всего на свете. Корабль приближается, уже можно разобрать на носу название — «Брунзек». Немного изменил курс, пройдёт совсем рядом. Вижу, как старпом, перегнувшись через поручни на крыле мостика, глядит в бинокль — на меня глядит. Мне как-то неловко под его испытующим взглядом, словно меня застали с женщиной. Машу рукой — медленно, чтобы не выдать своё возбуждение. Он машет в ответ. Показываю на вывешенный сигнал М-И-К:

«Прошу сообщить обо мне „Ллойду“ в Лондон».

Он снова машет рукой, показывает два больших пальца, и вот уже прошёл мимо. Смотрю на корму — «Брунзек», Гамбург. И, разом обмякнув, опускаюсь на банку кокпита. Всё. На душе не совсем обычная для меня смесь грусти и облегчения; я несколько стыжусь собственной слабонервности. Вернувшись вниз в свой уютный маленький мирок, где всё под рукой, я чувствую себя почти как дома и принимаюсь готовить ужин.

После ужина ветер стих, и к десяти часам мы фактически заштилели, лишь чуть-чуть тянуло с запада. Чтобы получше использовать этот зефир, я сменил Майка у румпеля. К полуночи установился полный штиль, хочешь не хочешь — убирай стаксель и грот. Всю ночь было одно и то же: облачность, гладкое море, лёгкая зыбь, временами моросящий дождь. Я ворочался с боку на бок на своей койке и не смог уснуть. Утром я чувствовал себя скверно. Голова тяжёлая, веки тоже, словно я наглотался наркотиков. Самая пора воспользоваться аптечкой Дэвида, кстати, к ней была приложена полная инструкция, где подробно и со знанием дела говорилось обо всех хворях и недугах, какие могут постичь одиночку, включая укус морской змеи. Несмотря на склонность Дэвида к юмору, получился грозный список опасностей, которых надо было остерегаться, в особенности перелома тазобедренной кости. Впрочем, можно назвать кучу других травм, способных положить конец вашему участию в гонках. Но пока до этого не дошло, я обратился к керосину, в целебности которого был уверен.

Боязнь травмы не покидала меня во время моего первого одиночного плавания в Испанию. Находясь один на малом судне, всякий человек, располагающий богатым воображением и

избытком свободного времени, может, если у него на это хватает ума, довести себя до холодного пота размышлениями о грозящих ему опасностях. Пустое занятие, ради душевного равновесия стоит им пренебречь. Памятуя прошлогодний опыт, я соблюдал осторожность, ел и пил умеренно, заботился о достаточном запасе керосина и не пускал в голову мрачные мысли. Когда плывёшь один и с тобой случилась беда, встречный пароход поможет вам гораздо лучше, чем аптечка. Если вы, не дай бог, оказались жертвой несчастного случая, самое верное — сделать себе укол морфия или чего-нибудь в этом роде и постараться установить связь с первым же судном. Флаги, как вы видели, для этого не очень-то годятся. Мне кажется, больше всего подходит — разумеется, наряду с парашютными осветительными ракетами — ручной сигнальный фонарь Олдиса. Он годится и днём и ночью, для судов и самолётов; словом, полезная штука. Я по глупости оставил его на берегу вместе с хронометром, всё из-за того же стремления освободить место для припасов. Если бы я подумал головой, я перевёл бы осветительную сеть яхты с шести на двенадцать вольт, это вдвое сократило бы мою потребность в низковольтных лампочках и позволило бы подключить сигнальный фонарь к аккумулятору сети. Кстати, был бы резервный источник питания для передатчика.

Воскресенье протекает в праздности, я большей частью сижу в кокпите, который с каждым часом становится всё жёстче и неудобнее. Барометр держится устойчиво на высоком уровне в отличие от моего настроения — оно, подстёгнутое было большим пальцем немецкого помощника капитана, снова падает. Пополудни ровную голубую гладь моря тут и там морщат как будто не связанные между собой небольшие воздушные потоки, они бесцельно слоняются над океаном, ожидая когда склонение стрелка барометра выстроит их во фронт. Один такой метеорологический кочевник прошёл над яхтой и в одно мгновение окутал её и меня роем крохотных чёрных мушек. Какая гадость, я с бранью начинаю бить и стряхивать их с себя. Они набились в волосы, ползут по шее, скапливаются в уголках рта и глаз — отвратительные козявки, инородное тело в чистом, незапятнанном океане. Из-за них моё судёнышко уподобилось гниющей падали, причём мушки не помышляют его покидать. Заметив, что они как будто вообще не способны летать, иду в решительное наступление. Вооружённый всё тем же заслуженным пластмассовым ведром, принимаюсь окатывать нахлебников каскадами морской воды, топлю их тысячами. Немногих захватчиков, проникших в каюту, я сметаю щёткой в бумажные кульки и выбрасываю за борт. Не поддающиеся щётке собираются

в маленькие противные шарики, но и до них добирается швабра. Вернувшись на палубу, сплёвываю в море, приглядываюсь и вижу, что оно сплошь покрыто этой дрянью, меня окружает мушиное кладбище. Ветром и не пахнет, а мне не терпится очистить свой участок океана, поэтому я отвязываю длинное весло и разгребаю, разгребаю воду, с меня уже льёт пот, но я так разошёлся, что сбрасываю одежду и продолжаю голый орудовать веслом, стою, широко расставив ноги, на банке кокпита, гребу то с одной, то с другой стороны, тело и яхта ритмично качаются, подчиняясь порыву моих рук. Наконец, тяжело дыша, зато успокоенный, откладываю в сторону весло, расчёсываю волосы и, пройдя неверными шагами по узкому кормовому релингу, с радостным криком прыгаю в море. Освежающее купание помогает восстановить душевное равновесие. Своими упражнениями с веслом я разогнал яхту, поэтому, вынырнув, вижу, что она уже ушла на несколько футов и медленно продолжает удаляться. Три-четыре взмаха руками, я берусь за руль, по-тюленьи поднимаюсь из моря и встряхиваю головой, чтобы стекла вода с волос и бороды. Только что я был разгорячённый и потный, теперь же озяб, и хочется скорей вернуться на судно. Влезть на яхту по румпелю очень просто, я проделывал это сотни раз, но меня, очевидно, подгоняет подсознательный страх, от которого не свободен ни один одиночка, и я облегчённо вздыхаю, очутившись на палубе.

Моя дезинфицирующая ванна означает, что я буду ходить солёный до следующего банного дня, но это не страшно, говорю я себе, вытираясь полотенцем. А затем пора готовить ужин. По случаю воскресенья трапеза обильная и сопровождается глотком джина с лимонным соком. Мысли вращаются вокруг того, что мне сейчас кажется главным столпом существования, — вокруг еды, в частности, её запасов на борту. У меня горы консервов, множество галет и масла, в избытке чай, сахар, какао, шоколад, ячменный сахар и тому подобное. Вода — вот что меня заботит. Да ещё обезвоженные концентраты, которых должно хватить на тридцать восемь порций. Меня лимитировала цена этих продуктов, предоставленных министерством сельского хозяйства, рыбного промысла и пищевой промышленности. При таких темпах переход вполне может продлиться больше полутора месяцев, а потому пора на всякий случай ввести нормирование. Именно: горячее блюдо из обезвоженных концентратов через день, главный упор на консервы, сыр и галеты, иногда можно открыть банку саморазогревающегося супа, если захочется приготовить быстро и без хлопот. Такое питание может показаться спартанским, на самом же деле я не испытывал

лишений.

Я уже установил, что не нуждаюсь в таком количестве пищи, как на берегу, — вероятно, потому что сознательно берёг силы, проводя ночи, а также немалую часть дня в горизонтальном положении. Это было не так утомительно, как может показаться. Ограниченное межпалубное пространство оставляло небольшой выбор — либо сидеть, чаще всего наклонив голову, либо гнуть спину над камбузом или столом для прокладки курса. Однако самое лучшее — вытянуться во весь рост на койке. Мой запас пива и спиртного тоже был ограничен. По дюжине банок «Гинеса» и «Слабого эля». Бутылка виски. Две бутылки бренди и ещё две — джина. Но ведь и тут мои потребности были очень скромными, если сравнить с потреблением на берегу. Когда я говорю о «глотке джина», имеется в виду крошечный глоток. Действие выпитого подтверждало мой прежний опыт. Очевидно, из-за более скудного стола (прежде всего, количественно) любой алкогольный напиток, даже слабое пиво, сразу ударял мне в голову. Не очень-то желанное ощущение на судёнышке, которое чутко отзывается на малейший вздох вечно беспокойного океана. Убедившись, что провизии хватит, свободный от сердечных и прочих тревог, я спокойно проспал ещё одну ночь.

Следующие сутки погода оставалась прежней. Иногда вдруг рождался тихий норд-вест, однако стоило мне поднять грот и генуэзский стаксель и заставить их работать, как ветер спадал, оставляя меня в нерешительности — убирать или не убирать паруса. Но их бесполезная трёпка пробуждала во мне совесть, и я шёл на нос с негромкой бранью, которая, услышь её распорядитель погоды, несомненно, вызвала бы столь же пагубные последствия, как убийство альбатроса.

Наконец налетел ветер, и, конечно, это был зюйд-вест. Крепкий зюйд-вест. Всё утро я шёл крутой бейдевинд, изрядно поработал. Впрочем, это куда лучше, чем сидеть сложа руки. Теперь дел хватает. Взять два рифа на гроте, потом и вовсе его убрать, так что некоторое время идём под одним стакселем; тем не менее удаётся произвести полуденную визировку. Зюйд-вест немного утих, надо ставить грот с двумя рифами. Ветер сместился к западу — поворот оверштаг. После четырёх часов ходу правым галсом вам сдаётся, что пора поворачивать, хватит сваливаться к югу. Снова поворот оверштаг. И так далее. Два штилевых дня сделали меня лентяем, и я успел отвыкнуть от треска, скрипа и глухих ударов вкупе с солёным душем — неизбежного аккомпанемента лавировки. В океане крутоверть.

Волна? После каких-нибудь двенадцати часов умеренного до свежего ветра мирно дремавший великан превратился в буяна,

словно богатырь вдруг облачился в доспехи. Продолжаю лежать на койке, не сомневаясь, что яхта справится с трудностями. Как напрягается — авось не надорвётся. Короткие крутые волны стучатся в лиственничную обшивку, будто просят разрешения войти, но сноровка судостроителя преграждает им путь. Я чувствую себя вполне надёжно, крыша плотная, стены без единой щели, пол опирается на океанскую толщу — две тысячи саженей. Добавьте ещё сажень, и кое-кто начнёт бодриться («братья, устоим против волны»), обороняя душу от мрачных предчувствий.

В полночь стало потише, и ветер отошёл на один румб. Прежде чем выходить на палубу, я разжёг примус под всегда готовым чайником и отмерил какао, сахар, молоко. А теперь наверх, помогать.

— Эй, на носу! Нагрузить топенант. Да повеселей. Один человек на тали шкотового угла, один на галсовый угол, двое на ходовые концы… Пошёл!

— Потравливай грота-шкот, живо… Выбирай грота-фал.

— На лебёдку его, боцман, переднюю шкаторину добрать.

— Есть, сэр… Ну, ребята, слышали, что сказал старпом, ну-ка взяли, хорошенько. Вот так… ещё сильней… закрепляй.

— Потравить топенант. Помалу… Помалу.

— Рулевой, курс?

— Вест-норд-вест, сэр.

— Лечь на вест-тен-норд.

— Есть, сэр… Вест-тен-норд… Есть вест-тен-норд.

— Подвахтенным отдыхать. Молодцы, ребята… Порядок, боцман, они у тебя сегодня хорошо работают.

— Так точно, сэр. Совсем другое дело, когда внизу ждёт добрая похлёбка. Что значит кок хороший, сэр.

— Верно, боцман, совсем неплохой.

После ночи, насыщенной снами, утром я взял высоту солнца, и при виде этой зарядки стайка дельфинов со смехом выскочила из воды. Я улыбнулся им в ответ и, честное слово, прочёл в их глазах весёлое изумление. С полчаса они кружили около яхты, причём некоторые подгадывали так, что, когда они с хрюканьем выскакивали на воздух, наши глаза были на одном уровне; стоило протянуть руку, и я мог бы к ним прикоснуться. Меня пленили их лёгкие движения, их размеры (до десяти футов в длину), весёлый компанейский нрав, наконец интерес ко мне, незваному, но потешному гостю, с таким трудом и шумом прокладывающему себе путь через океан, по которому они носились как хотели. Теперь они спрашивали, что я тут делаю, и моя нелепая фигура их смешила.

Чу, небольшой дельфин выпрыгнул из воды — весь в шрамах,

блестящая кожа заметно изношена. Он пристально посмотрел мне в глаза, улыбнулся и подмигнул. Он был потучнее остальных и шлёпнулся в воду с громким плеском. И сразу все дружно развернулись и пошли на запад со скоростью двадцати с лишним узлов, предоставляя нам с фолькботом тащиться следом по их волновой дорожке.

Остаток дня прошёл без приключений. Определившись в полдень, я помогал «Землепроходцам» перегонять стада через равнины Центральной Австралии (Джек верно сказал — всё-таки разнообразие, однако сквозь полчища мычащего скота и облака удушливой пыли упорно проглядывала смеющаяся морда моего маленького дельфина, и в конце концов намёк был мною понят).

Снова подул вест-зюйд-вест, опять пора ложиться на другой галс. Ещё несколько простых маневров в этом роде, и вот уже утро четверга. Ветер — зюйд-вест, четыре-пять баллов. Сильная облачность. Умеренное волнение и зыбь, но видимость хорошая. Вскоре после рассвета на траверзе, как я и ожидал, снова появились мои друзья дельфины. Они не стали докучать мне расспросами, просто поздоровались, и я ответил им самым учтивым образом.

Пасмурная погода не позволила взять высоту солнца в полдень. Это меня ничуть не обеспокоило, однако вызвало недуг, которого я прежде не знал. Впервые с начала гонок приступ скуки, так сказать, профессиональное заболевание, грозящее любому одиночке, а впрочем, вполне излечимое.

Вспомнились вопросы, которые мне задавали после моего первого одиночного плавания.

Люди часто говорят о скуке, ставя знак равенства между ею и одиночеством. Всю жизнь они пребывают в заблуждении, причём настолько погружены в свой искусственный мирок, что им недосуг вникать в душу и чувства тех, кого они призваны стимулировать.

«Чем нам ещё заняться?» — плачут их дети, а в ста ярдах — река, которую надо пересечь, горка, на которую надо взобраться, угол, за который надо завернуть, и откроется богатейший мир, а не сделают этого, не вырвутся на волю — и не оценят её, тоже всю жизнь будут стремиться туда, где людно.

Я порой сержусь, когда меня считают способным скучать, зато мне почему-то льстит вопрос, бываю ли я одиноким. Сержусь, потому что хочу этим показать, что я и мог бы скучать, да не до этого, одиноким — да, бываю, бывал и сейчас бы не прочь побыть один. И все это не может заслонить того факта, что в четверг, 23 июня, в четыре часа дня я заскучал. А кто меня упрекнёт? Один на маленькой яхте и одинаково далеко до Азорских островов,

юго-западной Ирландии, островов Силли, Ушанта и Кабо-Вильяно.

Как это бывает с большинством людей, томящихся от безделья, куча вещей требовала моего внимания. Один из рабочих стакселей сильно истрепался в тех местах, которые постоянно тёрлись о ванты. Соображая, из чего бы сделать заплату для териленового паруса, я с радостью вспоминаю, что в аптечке есть липкий эластичный бинт для накладывания шин на сломанные конечности. Заключаю — быть может, несколько поспешно, — что он мне не понадобится, зато будет отличная предохранительная накладка, и сперва леплю, потом пришиваю бинт на самые износившиеся участки стакселя. Воодушевлённый своим открытием, тотчас нахожу ему новые применения. Перекрещивающиеся шкоты, гремучие кружки, дребезжащие стаканы, подвернувшийся карандаш — всё изолируется от своего непосредственного окружения. Яхта становится похожей на перебинтованного кулачного бойца. Увлёкшись ролью делателя добрых дел, я перемыл кастрюли, смотал тросы, прочистил форсунку, вымел пух от одеяла и смазал вертушку лага. Словом, не давал себе передышки. А на душе всё равно скука смертная. Оставалась одна панацея — стаканчик спиртного, да покрепче.

Вечером, приняв любимую позу — плечи опираются на трап, одна нога уперта в елань каюты, вторая лежит на ступеньке, — я уныло смотрел под ветер и впервые чувствовал себя слегка раздражённым, может быть, чуточку захмелевшим (с трёх напёрстков виски!) и несколько обескураженным тем, что моя страсть к одиночным плаваниям через Атлантический океан оказалась не такой сильной, как я думал. Малодушие тут ни при чём, я твёрдо верил, что мы с яхтой в конечном счёте доберёмся до Нью-Йорка, не сомневался, что мой опыт и удача решат исход, но меня разочаровал темп продвижения. Посмотри из люка — насколько хватает глаз, простирается океан. Дальше его протяжение ограничивалось пределами моей фантазии, но, если ей помочь, если взглянуть на карту, можно очень чётко сопоставить предстоящие тысячи миль с пройденным путём. Я сопоставил — и перспектива многонедельного одиночества принялась подрывать мой дух. Вечером я слушал радио с небывалым удовольствием; вероятно, ещё один признак того, что начинала сказываться изоляция.

А на следующий день настроение снова подскочило вверх, всецело благодаря тому, что из-за линии горизонта на юге появились два стремительных патрульных судна, два американца. Они неслись по волнам, словно возбуждённые терьеры, почуявшие нору, и я восхищённо смотрел, как они выписывают

сложные кривые, очевидно связанные с противолодочным патрулированием. Завершив серию маневров, оба на высокой скорости ринулись ко мне; острые носы легко резали волну, зачехленные пушки смотрели на меня. Будь я кроликом, я бы пустился наутёк. Но вот они сбавили ход и закружили поодаль, как осторожный, опытный пёс ходит вокруг колючего ежа. Наконец один из них разорвал кольцо и подошёл вплотную, чтобы обнюхать меня.

— Привет.

Я поднял руку в ответ.

— Далеко вы забрались.

— Ага.

— Всё в порядке?

— Всё.

Вдоль борта выстроились глазеющие матросы, загорелые третьекурсники из ВМУ, которые могли бы составить гордость любых военно-морских сил. Если бы они не жевали резинку.

— Куда следуете?

Изо всех сил стараясь говорить небрежно, бросаю:

— В Нью-Йорк.

Они дружно, как по команде, перестали жевать, и ряды ровных белых зубов сверкнули над релингом, отороченным полосой смуглых волосатых рук.

— Далековато на таком судёнышке.

Что ответить на это коллективное заявление, в котором уже заложен исчерпывающий ответ? Я настолько пленён зрелищем такого количества людей, что должен сделать над собой усилие (надеюсь, не очень заметное со стороны), чтобы уловить смысл следующей реплики капитана.

— В чём-нибудь нуждаетесь?

— Вообще-то есть одно дело. Вы не могли бы передать моё послание в Соединённое Королевство?

— Ну конечно, охотно передадим.

Я сообщил им все данные и попросил радировать Королевскому западному яхт-клубу в Плимут. Моряки заверили меня, что всё будет сделано, и с весёлыми возгласами пошли дальше, опять пустив челюсти на полный ход. Говорят: желудок двигает войско; может быть, матросы попросту озабочены тем, чтобы мотор не останавливался? Или как сказал бы Поль: лучше жевать, чем сжигать.

Это соприкосновение с внешним миром здорово меня воодушевило и внушило полную уверенность, что мои близкие получат ещё одну весточку (а может быть, первую? Я никак не мог отделаться от подозрения, что радиограмма, переданная через

немца, застряла в пути). Меня уже не раздражали ни пасмурное небо, ни тесная каюта, ни ограниченное количество чтива. Чёрт возьми, почему я не попросил у них несколько журналов и книжек? Ладно, Тэрбер выдержит и второй заход. И можно заняться изучением морских птиц.

Вечером яхта шла вполветра бортом к волне под полным гротом и стакселем, работал зюйд-зюйд-ост, крепчая так медленно, что я час торговался с собой — уменьшать или не уменьшать парусность, чтобы было полегче судёнышку и мне. Наконец ветру надоела моя болтовня, и он отошёл на восток, вынудив меня подняться на палубу, убрать грот и вынести стаксель. Сразу всем стало легче. Давно пора, заметил Майк.

И вот уже опять среда, и ровно в десять исполнилось две — целых две недели, как мы вышли в море.

VIII

Не подгоняй время, можешь пожалеть, когда оно пройдёт.

Суббота выдалась пасмурная, временами моросил дождичек; сильная облачность исключала визировку, счислимая позиция в полдень была 45° 39 северной широты, 20° 09 западной долготы, лаг 768. После лёгкого приступа тоски, на смену которой пришло воодушевление, зажжённое во мне морским патрулём, я решил обуздать свою фантазию и окончательно добить уныние, для чего разделил дистанцию до Нью-Йорка на более умеренные отрезки. Попросту говоря, я отметил на карте 30° западной долготы и 50° западной долготы в качестве своего рода барьеров, которые надо преодолеть на пути к финишу. Эта маленькая уловка изменила перспективу, теперь моей непосредственной целью был тридцатый меридиан. Вполне достижимая цель, и на душе сразу стало легче.

Конечно, лаять на луну никому не возбраняется, как сказал бы первый авиатор, силясь обогнуть встречное препятствие, и всё-таки иногда не вредно соразмерять свои усилия с возможностями. А бывают случаи, когда такая предусмотрительность просто необходима. У меня оставалось всего шесть банок пива — две до 30° западной долготы, две до 50° западной долготы и две на последний этап до Нью-Йорка. Задачка из области материально-технического обеспечения, или как ревностный ум решает сложные вопросы снабжения.

Вечером я ложился спать с лёгкой душой. Мне удалось поймать развлекательную программу Би-Би-Си и бой часов Биг-Бена. Не совсем безупречный сигнал точного времени, но для меня вполне сойдёт. Последние дни я держал свои наручные часы на полке, в выстланной ватой банке из-под какао: подвёл металлический браслет. Но, расставшись с моим запястьем, часы начали куролесить, пришлось починить браслет, что было совсем нетрудно, и снова надеть их на руку. Колебания хода в банке я приписал неровной температуре и более частым толчкам. Так или иначе, на руке часы почти сразу пришли в норму, и всё-таки я пожалел о том, что мой хронометр остался далеко за кормой.

Встав среди ночи, чтобы прибавить мощи океанскому прибою, разбивающемуся о далёкий берег, я неожиданно увидел всего в какой-нибудь миле за кормой судно, идущее курсом норд-вест. Приятно было смотреть на его ярко освещённые контуры, и я представил себе, что происходит в более тёмных уголках

шлюпочной палубы. Корабль прошёл в опасной близости от кормы «Эйры» и вызвал у меня внутренний протест. Три судна за два дня — что-то уж очень людно здесь становится. Было бы слишком утверждать, что я уловил запах духов, но мне так показалось, и этого было довольно для моей фантазии.

Я был достаточно молод и здоров, чтобы с некоторой досадой проводить взглядом огни удаляющегося лайнера. Ритмичная танцевальная музыка, мягкое освещение, персиковая щека…

Воскресенье прошло под знаком крепнущего ветра, который громоздил всё более крутые волны, а яхта то и дело пыталась их разгладить. Неблагоразумное занятие, ваши зубы невольно выбивают дробь, когда судёнышко врезается в вал помощнее и вздрагивает не только от удара, но и от холодного каскада, которым её обдал разгневанный Атлантический океан. Около семи баллов по шкале Бофорта, однако это ненадолго, можно идти дальше под зарифленным гротом и кливером. В полдень по-прежнему сильная облачность, визировка исключена, дождевые шквалы снова и снова застилают плотной завесой необозримую сцену. Наконец ветер, а за ним и волны ослабевают, зато увеличивается зыбь — это неприятно. Идущая с запада сильная зыбь прибавляет в длину, но и амплитуда тоже растёт. Яхта то скатывается в пучину, теряя ветер, то взлетает на могучий гребень. Ей хоть бы что, вам же чуточку не по себе при мысли, что эта чудовищная рябь — всего-навсего мышечная спазма на теле океана, по которому вы опрометчиво решились ползти. Спазмы следуют одна за другой, эта внушительная демонстрация любого потрясёт, и кончается она только там, куда дотягивается шельф. Материковая отмель нарушает неверное равновесие шатающегося исполина, и он с рёвом валится на содрогающийся берег. Всю вторую половину дня, весь вечер и всю ночь продолжается этот спектакль перед завороженной публикой в лице одного человека. Нужно ли говорить, что одиночку на малом судне здесь терпят, но не больше. А он неосторожно об этом забывает.

На следующее утро — опять переживания. Опять прямо по носу корабль, вот уже совсем близко, идёт северным курсом. Француз. Название — «Вайоминг», порт приписки — Гавр. Я далёк от пресыщения, и всё-таки сердце не бьётся так безумно, как во время предыдущих встреч с судами. Однако можно воспользоваться случаем и проверить счислимую позицию, которая не может быть точной, ведь последний раз я определялся пять дней назад. Конечно, не хотелось бы унижаться, но перспектива ещё одной недели пасмурного неба помогает мне укротить своё самолюбие.

И в дополнение к сигналу М-И-К я вывешиваю вопрос:

«Каковы координаты вашего корабля?»

Француз мчится на огромной скорости, около пятнадцати узлов, но он хорошо воспитан, поворачивает кругом и ещё раз проходит мимо меня. Его скорость по-прежнему чересчур велика, я не могу разобрать слов, летящих из мегафона над водой, к тому же они искажены акцентом.

Теперь мой выход. Выразительно — что твоя парижанка — я пожимаю плечами и вскидываю вверх руки, давая понять смотрящему на меня французу: мол, кричи не кричи, всё равно я из-за ветра ничего не понимаю. Торговые суда очень уж не любят сбавлять ход. После команды «Полный вперёд!», отданной по выходе из Нового Света, вдруг посреди океана перевести машинный телеграф на стоп — значит, вызвать панику внизу, и наверх выскочит разъярённый старший механик. Поэтому судно продолжает ходить на всех парах вокруг фолькбота, пока вахтенный офицер набирает флажный сигнал, и вот уже на видном месте, под самым топштагом, читаю:

«44˚ северной широты, 26˚ западной долготы».

А также:

«Нуждаетесь ли в чём-нибудь?»

Славный парень, молодец, говорю я себе, благодарно махая рукой, а француз описывает последний круг и удаляется, не потревожив машинное отделение.

Можно спуститься в каюту и сопоставить позиции. 44˚ северной широты — разумеется, округлённая цифра, и 26˚ западной долготы — тоже, но даже с учётом возможного отклонения я, похоже, продвинулся на запад дальше, чем думал. Ура! Вот что значит не слишком напирать на оптимизм при оценке пройденных миль и курса. Насколько это лучше, чем тешить себя надеждами и вдруг обнаружить, что вы на сто миль отстали от предполагаемой счислимой позиции.

Настроение сразу поднимается. Шестнадцать дней упорной лавировки против ветра, наконец, обернулись на карте заметным продвижением на запад. Ещё пять дней, и мы будем к северу от Фаяла; если лучшее из приключений кончится неудачей, есть куда юркнуть. Да и магический барьер 30˚ западной долготы постепенно приближается к видимому горизонту. Интересно, почувствую я толчок, переваливая через него? Да нет, всё ограничится стуком консервного ключа о банку эля, одну из шести, которые надо растянуть на тысячу миль.

В понедельник ночью дул достаточно свежий зюйд-вест, временами шёл дождь, видимость была посредственная. Вперёд, упорно вперёд, круто к западному ветру. Ветер отходит на несколько румбов, принуждая делать поворот оверштаг, выбирать наиболее выгодный галс, чтобы продвигаться на запад. На запад, медленно наращивая цифру на шкале лага. Яхте приходится трудно, зато команде физически легко, только бы Железный Майк не заржавел под непрестанным солёным душем. Впрочем, в бытии команды есть и другие грани, кроме видимых простым глазом. К упражнению «вверх-вниз», начавшемуся ещё в Плимуте, — наблюдать за горизонтом надо по возможности тщательно, — добавилось ещё одно непременное дело. Чуть не каждый час приходится немного поработать помпой, откачивать воду из трюма. Ничего тревожного пока, но, во всяком случае, знаменательное отклонение от прежнего статус-кво. Неделю за неделей идём бейдевинд, непрестанный крен, а то и качка — всё это создает страшную нагрузку на корпус. Тонна железного балласта ведёт непрекращающийся поединок с изменчивым давлением на работающие паруса.

Вторник наступил и прошёл. Утром удалось произвести визировку, но в полдень от солнца осталось только унылое бледное пятно посреди холодной серой пелены. 44° северной широты — широта солнечной Испании, но также и Новой Шотландии и сурового острова Сейбл. Хоть бы погода улучшилась. На ветер надежда плохая, он ещё довольно долго останется западным, но вот солнце — не пора ли ему показаться опять? Против ветра, всё время против ветра, палубу обдают солёные брызги, кокпит влажный — в итоге повышенный расход тщательно уложенной сухой одежды, которую извлекаешь из непромокаемых полиэтиленовых мешочков, носишь несколько дней, смотришь — уже промокла, надо сбрасывать. В носовом отсеке громоздится унылая куча вязаных вещей, напоминающих скорее о мокрых губках, чем о курчавых спинах горных овец. По всему судёнышку распространился затхлый запах. На подволоке тёмно-зелёные пятна плесени утвердились в неудобных уголках, куда не добирается тряпка, когда руки доходят до уборки. Откроешь банку с галетами — отсыревают раньше, чем успеваешь съесть, и приходится их подсушивать в не знающей отдыха печке. Все одеяла влажные. Некоторые из них присоединились к зловонной куче одежды в носовом отсеке, другие ещё помогают защищать спальный мешок от непрерывной капели из люка, которая упорно стучится в моё плечо, поскольку я сплю на койке с подветренной стороны. Чего только я ни делал, чтобы прекратить эту противную течь, вызванную неплотным

соединением в передней части сходного люка, — всё напрасно. Солёные капли знай себе падают сверху, подливая масло в огонь моего неуравновешенного нрава. Казалось бы, что проще — ложись с наветренной стороны, но это очевидное решение проверено и отвергнуто, крен велик, не улежишь. Остаётся либо подветренная койка, либо елань.

Большая часть бумаги слишком отсырела, чтобы выдержать уколы острого карандаша. На планшетах с гониометрической сеткой появляются дыры. Вахтенный журнал промок. Даже страницы Тэрбера обмякли между влажными корками переплёта. Пыльные степи «Землепроходцев» превратились в обширные болота, преградившие тысячам голов скота путь к железнодорожной станции. А сколько времени уходит на то, чтобы в мокром спальном мешке установилась парниковая температура, особенно если ваше собственное тепло успело улетучиться. Влага пропитывает мышцы, вы просыпаетесь с окоченевшей шеей и ноющими плечами. И суставы напоминают о себе. Скрипучим голосом они жалуются на вездесущую сырость, она и душу подтачивает день за днём, наконец, конденсируется в солёные струйки, сбегающие вниз по скулам. Слёзы жалости к себе? Не думаю. Когда идёшь совсем один на маленьком судне, полночь зовёт воспоминания, и они теснятся в душе, заставляя раскисать восприимчивых субъектов, к числу которых — не стыжусь в этом признаться — я принадлежу. В ту ночь, лежа на сырой, холодной койке, я совсем увял. Мысли медленно вращались вокруг моего физического существования, потом вдруг отлетели, и вот я смотрю на себя и своё судёнышко откуда-то с высоты. Всё пройденное за последние недели словно разложено передо мной на столе. Я обозревал свои шаги и — странный дар — видел каждый из них отдельно и в то же время их естественную последовательность. Где-то на самом конце кривой я различил родной дом и семью. Это оказалось последней каплей, и тут-то я прослезился, не от жалости, а от прилива чувств. Всё то, что обычно отводится в сторону плотиной повседневной сдержанности и протекает вдали от невидящих глаз, вдруг нахлынуло на меня. Ощущение было сладостное, и сознание взбунтовалось. Не пристало искать удовольствия в психическом отклонении, и я поспешил взять себя в руки. Я встал. И приготовил себе чашку чаю.

В среду утром, 29 июня, потратив немало сил на то, чтобы привязать размытое солнце к мутно-серому горизонту, я посмотрел на часы.

И не поверил своим глазам.

— Силы небесные, остановились!

На берегу отказ в работе наручных часов, как правило, не влечёт за собой ничего ужасного. Но каково это человеку, отделённому от суши водной пустыней? У меня было такое чувство, будто земля разверзлась подо мной.

Отложив никчемный теперь секстант, я ещё раз посмотрел на часы. Длинная секундная стрелка не двигалась с места. Я поднёс часы к уху, питая слабую надежду, что механизм всё-таки действует. Никакого намёка на тиканье.

Я встряхнул их и снова послушал.

Молчат.

Мной овладело страшное отчаяние. Без часов я не узнаю времени. Не зная времени, не узнаю долготы. Такой ход мыслей, разумеется, не мог помочь мне избавиться от ощущения, что я был дурак дураком, когда оставил на берегу хронометр. Угрюмо сижу на краю койки: локти упираются в колени, подбородок лежит на обращённых кверху ладонях, пальцы скребут бородатые щёки.

— Дурак ты, Хауэлз.

— Последний идиот.

Я посмотрел на здоровенный будильник, привинченный к комингсу рядом с барометром. Как ни роскошно выглядел сверкающий латунью корпус, я знал, что внутренность не лучше, чем у дешёвых ходиков. Секундной стрелки нет, и ход такой неровный, что рядом с этим будильником самый скверный хронометр показался бы верхом совершенства.

Я снял часы с руки и опять встряхнул их.

Никакого сдвига.

Я не представлял себе, что тут можно сделать. Сколько лет у меня были эти часы, они всегда работали исправно. Ход надёжный. Механизм самозаводящийся, поэтому я смотрел на них только тогда, когда производил обсервацию или хотел узнать время по Гринвичу, чтобы заполнить навигационную таблицу. И вот они стали. Снять заднюю крышку и поковыряться внутри? У меня был на борту инструмент, но он больше годился рубить мачты, выправлять штопоры и обтёсывать бруски, чем возвращать к жизни тонкие приборы. Я вернул часы в их прежнее убежище (банку из-под какао) и попытался про них забыть, однако без особого успеха.

Всю первую половину дня мысли снова и снова возвращались к этой проблеме. Даже смена умеренного норд-веста норд-тен-вестом не очень меня воодушевила. Громкое тиканье будильника назойливо лезло в уши, трясина мрачных мыслей засасывала всё глубже, и, чтобы выбраться из неё, я поднялся на палубу.

День был неплохой. Яхта прилежно использовала

относительно благоприятный ветер. Редкая облачность позволяла надеяться, что я смогу взять меридиональную высоту; наручные часы для этого не требовались. Будильник внизу как мог отверял истинное время, уж он постарается меня предупредить, Я осмотрел кокпит. Вроде бы всё в порядке. Поглядел на весело вращающийся лаг. Хоть он меня радовал. Глаза скользнули вдоль лаглиня до воды, отметили кильватерную струю и чуть не выскочили из орбит.

— Это ещё что за чертовщина?

Ярдах в пятидесяти за кормой на поверхности воды расходились круги. То, что мелькнуло у меня перед глазами секунду назад, оставило хотя и смутный, но достаточно выразительный след.

Опять! На этот раз глаза смотрели в нужную точку. Поверхность воды вспорол плавник. Но какой плавник! Он вздымался над водой на несколько футов, а далеко позади него извивался, судя по всему, огромный хвост. Просто не верилось, что оба эти придатка принадлежат одному животному.

— Только этого мне не хватало сегодня. Сперва остался без точного времени, теперь ещё меня преследует исполинская рыба.

Да, это была рыба. Уж во всяком случае, не кит. Но какая рыба! Чтобы лучше видеть, я вышел на корму и покрепче взялся за бакштаги — сейчас не стоит падать за борт. Чудовище петляло из стороны в сторону, пересекая волновую дорожку. Чем дольше я смотрел, тем больше поражался его размерам. Я глянул на нос яхты, чтобы представить себе двадцатипятифутовый отрезок, ведь за последние недели мне редко представлялся случай сопоставлять размеры, так что глаз мог и подвести. Но чудовище, несомненно, было намного длиннее яхты, что-нибудь около сорока футов.

— Чёрт возьми! Вот так рыба!

Рыбина явно заинтересовалась мной. Продолжая выписывать зигзаги, она подошла поближе. Что делать?

— Не трусь! — заорал я.

Во-первых, я не мог придумать ничего лучшего, во-вторых, надо было чем-то занять язык, который нервно облизывал губы.

Всего дюжина ярдов отделяла от яхты этого морского исполина. Я мысленно перебрал всё, что помнил о больших рыбах. Акулы! Да, пожалуй, это гигантская акула. Кажется, они не опасны? Да. Я об этом знаю… Но знает ли чудовище? На вид оно миролюбивое. Огромное серо-голубое туловище легко скользило в воде, подгоняемое ленивыми движениями здоровенного хвоста. Минут двадцать с лишним мы изучали друг друга, причём я смотрел без особого доверия, но с почтением, которое в конце

концов сменилось лёгкой досадой.

— Убирайся, чучело! Найди себе кого-нибудь под стать.

Рыбина продолжала плыть за кормой, как слон, бредущий за маленьким погонщиком.

— Кш! Кш! Кш!

Никакого впечатления. Уверяют, будто есть валлийцы, способные заговорить кого угодно до потери сознания, я же провалился на рыбе.

Желудок подсказал мне, что настал час ленча, напомнив, что жизнь идёт, не нуждаясь ни в каких механизмах для измерения тока времени. Кому приятно, когда над ним берёт верх какая-то рыба? Тут только одно лекарство могло помочь: хороший стакан «Будь здоров». Он и в самом деле благотворно подействовал на меня. Я остановился на тушёнке, добавив маринованный лук и галеты с толстым слоем масла. После этого я почувствовал, что готов снова посмотреть в глаза чудовищу. Если оно ещё не ушло.

Оно не ушло!

И я опять отправился вниз.

У меня ещё осталось полбанки мяса, но я не мог её уделить Крошке Тиму. Это холодное мясо — мой ужин, ведь был как раз такой день, когда я обходился без горячего блюда. А вообще-то вряд ли эта махинища разборчива в еде. Для неё главное, чтобы было побольше. Я выложил остатки на тарелку и взвесил на ладони пустую банку.

— А что?

Снова наверх и покрепче взяться за бакштаги.

— Сюда, Фидо… сюда, дружок! Служи, пёсик, служи хорошенько!

Я рад был бы сказать вам, что он послушался.

Но этого не произошло.

Он знай себе продолжал лениво плавать за кормой.

— Ты не вырастешь большой и сильный, если не будешь кушать как следует.

Он и ухом не повёл.

Я швырнул в него пустой банкой и ушёл вниз.

«Будь здоров» не только придал мне мужества для встречи с загадками океана, после него я решил ещё раз взглянуть на часы. Извлёк их из банки и посмотрел на секундную стрелку. Недвижима. Несколько раз пощёлкал по ним пальцем — может быть, просто заело что-нибудь в механизме? Никакого успеха. Поразмыслил, как быть: то ли открыть заднюю крышку и поковырять, то ли хорошенько стукнуть часами по трапу. И в том и в другом случае я как будто мало что теряю. Ещё глоток креплёного гоголь-моголя помог мне решить вопрос в пользу

трапа.

Вам когда-либо доводилось держать ваш единственный, незаменимый хронометр за повреждённый браслет, прикидывая, с какой силой стукнуть им о стремянку? Тут требуется мощный внутренний импульс, который, как мне кажется, может возникнуть только, если вы утром, выйдя из дому, увидите, что на вашем газоне пасётся динозавр. После этого всё возможно. Пренебрегая тонкостями часового ремесла, я отвёл часы вверх на три дюйма и резким движением опустил их на лакированное красное дерево.

Бам! (Как и следовало ожидать.) Я поднял часы, сразу скажу, без особой надежды, и внимательно прислушался. Ни звука. (Ещё раз? Почему нет?) Бам! Может быть, и проверять не стоит? Я держал часы за сложенный пополам браслет так, что не видел циферблата. (И ещё раз на счастье?) Бам! Какой приятный ровный звон. Так что, смотреть или не смотреть? Надо. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что стрелки не соскочили. Осторожно-осторожно я повернул часы циферблатом к себе.

— Слава богу!

— Слава богу, идут!

Да, они шли. Провалиться мне на этом месте. Мой драгоценный наручный хронометр, водонепроницаемый и антимагнитный. И смею сказать — противоударный. Он стоял много часов. И… Снова. Пошёл.

Вам хочется знать, каким образом? Дорогой друг, мне тоже.

Пополудни и вечером держался северный ветер. Ночью я крутил приёмник пеленгатора, пытаясь поймать сигнал времени. Гринвичское время я знал с точностью до пяти минут; наконец, наслушавшись атмосферных разрядов и ненужной болтовни, я поймал сигнал и лёг спать со спокойной душой.

(Рыба удалилась ещё до вечера.)

Утро выдалось ясное, солнечное. В семь тридцать, когда я производил утреннюю визировку, настроение у меня было превосходное. Оказалось, что яхта всего три мили не дотянула до счислимой позиции; этот маленький успех после стольких пасмурных дней и неладов с часами придал мне новую энергию, и я продолжал трудиться, хотя ветер ещё до полудня спал и паруса опять легли на палубу. День был сказочно хорош. Пользуясь безветрием, солнце жарило вовсю, и вот уже я в одних коричневых шортах окатываю палубу из ведра и драю её шваброй. Море тоже присмирело, и, приведя в порядок судно, я сел на рубку и стал изучать моё непосредственное окружение. При ближайшем рассмотрении с неподвижной яхты выяснилось, что

водная пустыня на самом деле густо населена всякими тварями. Сперва я заметил поплавки «португальских линейных кораблей». Вероятно, они были тут и раньше, но теперь зеркальная гладь подчёркивала высоту маленьких парусов, которые ни обо что не тёрлись, а потому их не надо было убирать. Мы все штилевали. Многие физалии плавали совсем рядом с яхтой в голубой воде, почти прозрачные, с развевающимися красными щупальцами — этакие легчайшие водяные кружева. Они казались совсем бесплотными. Масляными красками их не изобразишь, только акварелью. Я тихонько ткнул рукояткой швабры одну физалию. Совсем как желе и такая же слабая. Но хотя я знал, что эти красивые щупальца способны парализовать мелких рыб и очень больно острекать человека, я вовсе не хотел ранить физалию. Сказывалось чувство общности с обитателями океана. Оно зрело исподволь, уже несколько дней, а то и недель. И даже вчерашний испуг от встречи с большой акулой его не поколебал. Начало было положено визитом моих друзей дельфинов, и теперь я с симпатией смотрел вниз, в пронизанные солнцем тихие воды. Там копошились миллионы крохотных тварей. Особенно много прозрачных, толщиной в карандаш личинок с дюйм длиной, с чёрным пятнышком посередине туловища. Я зачерпнул несколько штук стаканом и позабавился их трюками. На более высокой ступени стояли рыбки величиной с оливу и такие же зелёные. Они были очень юркие и бросились врассыпную, как только моя рука коснулась воды.

Яхта отбрасывала длинную тёмную тень в бездонную пучину; в этой тени кружили рыбы покрупнее, будто гости, которые на приёме в саду предпочитают газон. Мне нравилась роль зонта. Картина была настолько увлекательная, что лицо моё всё ниже и ниже наклонялось над водой. Я прикрыл сверху глаза рукой от солнца, чтобы лучше видеть, и спрашивал себя — не окунуть ли голову в воду и посмотреть на всё это в упор; в это время поле зрения плавно пересёк какой-то тёмный силуэт. Лёгкое движение хвоста, и он пошёл к лодке. Небольшая акула, спина ярко-синяя, брюхо девственно белое. Я ни капли не встревожился. Акула вела себя спокойно, ею явно руководило простое любопытство. Осторожно, чтобы не спугнуть её резким движением, я выпрямился. Она поднялась к самой поверхности и выставила поблескивающие на солнце плавники. Длина около шести футов, туловище поджарое, отвечающее своему назначению. Вот она повернулась, и я увидел кривую пасть с рядами мелких зубов. Они тоже явно отвечали своему назначению.

В полдень обсервация дала координаты 43° 28 северной широты и 30° 08 западной долготы, лаг показывал 1155 миль.

Барьер сорокового меридиана был взят чисто, без малейшего толчка, и я извлёк одну из двух банок пива, рассчитанных на тысячу миль. Пиво было тёплое, но вполне сносное, и, опустошив банку, я швырнул её за борт.

Через несколько минут акула Джек, нервно метнувшись прочь, пришла в себя. Описала несколько плавных кругов. Наконец поднялась, чтобы взглянуть поближе.

Но это была всего-навсего банка.

Пополудни я вытащил на палубу свою постель и развесил гирлянды из одеял, подушек и двух спальных мешков. Задолго до захода солнца постель стала тёплой на ощупь, снова суля мне радушный приём.

С приходом ночи рыб вокруг яхты прибавилось, и до тех пор, пока под утро не подул ветер, я слышал бульканье и всплески, говорящие о том, что не только среди людей бывают ночные гуляки.

Всего семнадцать миль — итог следующих двадцати четырёх часов. Я удручённо размышлял, сколько прошли в этот день Фрэнсис и остальные. Хороший загар — тоже неплохо, но меня больше волновал Нью-Йорк. Настроение снова начало портиться. Примечательно, что с каждой неделей мои нервы всё острее отзывались на одни и те же обстоятельства. Чтобы встряхнуться, я как следует вымылся во второй раз с начала плавания. На этот раз тёплая солнечная погода позволила мне устроить баню в кокпите, где, внимательно осмотрев горизонт и убедившись, что никто не подглядывает, я разделся донага и весь намылился. Меня по-прежнему удивляло, как мало воды нужно, чтобы намылить большое тело, и поражало, как трудно это мыло удалить, когда у вас для душа есть всего две и три четверти пинты воды. Тем не менее, как и в прошлый раз, эффект был изумительным, ради этого стоило стараться и упорно копить воду.

Во второй половине дня, слава богу, подул ветер, и всю ночь и утро я шёл бейдевинд правым галсом. В полдень в субботу мои координаты были 42° 31 северной широты и 30° 42 западной долготы, лаг показывал 1243 мили.

Плыви дальше, борясь с соблазнами и грустными мыслями.

IX

Скольких опасностей надо остерегаться. По-прежнему против волн на запад. По-прежнему крутой бейдевинд. На душе и так и сяк. По большей части одиноко.

Вплоть до этой самой минуты я ежедневно выполняю одну и ту же обязательную процедуру. Заполняю вопросник Британского совета медицинских исследований.

Один из тех, кому предложили это дело, отказался. И пожалуй, правильно поступил.

«Как вы себя чувствуете», — гласит один из вопросов. Реплика, которой вы встречаете сослуживца, рассчитывая на короткое: «Ничего», «Паршиво», «Здорово». Любой ответ сойдёт. Только не здесь. Здесь от вас требуется, чтобы вы раскрыли своё нутро и предъявили им для исследования.

Да, мне одиноко. Да, мне страшно. Да, я буду рад, когда всё это кончится.

Кому это важно, кроме меня?

С какой стати я должен открывать свою душу какому-то любопытному медику, который будет брезгливо копошиться в ней и во мне, сидя в прокуренном лондонском учреждении?

Тем не менее я продолжаю благоговейно заполнять вопросник. После стольких дней он даже по-своему благотворно влияет на меня, время от времени я пытаюсь объективно взглянуть на себя со стороны. Неужели ты и впрямь такой гриб-дождевик, что малейшая перемена погоды влияет на твоё настроение?

Мы прошли к северу от Азорских островов, теперь надо уклониться к югу, чтобы обогнуть Гольфстрим. Норд-вест меня вполне бы устроил, но если в субботу утром нам везло, то в последующие двадцать четыре часа ветер постепенно отошёл на запад, и к полудню воскресенья установился вест-зюйд-вест. Теперь дует почти в лоб, и я снова вешаю нос. Вообще-то погода приличная. Видимость хорошая, ветер и волнение умеренные, только направление завывающего ветра вас коробит. Опять лавировать против ветра. Лавировать. Лавировать. Лавировать…

Мне однажды сказали, что идти бейдевинд на малом судне — суета. Как это понимать? Тщётная надежда? Никчемная затея? Пустое развлечение? Напрасные усилия? Праздное времяпрепровождение, показная доблесть или, пуще того, проявление гордыни — плод чрезмерного самомнения? Всё это

может быть и верно, однако нисколько не умаляет того факта, что ход бейдевинд требует от вас работы. Хорошее слово, верное слово. Конечно, можно попробовать хитрость и лесть, но на них далеко не уедешь.

Пройдя половину пути между зенитом и горизонтом, солнце оказывается примерно на юго-западе, там, куда мы идём. Но и ветер дует с той же стороны, дует упорно, настойчиво. А с ветром приходит и волна, лютой её не назовёшь, но что-то вроде непрестанно движущегося парового катка, который вы можете бодать сколько угодно и без заметного успеха. Яхта лучше моего приспособлена для этого. У меня при взгляде на карту, на безбрежный этот океанище сердце сжимается. Его размеры совершенно подавляют.

Яхта реагирует более разумно. Она одолевает каплю за каплей, волну за волной, стойко перенося все превратности судьбы; мне бы такое упорство. Я падаю духом, она же, хоть и ворчит порой и кряхтит, продолжает делать своё дело.

Шкоты выбраны в тугую, не настолько, чтобы яхта совсем потеряла ход, но так, что грот превратился в доску, а стаксель только-только тянет. Наветренные ванты натянулись, как струна, штаги тоже, остальной такелаж болтается без толку и ничего не делает для поддержки мачты, которая сильно клонится в подветренную сторону. Териленовый грот хорошо переносит напряжение. Нижние полотнища поблескивают внизу, где солёные брызги выбивают о них барабанную дробь и скатываются к нижней шкаторине. Ветер гонит их назад, и они срываются с нока обратно в море с подветренной стороны. Риф-штерты бьются о парус, ждёшь, что это непрестанное трение должно отразиться на парусине, но пока что ничего не заметно. Зато ваш взгляд привлекает передняя шкаторина грота, соединённая с мачтой ползунами из нержавеющей стали. Один ползун, примерно посередине, сорвался, и в этом месте парус отстал от мачты. Починить, что ли? Это значит полчаса работать на палубе под градом брызг. Ладно, потерпит, скажем, до следующего штиля. От этих ползунов бывают и другие неприятности. У них острые края, которые истирают подшитую кромку териленовой парусины. Кожаные предохранители поизносились, ими тоже скоро надо будет заняться. Железный Майк доблестно трудится, он самый прилежный член команды, но сейчас ему не мешало бы подсобить. Частая крутая волна изо всех сил старается сбить яхту с ходу, а Майк явно склонен держать судно слишком круто к ветру.

Может быть, всё-таки выйти, поправить флюгер?

Но тогда я промокну.

К чёрту!

Лучше подождём и проследим, как часто на палубу залетают брызги. Определив ритм полива, можно высунуться из сходного люка и укоротить наветренный румпель-трос, чтобы крепче придерживал. Когда яхту поднимает на волне, руль, у которого площадь пера больше обычного для фолькбота да к тому же на баллере укреплены триммер и шток флюгера, болтается на петлях так, что того и гляди разлетится вдребезги. Румпель-тросы, необходимые, чтобы руль не перебирал, усложняют задачу. Когда корма сваливается с гребня, руль куролесит и румпель дёргается. Это не проблема для живого рулевого, его рука сама отзывается и выполняет роль амортизатора, теперь же размах колебаний ограничивают румпель-тросы. Руль пробует вырваться из этой узды, и вся кормовая часть яхты содрогается от их поединка. Вот вам ещё одна небольшая забота.

Есть и другие.

Яхта имеет течь.

Это не обычная трюмная вода, которая увлажняет нутро яхты с тех пор, как она сошла со стапелей. Теперь, когда позади не одна неделя напряжённого плавания, приходится куда чаще работать помпой. Пока что я не веду регулярного учёта в вахтенном журнале. Просто, как покажется, что уже пора, качну раз двенадцать, примерно через каждые три-четыре часа. После дневного сна. Когда готовится ужин. Ночью, когда встаю, чтобы осмотреть палубу и горизонт. Это вошло в постоянный режим работы. Удивляться не приходится. Вылезая на крутую волну, яхта сшибается с ещё более крутым гребнем и сопровождающей его тучей брызг. На миг замирает, вырвавшись из объятий моря, насколько это возможно для судна на плаву. Нос и корма свободны, средняя часть судна служит центром равновесия. Вот когда яхта скрипит и кряхтит. Но равновесие длится какую-нибудь секунду. Волна уходит к корме, оставляя носовую часть без опоры. Нос падает вниз и шлёпается в ложбину, так что стаканы дребезжат, хотя они надёжно закреплены на своих полках. Зарывшаяся в море нижняя часть форштевня отбрасывает воду от корпуса вправо и влево, во все стороны, как будто работает сеятель. Немного времени отведено яхте, чтобы прийти в себя, — следующая волна уже тут как тут, нос, а за ним и весь корпус начинают восхождение, корма же уходит вниз. Вот когда руль выбрыкивает сильнее всего, особенно если Майк приводит яхту к волне, а волна круче обычного. Она поднимает нос, потом толкает его назад. Толчок тормозит поступательный ход яхты, и, если Майк сильно перестарался, грот будет обиженно хлопать, пока яхта не увалится и не начнёт правильно принимать под себя

волну.

Вам это кажется однообразным?

Правильно кажется.

Лежа внизу в спальном мешке, лишённый свежего чтива (даже Тэрбер приедается после третьего захода), я не отделяю себя от яхты. Все звуки мной изучены. Каждый стук, каждый треск, каждый скрип говорят мне, что происходит. Вот это своеобразное подрагивание вызвано натяжкой, которая должна держать штаг туго выбранным. Когда яхта идёт слишком круто к ветру, передняя шкаторина заполаскивает и слышны красноречивые хлопки. Нет никакой надобности сидеть в кокпите и, склонившись в подветренную сторону, заглядывать из-под грота на переднюю шкаторину кливера. Достаточно поднять ногу и коснуться ею болтов, крепящих к палубе рычаги натяжек, и я ощущаю, как они дрожат, когда Майк приводит судно к ветру. Лёжа навытяжку на подветренной койке, голова — на руке, я уподобляюсь чувствительной компасной стрелке. Ноги смотрят на северо-восток, голова — на юго-запад. Если дующий сейчас вест-тен-норд отойдёт хоть на румб по часовой стрелке, я сразу замечу перемену. Яхта по-прежнему будет идти бейдевинд правым галсом, но курс зюйд-вест сменится на зюйд-вест-тен-вест. И я это буду знать. Точно так же, если ветер сместится на румб против часовой стрелки, яхта следом за ним приведётся к югу, и качка сразу ослабнет. Лежу как будто неподвижно, на самом же деле меня подняло в воздух на десять футов и на столько же футов пронесло вперёд, и мне слышно, как вода обтекает корпус. Журчит, словно горный ручей, стремительно бегущий через камень. Толщина обшивки всего три четверти дюйма, и, если приложить к корпусу чувствительные кончики пальцев — так взломщик знакомится с сейфом, — можно ощутить скольжение моря. С начала перехода за шляпкой вот этого гвоздя прошло тысяча триста миль воды.

Вам это кажется однообразным?

Правильно кажется.

Лежите, и спать не хочется, лишь бы время шло, смотрите на шляпку этого гвоздя, словно курица на черту, проведённую от клюва мелом по полу. От этих маленьких кусочков меди всё зависит. Судно, будто подушечка для булавок, пронизано красновато-коричневыми гвоздями. Но всё то, что они старательно скрепляют, мачта и такелаж силятся расшатать. Мачта — это не что иное, как подпорка для парусов и такелажа, и нагрузка, которой она подвержена, передаётся на её шпор. Чем туже натянут штаг, тем сильнее мачта упирается в степс. Такелаж тянет концы судна вверх, мачта отжимает среднюю часть вниз. Я

хорошо представляю себе все эти скрытые напряжения; они, хотя не заметны для глаза, заставляют серьёзно задуматься об ударах, которые обрушиваются на корпус.

Находясь внутри этого корпуса, я не только сознаю, но и осязаю приходящееся на него напряжение. Я настолько сросся с яхтой, что, когда люк задраен и не видно окружающего, забываю, что такое равновесие, и становлюсь как бы частью оборудования, вроде шарнирного примуса — впрочем, он лучше меня следит за естественным горизонтом. В лад движениям корпуса меня то легонько придавит, то потянет назад; вот и всё, что я ощущаю. В отличие от качающегося чайника я не выравниваюсь в горизонтальной плоскости. Я — внутренний орган, обшивка яхты — кожа.

К полудню воскресенья мы прошли по лагу семьдесят восемь миль, за следующие сутки — ещё шестьдесят две, которые дались нам ценой упорного труда. Но ведь последние дни курс был почти южный, поэтому от силы половина этой дистанции по-настоящему шла в счёт. Остальное съела проклятая необходимость и снова и снова делать поворот оверштаг, снова и снова лавировать, просто ум за разум заходит.

В понедельник утром справа на траверзе показалось судно. Оно прошло в трёх милях севернее, не заметив моего фолькбота. А если и заметило, то, во всяком случае, не подало виду. Просто удивительно, как близко надо подойти, чтобы рассчитывать, что вас увидят. Будете биться об заклад, скажите — на милю, не больше. По-вашему, поднятый на мачте белый парус непременно должен бросаться в глаза? Ничего подобного. Половину времени яхта скрыта в ложбинах между волнами, когда же она влезает на волну, попробуй отличить парус от мелькающих со всех сторон тысяч белых гребней. Единственное исключение из этого правила бывает в полный штиль, когда поникшие паруса — если вы их неосмотрительно оставили — будут торчать, как перст, над маслянистой гладью. Лёгкое разочарование, навеянное прошедшим судном, развеял гул самолёта, летевшего так высоко, что я даже в бинокль не смог опознать это серебристое пятнышко. Самолёт сделал широкий круг над яхтой, и я внушил себе, что нас заметили. В моём одиночестве не следовало пренебрегать даже таким хрупким звеном. Глядя, как он идёт надо мной, я соображал, где может находиться его база. Скорее всего, на Азорских островах. Интересно, сколько до них?

Нехитрая манипуляция измерительным циркулем, и вот готов неожиданный ответ:

— Всего семьдесят пять миль!

Разумеется, эта мысль уже несколько дней живёт в моём

подсознании, теперь мне это ясно, но я старался её заглушить.

— Семьдесят пять миль — один дневной переход.

Я бормочу это, наклонившись над картой. До чего соблазнительно! Горячая ванна, свежая пища, радиограмма на родину, письмо Эйре и детишкам. Чем больше я об этом думаю, тем сильнее искушение. Двадцать три дня, как мы вышли из Плимута, пройдено тысяча четыреста миль, но это всё было и прошло. Следующие две тысячи миль — вот что меня волнует. Неужели я не одолел ещё и половины пути до Нью-Йорка? В это невозможно поверить. И я заставляю себя ещё раз посмотреть на карту, измерить глазами это огромное белое пространство. Циркуль не нужен. И без того видно, как далеко, чертовски далеко.

Что случится, если я зайду в порт? Не будем заниматься самообманом, уверять себя, будто я завтра же отправлюсь дальше. Сколько раз я заходил в какой-нибудь порт, и, каким бы невинным он ни казался, всегда меня что-нибудь затягивало. Уходить трудно. А расстояние до Нью-Йорка будет то же. Искушение поставить крест на всей затее может оказаться слишком сильным.

Пока я торговался сам с собой да ещё стоял на трапе, глядя на юг, ветер сместился больше чем на румб против часовой стрелки и теперь дул зюйд-вест. И так как яхта шла правым галсом, получался курс зюйд, прямо на Флориш и предлежащие острова.

— Каких-нибудь семьдесят пять миль!

— Не бывать этому!

— Все наверх!

— Поворот оверштаг! Отключить Майка.

С минуту иду прежним курсом, чтобы почувствовать румпель. А теперь румпель под ветер, шкот потравить. Яхта разворачивается, но я плохо рассчитал, с наветренной стороны подходит большая волна. Нос лезет вверх, однако не успевает одолеть гребень, и тот нависает над баком, как прибой над берегом. На миг всё застывает, словно на фотографии. Но тут же движение возобновляется. Гребень наступает, с рёвом обрушивается в туче брызг на бак, распластывается перед мачтой, перехлёстывает через рубку и водопадом врывается в кокпит, где я съёжился около крышки сходного люка, к счастью плотно закрытого.

— Разрази меня гром!

Я промок насквозь, это в общем не так страшно, ведь на мне одни шорты да рубашка, однако вода холоднее, чем вы думаете, к тому же волосы и борода опять будут липкими от соли.

Из кокпита вода с бульканьем уходит в сливные трубы и стекает через борта; я встаю и вижу, что яхта попала в капкан. Она потеряла ход, грот и стаксель полощутся впустую вокруг мачты. Перо руля не испытывает напора струи, и он сейчас бесполезен. Майк самодовольно крякает: с ним ещё ни разу не случалось такого позора. Ничего не поделаешь, надо выходить на бак и выносить стаксель на ветер.

С обезветренными парусами яхта утратила устойчивость, она не только подскакивает по прихоти волн, но и нервно встаёт на дыбы — ничего похожего на её обычный аллюр с лёгким креном. Соблюдая осторожность, пробираюсь вперёд (не забудьте пригнуть голову, не то вас стукнет по голове беспорядочно качающийся гик). Босые ноги нащупывают опору рядом с рубкой, тело наклонено внутрь, тянусь руками к ящику со спасательным плотом, лежащему на палубе рубки. Ухватившись за него, можно двигаться дальше, и вот уже есть вторая опора для рук — мачта. Яхта по-прежнему стоит носом против ветра, так что, ловя шкот, остерегайтесь, чтобы бешено хлопающий стаксель не хлестнул вас по лицу латунным коушем шкотового угла. Никак не поймёшь резвящийся парус. Кажется, он сознательно от вас увёртывается, и после одной-двух напрасных попыток вы решаете подстеречь, когда он чуть присмиреет.

— Ага, попался, шалопай!

Теперь выбирать стаксель на ветер, выносить его на левый борт, чтобы яхта развернулась в северном направлении. Пошла?

Нет ещё. Ветер туго натянул шкот, который я держу. Но яхта продолжает топтаться на месте, не хочет переходить на новый галс. Если она сейчас получит ход назад, придётся идти на корму, класть руль на борт.

— Что такое?

Руль положен на борт, об этом позаботилась волна.

— Что, Майк, съел?

Так, поворачивает. Подержим шкот ещё немного. Надо довести поворот до конца, ничего что грот уже начал наполняться.

Вот теперь можно выпускать шкот и осторожно возвращаться назад. Шхуна ещё не набрала ход, только кренится от давления ветра на грот. Лучше пробираться с наветренной стороны. Там выше и суше, да к тому же, если пойдёшь вдоль правого борта, придётся снова нырять под гиком. Идёте, не отрывая ног от палубы, наклонившись над рубкой, спиной к морю; в это время игривый гребень шлёпает яхту в задранный борт, и вверх взлетает каскад воды. Вашу голову и спину снова окатывает, а в штанины врывается словно струя из пожарного рукава.

— Пощадите!

Наконец вы в кокпите. Руль под ветер, так и держите его коленом, пусть яхта забирает ход. Добирайте кливер-шкот, это ей поможет; о гроте думать не надо, он сам переложился. Ну вот, теперь яхта идёт прилично. Приведитесь до полного бейдевинда. В порядке? Можно вылезать на ют и подключать флюгер Майка.

Вернувшись после всего этого в каюту, сижу на краешке койки и сдёргиваю промокшую насквозь хлопчатобумажную рубашку. В носовой отсек её, к остальной мокрой одежде. Потом ловлю минуту, когда яхта выравнивается в ложбине, быстро отрываю собственную корму от койки и вылезаю из шортов. Они пляжные, из какого-то искусственного волокна, оно не впитывает влагу так, как хлопок или шерсть. Отвисятся, и вода сама с них стечёт. Теперь растереться полотенцем. Не такая согревающая процедура, как хотелось бы, ведь полотенце-то влажное, но лучше, чем ничего. В заключение вытереть голову, хотя сколько её ни три, суше не станет.

Теперь ещё надо перенести спальный мешок с бывшей подветренной койки, она после смены галса стала наветренной и непригодной для отдыха. Но сперва предстоит схватка с матрасом в водонепроницаемой пластиковой оболочке. У пенопласта, которым он набит, отвратительная привычка свёртываться в трубку, так что вы лежите рядом с этой неладной штукой, а не поверх неё, как положено. Есть смысл потратить минут двадцать на то, чтобы попытаться разгладить матрас. Это не так просто, как кажется; попробуйте для сравнения снаружи открыть лежащий в кармане перочинный ножик. Ладно, сойдёт и так. В конце концов я сам виноват. Ведь меня спрашивали, какой матрас нужен: стёганый или нет? Стёганый? В ту минуту дел было столько, что я не отнёсся к этому вопросу с должным вниманием. И получил нестёганый матрас. А теперь, пожалуйста — скатка из разбухшего пенопласта в пластиковом конверте, старательно подогнанном к сужающимся в ногах койкам. Всё равно приятно забраться в спальный мешок.

Лёжа в мешке, заполняю вахтенный журнал. Не данные о навигации, это сделано во время очередных обсерваций, а сейчас — запись в личном дневнике на последних страницах, он, не смущаясь, приемлет информацию, которая медицинскому вопроснику ни к чему. Теперь, когда я поборол соблазн Азорских островов, можно вписать что-нибудь этакое, самоуверенное. Я сам себе кажусь молодцом? Это плохой знак. Делая запись огрызком карандаша, ловлю себя на мысли, что упущен случай послать радиограмму домой. Приступ тоски по дому сопровождается надеждой скоро встретить другой корабль, который пройдёт

достаточно близко, чтобы заметить мой флажный сигнал.

День проходит, за ним ещё одна долгая ночь. Ветер колеблется между норд-вестом и зюйд-вестом, заставляя частенько выходить на палубу, чтобы повернуть на другой, более выгодный галс. В этих широтах сейчас достаточно тепло, когда светит солнце, можно работать в одних шортах; на время перестаёт расти груда гниющей одежды в носовом отсеке. Поднявшись в очередной раз на палубу, замечаю впереди дымок и долго стою, высматривая пароход, однако он прячется за горизонтом. Потомившись некоторое время внизу, снова выхожу. Теперь видны его надстройки, но он идёт в южном направлении, слишком далеко от яхты. С сожалением смотрю, как он становится всё меньше, вот уже опять остался лишь дымок. Тут и полдень подошёл, пора брать высоту солнца, затем ленч, а впереди вторая половина дня; как дотянуть до вечера? Мне нечего делать. Книги читаны-перечитаны до того, что, закрыв глаза, я вижу любую страницу на выбор. Наконец желание заняться чем-нибудь становится неодолимым, и я, пренебрегая летящими брызгами, выхожу на палубу, чтобы опустить стеньговый вымпел и валлийский флаг. Оба развеваются на мачте с самого старта, и оба поистрепались, а так как ещё и полпути не пройдено, я скатываю их и прячу, а то нечего будет вывесить перед Нью-Йорком.

Настаёт четверг, 7 июля.

Вообще-то ночью лучше спится, особенно если день солнечный и жаркий, однако по ночам приёмничек радиопеленгатора берёт больше станций и разных программ. Лёжа в спальном мешке и примостив на животе приёмник, я кручу ручки и наполняю треском, щелчками и писком наушники, которые приходится надевать на голову из-за слабой слышимости.

Сперва я поймал Би-Би-Си — чуть слышно, а через полчаса станция и вовсе пропала, но я успел поймать сигнал точного времени и страшно обрадовался. Мои часы по-прежнему шли верно. Замечательно. После проверки времени — последние известия.

> «Говорит Би-Би-Си, Лондон. С большим прискорбием мы извещаем о кончине Эньюрина Бивена».

Даже несмотря на металлический звук наушников, чувствовалось волнение диктора.

— Эньюрин Бивен.

Мне вдруг стало безумно грустно, хотя я никогда его не видел и во многом не соглашался с его политикой. Кажется, он

был незаурядным оратором? И выдающимся парламентарием? Человек, который выдвинулся по заслугам? У меня появился комок в горле. За много-много миль от дому я лежу в своей деревянной коробке. Кто-то пустил в воздух эту стрелу, а я, ничего не подозревая, повернул ручку, и стрела вонзилась в мою душу. Этакое тоненькое древко познания, отравленное острой болью, сорвалось с тетивы, роль которой сыграла кончина земляка-кельта. Мои глаза увлажнились, и слёзы, не стесняясь, побежали вниз по щекам на бороду, к другим солёным каплям.

Расчувствовался не в меру?

— Зачем же так?..

Мне не с кем разделить печальную новость. Она вошла в моё сознание, как и в сознание многих других, но дальше ей некуда деться. Я не мог никому её передать — скажем, соседу за кружкой пива. Или лежащей рядом жене.

Разве не помогает разговор отвести душу?

Эньюрин Бивен.

Умер.

Не дожидаясь конца последних известий, я выключил приёмник, поднялся с койки и сел, съёжившись, перед примусом. Хотя я не видел его (в каюте кромешный мрак), я знал, что на нём стоит не только чайник с водой, но и большая чистая кружка. Затем моя рука протянулась за бутылью в оплётке. Я нуждался в глотке «Будь здоров».

Полночное небо щеголяло полной луной, которую в эту минуту заволокла туча. Люк был задраен, чтобы в каюту не проникали брызги, и царила такая темень, будто я начисто ослеп. Для меня существовало лишь то, что я мог осязать. Дальше простиралась бесконечность с мириадами звёзд и милостивым создателем. Вообще-то я привык к мраку каюты. Скоро месяц я экономлю аккумулятор осветительной сети, читаю только при дневном свете. Но теперь каюта была не просто тёмной, а чёрной. Закроешь глаза, и вроде бы светлее. Странное ощущение. Я чувствовал себя зародышем во чреве. Эмбрионом в яйце. Только вместо желтка меня облекала печаль услышанной новости. Она ощущалась, как груз, который давил не только на плечи, а на всё тело, сжимал со всех сторон, будто сама атмосфера ополчилась против меня. Вот ведь до чего расстроился.

Я сделал хороший глоток, допил гоголь-моголь с ромом, поставил на место кружку и вытер рукой отороченный волосами рот.

— Нечего поддаваться меланхолии.

Я вернулся к койке и приёмнику. Не одни же плохие новости носятся в эфире, должно быть и что-нибудь утешительное, надо

только поискать. Однако волны Би-Би-Си отступили за пределы радиуса действия моего приёмничка. Некоторое время была слышна только проникновенная египетская речь и зауныв-ая арабская музыка. Новый поворот ручки, и я сразу насторожился: гнусавый голос, тягучая речь — это может быть лишь Северная Америка.

— Говорит Уай-эн-и-уай, слушайте новости в начале каждого часа…

Звук то прибывал, то убывал, зато моё возбуждение не убывало. Значит, мы всё-таки продвигаемся вперёд, если уже ловим Штаты.

Первая новость, которую мне удалось разобрать, касалась дирижабля военно-морских сил США, разбившегося вместе с командой во время поисков пропавшего яхтсмена. А сам яхтсмен вскоре объявился, жив-здоров.

— Надо же, какое несчастье, какая утрата!

Кажется, мне сегодня суждено слышать только самые трагические вести. На несколько секунд станция пропала, потом снова появилась:

— Сегодня утром у берегов Ньюфаундленда яхта «Барабанный бой», принадлежащая мистеру Максу Эйткену, лишилась мачт…

Я поспешил выключить этот проклятый аппарат, пока не случилась ещё какая-нибудь беда. Мои нервы не выдержали бы ещё одну серьёзную катастрофу. Да и то пришлось глотнуть хорошую дозу «Будь здоров», чтобы немного успокоить их.

Остаток ночи я почти не спал. Моё тело пассивно лежало в каюте, а сознание беспорядочно скиталось по континентам.

Наконец наступил рассвет. Слава богу, день выдался солнечный, ясный. Погода для субботних вылазок, надо её максимально использовать. Норд-вест трудился с прохладцей, и я поставил большой генуэзский стаксель. Затем последовала утренняя обсервация. Как хорошо было работать под всё более тёплыми лучами солнца. День устремился по большой дуге к зениту, и ночная хандра испарилась.

В эту минуту лопнул грот.

Первая серьёзная авария после гибели аккумулятора.

И я был ей рад.

Хоть есть чем заняться.

Я потратил на починку час, хотя мог бы управиться в двадцать минут. А куда спешить, у меня уйма времени. Трудовой

порыв не прошёл, и я вытащил все канистры с водой, опробовал каждую, потом подсчитал, сколько же всего осталось. Ровно двадцать галлонов. За двадцать восемь дней израсходовано десять галлонов, это значит — меньше трёх пинт пресной воды в день на все нужды; настоящее достижение. Тут подошло время полуденной обсервации, она показала, что пройдено за сутки восемьдесят миль — ещё один повод для торжества.

Атмосферное давление было высокое и устойчивое. Мой барометр показывал тысячу сорок пять миллибар. Правда, прибор не корректировался, так что показания, наверно, отклонялись от истинных, но для меня сейчас устойчивость была важнее точности. Я спрашивал себя, удержится ли ветер. Конечно, он не удержался.

Во второй половине дня он спал, и мы снова заштилели. Но и это не повлияло на моё приподнятое настроение. Чтобы поддержать его, я отыскал банку олифы и час занимался полезным трудом, протирал те части стоячего такелажа, до которых мог дотянуться. Всего лишь первый сезон, а на них уже появились следы ржавчины.

За ужином (штиль продолжался) я пытался сообразить, почему истёкший день казался мне таким удавшимся. После удручающего сообщения по радио я был совершенно убит, но затем маятник качнулся обратно и вознёс меня на небывалую высоту, и даже наше топтание на месте меня не расстроило. Может быть, дело в том, что Азорские острова остались в двухстах милях за кормой и соблазнов становится всё меньше? Вполне возможно. Но ещё большую роль, пожалуй, сыграл тягучий американский голос, это он послужил стимулом, которого мне хватило на весь день.

Ещё одна ночь.

Штиль.

Чёрные воды под белоснежной луной.

Паруса лежат на палубе.

Грудой тусклого серебра.

Сидишь в кокпите, держишь в руках горячую кружку, а в ней какао — будто лужица жидкой грязи, над которой в лунном свете вьётся пар.

И тишина.

И тебя словно обволакивают морская пучина и небо — бархатный мешок.

Тот, кто держит этот мешок, не спешит его завязать. А я сижу на дне и смотрю наверх, на яркий кружок света. Яхта качается. Окружающий нас дёготь чмокает, отрываясь от деревянной

обшивки. Судёнышко ворочается — медленно, лениво, расслабленно, будто отдыхающая женщина в постели, — и корпус его извлекает из моря звуки, напоминающие звон колокольчика.

Не только ветра нет. Нет атмосферы. Никаких перемещений тёплого и холодного воздуха. Термическая пружина не работает.

Ничто нас не разделяет.

Безветренный океан приковал мой взгляд.

Тусклая гладь под луной.

С миллионом поблескивающих зеркал.

Я вздрагиваю. Очарование нарушено.

— Торчу здесь, вместо того чтобы спешить в Нью-Йорк.

Пора спускаться вниз, покрутить радио. И вот уже выразительная музыка Эдварда Элгера уносит меня в другие сферы.

Я снова плачу.

Зачем сдерживать свои чувства? Никто меня не видит, никто не слышит. Никто никогда не узнает. А как ещё отвести душу? Встать и запеть, обращаясь к звёздам? Заговорить с безмолвной яхтой?

— Вставай, ублюдок несчастный, не то свихнёшься.

Упражнения в кокпите. Нагишом под луной. Белый человек. — чёрный человек. Приседание, глубокий вдох. Взмах руками — вверх, вниз. Вверх, вниз…

Вверх.

Вниз.

Стало полегче. Вниз за шортами и свитером. Разжечь примус, согреть чаю. С благодарностью слушать деловитое гудение и смотреть на красивое голубое пламя, словно притягивающее к себе переборки каюты.

X

Стоишь на трапе, пьёшь сладкий чай и смотришь на юг, на незнакомые звёзды. Что-то щекочет затылок и тут же пропадает. Боюсь обернуться. Если это он — сейчас повторится.

Так и есть! Снова ласково щекочет холодок.

— Ветер. Слава богу.

Вниз, отставить чай. Вверх, на палубу рубки, лихорадочно выбирать фалы. Серебристые паруса лезут на мачту. Обратно в кокпит. Осторожно пошли вперёд по упирающемуся морю. Живо вниз, надеть ещё что-нибудь, и снова в кокпит. Начинается многочасовая игра в кошки-мышки с легчайшим ветерком, который флюгер Майка уловить не способен.

Люблю ощущать румпель в своей руке. Он сделан из дуба — крепкий, ладный. Под безоблачным небом медленно идём вперёд, ходу как раз хватает, чтобы яхта слушалась. Уже не так темно, вода размазала лунную дорожку. Взгляд снова и снова приковывается к этой блистающей ленте, уходящей к горизонту. Вдруг настораживаюсь, сонливость как рукой сняло. Вон там, посреди лунной дорожки, какая-то густая тень. Низкий чёрный силуэт на фоне светлого отражения. А теперь пропал, слился с тёмной ещё водой. Я совершенно уверен, что это судно, которое идёт почти одним с нами курсом. За последние десять минут заметно посветлело, и я готов, поклясться, что слева по носу проступает какой-то тёмный силуэт. Ещё десять минут, и на востоке занимается рассвет, но над нами и на западе небо по-прежнему тёмное. Честное слово, это судно, идущее без огней.

Слышен глухой рокот машины. После долгой ночи, полной грёз, он кажется странным и угрожающим. Стою в кокпите и напрягаю зрение, стараясь распознать незнакомца. Надо сходить за биноклем. Пока я доставал бинокль и протирал стёкла объектива и окуляра, за кормой стало заметно светлее, да и впереди уже можно различить детали на поверхности моря.

Глухой рокот смолк, и я вожу биноклем из стороны в сторону, ищу этот загадочный предмет.

— Есть!

Это не корабль: слишком глубоко сидит в воде, и нет ни одного огня.

Это не кит: только что снова зазвучал рокот. Внимательно приглядываюсь в бинокль. Знаю, что это такое!

— Подводная лодка, чёрт бы её побрал.

Вот уж никак не ожидал. Шестнадцать лет не встречался я с ними в море. В войну я научился ненавидеть их и бесконечные

холодные вахты, когда они рыскали поблизости. Часами всматривайся в море, чтобы не проморгать характерные пузырьки, выдающие торпеду. Когда же торпеда появилась — это было у берегов Нормандии, — я злился, как чёрт, потому что не уследил за ней, зато она выследила наш корабль. Из года в год высматривать в волнах путь торпеды — и взлететь вверх тормашками, не увидев этих милых пузырьков.

Низкий длинный силуэт с его характерным придатком наверху возродил во мне былое отвращение. Вспомнились товарищи по плаваниям. Меня перевели на другой корабль, а они в следующем рейсе были атакованы в Индийском океане японской подводной лодкой. Торпедированный корабль пошёл ко дну, и уцелевшие члены команды цеплялись за шлюпки, тогда подводная лодка всплыла и устроила дикую расправу, не спеша расстреляв их из пулемёта. Подлые звери. Я не испытывал ни малейшей симпатии к моему соседу слева.

Кстати, кто это?

Я смотрел с возросшим интересом. Ветер по-прежнему был совсем тихий, мы шли со скоростью не больше одного узла. Видно, лодка остановилась, потому что мы её явно настигаем. Да, лежит неподвижно среди серого моря, корпус чёрный, блестящий там, где плиты обшивки влажные от воды. И видны две головы, торчащие над рубкой.

Скоро сблизимся на расстояние слышимости голоса.

Ещё несколько минут, и можно окликать.

— Эй, на корабле!

Никакого ответа.

Дистанция ещё больше сократилась.

— На корабле!

На этот раз машут в ответ. А я в полной растерянности. Что говорить дальше? Что вообще можно сказать подводной лодке, встреченной вами на рассвете посреди Атлантического океана после месяца, проведённого в одиночестве?

— Доброе утро.

Снова машут в ответ.

Что ещё им сказать? Мы поравнялись, теперь лодка ярдах в пятидесяти на левом траверзе. Надо быстрей что-нибудь придумывать, не то будет поздно, опять уйду за пределы слышимости голоса.

— Отличный денёк сегодня!

Идиот, настоящий идиот, ведь ещё и не рассвело как следует.

Опять приветственный жест.

Видно, от него помощи не дождёшься. Какого дьявола он-то ничего не говорит?

Теперь всё, расстояние слишком велико для переклички. Глядя назад, я видел силуэт лодки на фоне зари — чёрный и грозный силуэт. Вдруг на рубке замигал яркий огонь.

— Чёрт возьми! Он сигналит мне.

Я метнулся вниз за фонариком, соображая на ходу, будет ли видно лампочку, ведь кругом всё светлей и светлей. Когда я выскочил на палубу, лодка продолжала сигналить.

Точка, тире. Точка, тире. Точка, тире.

Сколько бы времени ни прошло с тех пор, как вы последний раз работали морзянкой, такие вещи не забываются. Знак вызова. Отвечаю своим фонариком. Он прекращает вызов и начинает передавать светограмму.

Я до того волнуюсь, что у меня выступает испарина на лбу. Он работает слишком быстро.

— Помедленней, Джек, умоляю, помедленней.

Знай себе жмёт на всю катушку.

Да что это со мной? Ведь я умею читать азбуку Морзе. Во всяком случае, умел. Он всё ещё на первом слове, повторяет его снова и снова, теперь не так быстро. А я всё равно не могу прочесть. Уже глаза слезятся от напряжения.

Сигналю:

«П-р-о-ш-у м-е-д-л-е-н-н-е-е».

Начинает сначала, фонарь мигает в каком-то непривычном ритме, я ничего не разбираю. Прямо хоть вой от досады. Сигналю фонариком, чтобы приступал к следующему слову, да что толку, не могу прочесть, и всё тут.

Я обливаюсь потом, глаза плохо видят.

Поди скажи, отчего они слезятся — то ли от напряжения, то ли от обиды, то ли просто от злости.

Делаю последнюю попытку. Впустую.

— Да, Хауэлз, здорово ты опозорился. Ну и болван, ну и остолоп!

Через некоторое время лодка перестаёт сигналить, Я продолжаю стоять в кокпите. Мы всё больше удаляемся от неё. Я совершенно убит. Хоть бы океан разверзся и поглотил меня. Но яхта не проваливается, зато лодка медленно уходит под воду. Так сказать, поставили крест на мне. И я их не могу упрекнуть.

Мне стыдно так, что дальше некуда. Хорош. Обыкновенной морзянки не мог разобрать. Расстрелять меня мало. Спускаюсь, швыряю фонарик на койку и со злорадством слышу, как он стукается о переборку; должно быть, стекло лопнуло.

Отлично.

Сижу на краешке койки. Время завтрака. Кто хочет завтракать, чёрт возьми? Только не я, у меня во рту всё пересохло. Достаю джин, наливаю хорошую дозу, добавляю лимонного сока и немного воды. Пить в такую рань! В жизни никогда этого не делал. Даже после самой буйной гулянки я наутро капли в рот не брал, чтобы опохмелиться. Делаю большой глоток. Горько, но на душе ещё горше.

Второй глоток.

Идиот несчастный! Представляю себе, что он обо мне подумал: элементарной морзянки не читает.

Последний утешительный глоток джина.

Кружка с грохотом опускается на примус, ручка отламывается и висит на пальце, словно огромное кольцо. Джин обжигает пустой желудок, заставляет кровь обращаться быстрее. Шея покраснела, в ушах звенит, голова становится лёгкой, начинает кружиться. Живо в спальный мешок, забраться поглубже и натянуть на голову клапан. Задохнёмся — наплевать. Зато согреемся. Несколько минут, и я плыву на волнах лёгкого опьянения. Ещё несколько минут и… Я сплю.

Тот же день.

Всё ещё утро пятницы.

Голова будто свинцовая. Еле заставил себя встать, чтобы вовремя взять высоту солнца. А когда это сделано, на подсчёты уходит в три раза больше времени, чем обычно.

Снова на койку, и к полудню становится полегче. Пока я отсыпался после попойки, Майк честно работал. После полуденной обсервации, которая даёт координаты 37° 56 северной широты и 34° 38 западной долготы, лаг 1670 миль, ветер, дувший с северо-запада, опять стал тихим и переменным, и я сменил Майка на румпеле — пусть отдохнёт.

Я осмотрел горизонт. Слава богу, никаких признаков подводной лодки.

Ветер долго не знал, откуда дуть, наконец остановился на румбе зюйд-вест, и я переменил галс. Двадцать минут спустя ветер перескочил на норд-вест, пришлось мне выскакивать на палубу, опять делать поворот. А то, чего доброго, обратно пойдём. Через полчаса он опять смещается на юг.

— Когда же ты, наконец, решишься, чёрт бы тебя побрал?

Он решился к семи часам вечера, выбрал румб зюйд-вест-тен-зюйд — прелестно, можно идти курсом вест.

Опять чудесная ночь. Ясное небо, полная луна. Никаких подводных лодок, никакого радио, почему-то все программы на английском языке прорываются сквозь ионосферу, приёмник ловит только причитания, доносящиеся из-за Суэца.

Я вполне могу обойтись без этой музыки. Всё, чем меня порадовала та часть света, — противное грибковое заболевание ног, площицы, да грибок в ушах от слишком частого купания в Суэцком канале.

Луна почти полная, ветер ровный и умеренный, зыбь длинная и низкая.

Кому нужна консервированная музыка? Море и яхта вдвоём творят свою собственную мелодию. Сочные виолончельные аккорды зыби создают эмоциональную глубину, на её фоне нос яхты плавно выводит приятную теноровую партию. Глядя на них, и такелаж, у которого благодаря тёплому ночному ветерку прорезался голос, гудит густым контральто. Теперь недостаёт лишь валлийской гармонии. И я начинаю петь.

Словно осёл писает на жесть.

Безмолвие ночи приводит меня в замешательство.

Я краснею.

И плотно закрываю рот.

Последнюю неделю я не могу похвастаться хорошим сном. Лежу с открытыми глазами, час за часом, дел никаких нет, и я думаю. Думаю. Вдруг оказывается, что мысли забрели невесть куда, и не скоро их призовёшь к порядку. Я заметил, что мне лучше спится после хорошей горячей трапезы, но ведь горячее бывает только через день, а то и раз в три дня, потому что обезвоженных концентратов совсем мало осталось. Весьма примечательно: как набьёшь желудок, можно проспать в мешке и шесть часов подряд. В начале плавания, когда я в первый раз задал храпака, потом целый день не мог себе этого простить.

А что, если бы на меня наскочило судно?

Упражнение «вверх-вниз» должно аккуратно выполняться каждые двадцать минут, какой же это моряк, если он прочно прирастает к койке.

Теперь не один день прошёл после того, как я последний раз видел судно. Сколько именно — одиннадцать, двенадцать? Неважно, главное, что это было давно и много-много миль назад. Сколько шансов у меня встретить судно сегодня? За ночь? За следующие шесть часов?

И даже если судно покажется, велика ли вероятность, что оно пройдёт достаточно близко?

— Вот именно.

А потому давайте наедимся хорошенько да всхрапнём.

— По чести говоря, общественное питание на этом судне поставлено неплохо.

— Спасибо на добром слове.

— Пустяки. Вы положили нарезанную картошку в полпинты кипящей воды два часа назад?

— Конечно, положил.

— Надеюсь, не забыли взять на треть морской воды?

— Что я, уж совсем глупый?

— И что же мы будем есть на обед?

— Мясо, морковь, бобы и картошку, конечно. Звучит здорово.

— Можете не сомневаться, не только звучит, но и будет здорово. Если палубные матросы не умеют читать морзянку, это ещё не значит, что кок — лодырь.

— Помочь чем-нибудь?

— Что ж, помогайте. Одному и в самом деле со всем не управиться. Если нетрудно, откройте вот этот пакет с мясом.

— И что с ним надо делать?

— Засунуть в… Нет, не стоит. Положите мясо в кастрюлю с холодной водой, поставьте на примус, и пусть закипит.

— Почему в холодную воду?

— Не спрашивайте меня, напишите в министерство сельского хозяйства и рыбного промысла.

— Ещё что я могу сделать?

— Положить бобы и морковь вон в ту кастрюлю с кипящей водой.

— Ещё что?

— Теперь снимите кастрюлю с примуса, и пусть постоит так пять минут.

— Господи, до чего всё это сложно!

— Это ещё только полдела. Мясо кипит? Закипает. Сколько, вы сказали, ему кипеть?

— Десять минут на слабом огне. Не убавляйте огонь, просто отодвиньте кастрюлю на край.

— Ещё не пора ставить бобы и морковь?

— Самое время. Примостите их на примусе спереди, они быстро дойдут.

— Видите, как хорошо, что я вам помогаю.

— Помолчите, ради бога, вы меня отвлекаете. Ещё не готово?

— Нет. Долго ещё?

— Теперь недолго. Две минуты?

— Вы хотите, чтобы я приготовил вкусный обед, а сами всё время мне мешаете, чёрт дери!

— Извините.

— Откройте лучше пакет нарезанных яблок. Всё остальное почти сварилось. Как только освободится какая-нибудь кастрюля, положите в неё унцию яблок и залейте водой.

— Я смотрю, у вас на всё это уйдёт довольно много пресной

воды.

— Да, а теперь помолчите, чёрт бы вас побрал, пока я накрываю на стол. Передайте мне шумовку.

— А морковь неплохо выглядит. И у бобов цвет приятный.

— Очень рад, что вам нравится. Вот моя тарелка.

— Дождитесь своей очереди, ненасытная тварь. Господи, вы хотите сами всё это съесть?

— Вот именно, хочу. И яблоки тоже. Потом ещё бренди выпью.

— А как же я? Мне ничего не останется?

— Вам? А кто вы такой, чёрт возьми? Здесь на борту, приятель, нас только один. А именно, Я.

Один.

Один-одинёшенек. Ты в этом уверен?

Ветер держится западного направления. Четыре западного направления. Четыре румба вверх до норд-веста. Четыре румба вниз до зюйд-веста. Но всё время в одной четверти.

Можно с ума сойти.

День за днём, день за днём идти крутой бейдевинд.

А тут ещё эти ночи.

Час за часом лежишь, не двигаясь, будто мумия, в спальном мешке, притиснутый к борту. Я не могу убедить себя, что есть смысл подниматься на палубу, проверять, не покажется ли какой-нибудь корабль. Сегодня тринадцать дней, как я последний раз встречался с судном.

Других судов нет. Только моё. А на нём — я.

В этой части океана редкое движение. Триста миль прямо на запад от Азорских островов, до главных океанских путей далеко, но естественно предположить, что хотя бы часть сообщения восток — запад должна проходить здесь, скажем, из Гибралтара в Нью-Йорк или из Новой Шотландии в Средиземноморье, верно ведь?

Да ещё должно быть движение судов между Соединённым Королевством и Южной Америкой. Тысячи судов курсируют через Атлантический океан. Миллионы тонн грузов, туда обратно, из порта в порт — работа командам, деньги владельцам, заказы судостроителям. Добавьте к этому эксплуатацию, уход. Капитальный ремонт в сухом доке — скрести, красить, наводить лоск для пассажиров. В эту самую минуту океан пересекает тьма людей, но здесь — никого. Один я ползу на запад в своей пятитонной коробочке, намереваясь присоединиться к «Летучему голландцу» — и буду ходить в этой части океана, пока земной шар не прекратит своё вращение и не метнёт океаны к небосводу,

и останется наш несчастный древний мир с морщинистым лицом, как у обезьяны, начинай всё сначала. Только без меня. Я буду плыть всё дальше и дальше, до самой луны. Но там ни гавани, ни хотя бы сносной якорной стоянки. И пойду я ещё дальше, и закружит меня планетная орбита. Буду идти так тысячелетия, пока не заштилю в виду Берегов Вечности.

— Верно, как дважды два — пять.

Я сажусь, зажатый в тисках собственных мыслей. Как там поживает моя жена в Сондерсфуте? Радуется? Горюет? Думает, что я утонул?

— Она слишком разумный человек.

Занята детьми?

— Как там ребята?

Как Кристофер, этот очаровательный карапуз?

У Эйры были тяжёлые роды — нервное напряжение, сказал доктор. Конечно, я виноват. Всё я натворил, хорошо ещё, ребёнок не родился синюшный, ведь резус-фактор не в порядке. Не надо было мне выходить в это дурацкое плавание.

Что я здесь делаю?

— Брось ты метаться, ведь не один же ты пошёл.

Чувство вины перед оставленной женой — лишь часть того, что меня тревожит. Вопрос, что я здесь делаю, можно толковать по-разному. Например: что я делаю именно в этой точке? В трёхстах милях прямо на запад, от Азорских островов, на маршруте, которым ходят из Плимута в Нью-Йорк небольшие пароходы. Ведь я же участвую в гонках через Атлантический океан. Блонди, Фрэнсис и Дэвид идут много севернее, и все считают, что можно совершить переход за тридцать дней. Дьявольщина, я уже тридцать дней в море, а покрыл только половину дистанции. Ещё тридцать дней? Мало того, что я приду последним, на меня в пору будет надевать смирительную рубашку, когда я пришвартуюсь. Если пришвартуюсь.

— Ты непременно пришвартуешься!

Откуда такая уверенность?

Тебе ещё предстоит чертовски длинный путь, почти две тысячи миль. Мало ли что может случиться на этой дистанции. Консервы уже на исходе. Ведь мы снаряжали судно всего на сорок пять дней, да в последнюю минуту подбросили ещё кое-какую мелочишку. Слава богу, воды вдоволь. Без еды можно протянуть долго, без воды — от силы пять дней. А тут ещё этот ветер, чтоб ему провалиться. С самого начала держится западных румбов. Сплошные весты. Они истреплют мои нервы в клочья. По мне, лучше ревущий шторм с любого другого румба, чем эти бесконечные четыре-шесть баллов западного направления. До сих

пор мы не видели настоящего шторма; очевидно, в этом заключается одно из преимуществ маршрута небольших пароходов — встречные, зато умеренные ветры, много солнца.

— Но ведь ты-то не малый пароход. Мы бодаем волну до одурения, а остальные ребята, наверно, преуспевают.

Конечно, на их долю тоже приходится встречный ветер, но там, на севере, условия всё же куда разнообразнее. Вспомните, сколько раз мы штилевали. У нас здесь бывают ветры только двух родов — либо «ирландский ураган» (полное безветрие), либо всё те же проклятые весты. Сколько осталось до Нью-Йорка?

— Около двух тысяч миль.

Силы небесные. Ещё месяц в море.

— А почему бы тебе не зайти на Бермуды?

Как, как?

— Зайти на Бермудские острова. Ты почти на их широте, и тебе всё равно обходить Гольфстрим.

А это не будет смахивать на капитуляцию?

— Ни капли. Всё равно проходить мимо, и ты заслужил право заглянуть туда.

Неплохая мысль, хотя вообще-то нам следовало бы идти прямо на Нью-Йорк.

— Ладно, не будем сейчас ничего решать. Посмотрим, что ветер скажет.

Пожалуй, ты прав, Ты, речистый, Слабовольный Ублюдок.

На следующий день было воскресенье, 10 июля. Умеренное волнение, умеренная до сильной зыбь. Облачно, мелкий дождь, но видимость хорошая. Я всю ночь провёл в горизонтальном положении, поэтому пришлось раз семьдесят качнуть помпой, чтобы осушить трюм, а это изрядное количество воды для малого судна. По-прежнему идём круто бейдевинд, и ветер западного направления, но настроение не такое подавленное, как было. Утренняя обсервация в трудных условиях вовремя отвлекла меня от глубоких мыслей. Почти час потратил я на неё. Облака густые, и просветов мало, солнце выглядывает всего на секунду-другую, а мы, как назло, в это время оказываемся в ложбине, или какой-нибудь гребень заслоняет горизонт, или же я, замешкавшись, не поспеваю подкрутить нижний лимб. Но я был только рад, всё-таки какое-то занятие. И, несмотря на облачность, было довольно тепло. Тридцать восьмой градус — широта солнечной Севильи. Море тоже стало теплее, так что я благополучно переносил брызги, подстерегая в люке неуловимое солнце и прикрывая от них секстант.

Пополудни, тщательно переваривая на койке скудный ленч, я

внезапно услышал необычный звук, словно кто-то шлёпнул ладонью по воде. Он не вызвал у меня никакой тревоги; наверно, это просто волна поддала на палубу. Да нет, сомнительно… Я продолжал лежать на койке, только напряг слух. Вот опять. Что-то уж очень непонятное. Громко шлёпнуло по воде, но не в трюме и не у борта, а в самом море.

Марш на палубу проверить.

А здесь ничего такого не видно. Разве что ветер чуть ослаб. По-прежнему умеренное волнение и зыбь. Небо подрасчистилось, стало больше солнца. Море, как всегда, великолепное, ярко-синего цвета, и непременные гребни обмениваются самодовольными белозубыми улыбками. Наверно, мне почудилось. Не забыть записать об этом в медицинском журнале.

Ещё раз внимательно осматриваю горизонт — и обратно в каюту.

Проходит минута.

И опять.

Что-то шлёпает по поверхности океана, я же точно слышу — шлёпнуло где-то впереди.

Вылезаю по трапу на палубу рубки. Просто удивительно, насколько дальше видно, стоит высоте глаза над уровнем моря увеличиться хотя бы на шесть футов. Ну конечно, там, впереди, в самом деле что-то есть, слух меня не обманул (какая потеря для медицинского журнала). Справа по носу, примерно в полумиле, видно несколько больших силуэтов. Узнать их совсем не трудно.

— Кит! Кит!

Да, это киты.

Здоровенные, с точки зрения валлийца. Их там с десяток, если не больше. Они, похоже, никуда не торопятся, знай ходят взад-вперёд, и по меньшей мере один или два, лёжа у поверхности, пускают фонтаны вроде тех, что на ярмарках поддерживают в воздухе целлулоидные мячики — мишень для юных стрелков. Всё стадо мало-помалу перемещается на север, заходя в нос яхте. Пожалуй, стоит привестись на румб к ветру, пусть у них будет побольше пространства для маневра.

Вот они, на правом траверзе. Наблюдаю внимательно и не без лёгкой тревоги. Помнится, акула показалась мне большой. Что тогда сказать об этих? Они ОГРОМНЫЕ. Одни лежат, не двигаясь, возможно, спят, и волны омывают их могучие туши. Другие ходят вокруг, но и в их повадках нет ничего хищного. Непохоже, чтобы мне что-нибудь грозило; слава богу, они миролюбивы. Стоит одному из них подплыть к нам и разинуть свою пасть, тут и конец Хауэлзу с его яхтой. Поодаль от остальных два кита лежат голова к голове, будто шепчут что-то друг другу на ухо. Один из них

поднимает исполинский хвост, плавники которого величиной с мой фолькбот, и легонько — для него легонько — шлёпает по воде (вот что вызвало меня на палубу). Снова замахивается и бьёт, теперь уже посильнее, — так что с обеих сторон взлетают вверх фонтаны брызг. Опять поднял хвост. Подержал на весу. И обрушил его на бегущую волну с таким звуком, словно щёлкнул бич. Ещё. И ещё. В воздухе висят каскады воды. А вот и подруга поднимает хвост. Замахнулась — удар. Хлоп, шлёп, полюби меня, Боб. Должно быть, заигрывают. Два здоровенных дитяти брызгают водой друг в друга. Они довольно близко, можно камень добросить, но не замечают меня. О других этого не скажешь. Особенно вот об этом, который отделился от стада и медленно ходит взад-вперёд на траверзе. Вряд ли я ошибусь, предположив, что его послали разведать и доложить. Что прикажете делать, когда любопытное млекопитающее тонн на сто задумало проверить, друг вы или враг.

— Добрый вечер! — кричу я громко и внятно. Лучше не мямлить, чтобы не давать ему повод подойти поближе, вы согласны?

— Хороший денёк, верно?

Это истинная правда. Тем не менее я начинаю нервничать. Уж очень близко он подошёл и продолжает не спеша приближаться. Отклоняюсь к югу на румб, ещё на один, ещё, и потравливаю шкот, чтобы яхта забрала ход. Теперь мы идём почти фордевинд. Слава богу, кажется, отстаёт. Тут кит развернулся ко мне кормой, и открылся, так сказать, вид сзади на громадину, которая сперва сужалась, потом снова расширялась, переходя в гигантский хвост.

Я облегчённо вздыхаю, разойдясь с китом.

А двое влюбленных всё играют в ладушки с морем, высоко разбрасывая брызги. Может быть, это молодожёны, и то, что я вижу, это их первый небольшой разлад? Не дай бог попасться им под руку, если дойдёт до настоящей потасовки: другое дело — подсмотреть, когда они будут мириться и миловаться.

Ветер переметнулся на зюйд-вест, и мы сделали поворот оверштаг.

И вот уже снова светлая лунная ночь, с умеренным ветром и лёгким волнением. Курс вест-тен-норд, всё тихо, мирно, никаких китов, только прежние знакомые звуки. Всё так же идём навстречу волне, всё тот же крутой бейдевинд. Теперь покрутим радио. Никакой стабильности приёма. То арабы единолично царят в эфире, то их оттесняют неверные из западного мира. Даже две канадские станции пробиваются ко мне. Слава богу, не последние известия, а просто лёгкая музыка, вполне приемлемо.

К тому же не успел я проникнуться ею, как опять возвратились завывающие арабы. Можно совсем выключать.

Берусь за помпу, пятьдесят раз приходится качнуть, чтобы осушить трюм, а много ли времени прошло, как я откачивал? Слегка усилилась течь? Это не исключено. Есть лишь один способ убедиться — записывать, когда и сколько я работаю помпой. Да только зачем это нужно? Даже если я буду с точностью до грамма знать, сколько воды прибывает, от этого течь не перестанет, а на душе прибавится ещё одна забота. Не стоит фетишизировать эту течь, будем просто откачивать воду, держать трюм сухим, вот и всё.

— А всё же она не идёт совсем из ума? Конечно, как и куча других забот.

— Например?

— Как бы это сказать. Когда лежишь вот так в темноте, тут-то на тебя и находит. Днём совсем другое дело. А ночи слишком долго тянутся.

— И что же ещё вас заботит? Интересно, где сейчас остальные.

— Вы только об этом и думаете. Перестаньте себя терзать, у них, наверно, тоже немало проблем.

— Вот именно. Кто-нибудь из них может врезаться в айсберг.

— Мне почудилось, или в вашем голосе прозвучал оттенок надежды? Вы меня огорчаете, разве годится так думать?

— Что вы, не дай бог. Я от души надеюсь, чтобы никто не попал в беду. Если это случится, гонок не будет ещё лет двадцать.

— Вы так думаете?

— Уверен. Несчастный случай на этой стадии всё погубит.

— А если так, вынь-ка пальчик из носика, парень, поднимись на палубу и проверь, не грозит ли нам столкновение. Давай, давай, твоя очередь!

Выйдя на палубу, с облегчением вижу, что мрак отступает, на поверхности моря играют блики зари. Незримая рука стаскивает с океана пятнистую ночную шкуру. А теперь руки взяли кисть, сперва грунтуют полотно белилами, потом легонько, не спеша наносят тонкий бледно-розовый слой, а этот мазок уже поэнергичнее, поживее, сочная красная полоса, быстро — синего на море, и вдруг — нежное голубое отражение неба. Колорит становится всё насыщеннее, с артистической непринуждённостью разбрызгиваются сияющие краски, они летят во все стороны и смешиваются со скоростью света, и наконец — последний, завершающий взмах пламенной кисти.

Солнце взошло.

Время завтракать и заниматься прочими повседневными делами.

Ровно две недели, как состоялся последний разговор с встречным судном. Две недели, и с каждым днём у меня всё беспокойнее на душе, я всё больше торчу в кокпите, смотрю — не покажется ли корабль. В кои-то веки заметишь дымок, однако корпус скрыт за горизонтом, и так редко материализуется, что я, хоть и слежу внимательно, ни на что не надеюсь. Раза два за последние четырнадцать дней видел судно, но милях в семи. Идёт, дразнит, почти параллельным курсом, возможно, в тот же порт, что и мы. И нет смысла даже пытаться привлечь внимание вахтенных — безнадёжное дело, у них на уме своё, коммерция. Какой старпом будет посреди Атлантического океана стоять на крыле мостика, высматривая парус малого судна? Да, никакой. Ночью и в туман радар прощупывает горизонт, и всё чаще на него возлагают ответственность. Есть ли у малого деревянного судна при среднем волнении на море шансы быть обнаруженным прибором с дальнобойностью в двенадцать миль? Никаких. Есть ли шансы, что я увижу спешащее по своим делам судно сегодня? В ближайшие двенадцать часов? Спроси я себя об этом ночью, ответ последовал бы мгновенно: никаких.

За упоительным восходом следует ясное утро, чашка чаю, чистый трюм, удачная обсервация. И как ни мало шансов у меня встретиться с судном, они всё-таки есть.

Первую половину дня провожу в кокпите, жду и надеюсь, но без особого энтузиазма. Понимаю, что для моих нервов гораздо лучше было бы, если бы я мог спокойно полежать в каюте. Ветер умеренный, брызг мало, и они даже до трапа не долетают, так что ют сухой и можно сидеть в одних шортах и чёрных очках. Мы ведь сползаем к югу, солнце ярче с каждым днём, и море кругом переливается ослепительными бликами. Солнечная погода рождает новые проблемы. Даже при открытых люках в тесной каюте быстро становится жарко и душно, хотя почти всё пропитано влагой или покрыто солью. А может быть, именно поэтому? Когда солнце поднимается совсем высоко, каюта будто сжимается, становясь ещё теснее, и я вынужден выходить на палубу. Тоска по свежему воздуху и необходимость вести пристальное наблюдение на случай, если покажется какой-нибудь пароход, привлекают меня в кокпит, где я обычно сижу с подветренной стороны, длинные ноги вытянуты вдоль банки, пятки упираются в комингс. Смотри, как бы не обгореть на солнце. Не очень-то это хорошо покрыться волдырями, когда много дней ходишь немытый. Стоит мне подумать об этом, и я вспоминаю, как однажды в тропиках у меня по всему телу пошли

болячки от морской воды. Не дай бог одиночке такую напасть. Но пока что кожа вроде бы в порядке. И вообще тело гораздо ближе к норме, чем душа. Днём можно сидеть на воздухе, грезить и размышлять, сохраняя видимость спокойствия. Море вечно пленительно, и я любуюсь невыцветающей синью, но сейчас на ней плавают какие-то бурые пятна. Трудно их распознать, проходя мимо. Разрезанная форштевнем волна даёт столько брызг и пузырьков, чёрт бы их взял, что, как ни старайся, всё равно не разглядишь.

Пятно за пятном остаётся за кормой. На синем фоне океана с переливами волн эта чертовщина кажется тёмно-коричневой и довольно непривлекательной. Будто круги навоза на тщательно подстриженном газоне: не слишком портит картину, но и не украшает. И вот я орудую багром, наводя страх на рыбёшек, которые столько дней сопровождают яхту, что я уже не представляю себе моря без них. Колю тёмно-коричневый ком (он величиной с футбольный мяч), и рыбёшки, словно подхваченные вихрем листья, бросаются врассыпную, ухитряясь, однако, держать строй. Но зацепить багром загадочный ком оказывается куда труднее, чем я ожидал. Отчасти это объясняется поступательным ходом яхты, причём дело даже не в скорости, с какой мы минуем мишень. Вот прямо впереди плывут комья; кажется, они пройдут рядом с бортом, но волна их относит — попробуй дотянись. Просто зло берёт. То и дело замечаю по курсу подходящее коричневое пятно. Стою наготове, чтобы, как поравняемся, нанести удар. После каждого промаха цель становится ещё желаннее. А яхта, рассекая воду, снова и снова либо отталкивает интригующий ком за пределы досягаемости, либо притапливает его. Нет, похоже, на корме у меня ничего не выйдет. И я перехожу на нос, но сперва снимаю шорты и бросаю их в каюту. Сидеть во влажных шортах — сомнительное удовольствие, к тому же вдалеке от критических глаз я легко преображаюсь в дитя природы. Итак, прохожу вперёд и ложусь на баке, ноги раздвинуты из-за рубки, голова и плечи свешиваются с форштевня, одной рукой держусь сам, в другой держу багор острием вперёд, будто собрался охотиться на кабана.

Если бы кто-нибудь посмотрел на меня сейчас, скажем, с сопровождающего судна, он мог бы принять меня за этакое косматое носовое украшение, например за Нептуна с трезубцем. Ух, как здорово! Будто я лечу над поверхностью океана, которая с неожиданной скоростью убегает назад. Тёмные комья пошли чаще, и я принимаюсь за дело, колю багром, словно охотник копьём. Но вода так сильно толкает багор назад, что я еле его удерживаю. Наконец после нескольких попыток я

приноравливаюсь и делаю поправку на это встречное движение. Мне кажется, что я бью очень метко, однако преломление света в воде подводит мой глаз. Какую поправку делать на преломление? Объявляю перерыв, чтобы поразмыслить. К тому же рука устала.

Кладу багор на палубу вдоль правой ноги и отползаю назад, чтобы только голова выдавалась над форштевнем фолькбота. Честное слово, тут здорово лежать. Подчёркнуто ощущается движение корпуса, мы то взлетаем, то падаем, будто идём по зубьям некоей морской пилы — и по каким зубьям! Вверх и вниз по волнам, выписывая непрерывную синусоиду над океаном. Прежде, лежа на койке, я почти не воспринимал качку, хотя она порой бывала куда сильнее, теперь же, когда я вытянулся на баке, качка буквально пропитывает моё тело. Вперёд, всё время вперёд через радушно принимающее нас синее море, верхом на скачущих белых конях. Я чувствую себя частицей всего, что меня окружает. Может быть, это и потому, что я лежу нагишом? Пожалуй. Солнце припекает спину, но время от времени яхта особенно порывисто ныряет в очередную волну, и поднимается туча мелкой блестящей пыли. Голова и плечи остаются сухими, потому что пыль летит с наветренной скулы, но часть капель, обычно падающих на бак, удостаивают мою поясницу леденящей лаской. Другие опускаются на мою торчащую корму, и наиболее крупные стучат по коже, будто мягкие пальцы; очень приятное ощущение. Солнце сушит и согревает моё тело, а яхта продолжает швырять в меня пригоршни холодящего синего моря. Что-то плечи жжёт, я поворачиваюсь на спину и отползаю ещё немного назад, чтобы голова лежала на палубе. Солнце светит прямо в глаза, приходится защищать их рукой, поднятой не во гневе, а совсем наоборот. Здорово греет живот. Опять яхта нырнула, и опять вверх взлетают брызги. Теперь я их вижу и получаю несравненно большее удовольствие. От лёгкого шлепка капли летят через планширь, встречаются с солнечными лучами, и вспыхивает переливающаяся всеми цветами маленькая радуга. Часть этих драгоценных камней проносится надо мной и палубой дальше, а часть падает мне на живот и бедра. Непостижимо, как такая яркая красота может быть такой холодной. На душе полный покой, впервые за много дней. А может быть, недель? Кто знает. Моё настроение скачет так часто, что я потерял счёт фазам и отклонениям. Чувствую себя здоровым и собранным. Через двадцать минут океанской ласки мне становится зябко, я с неохотой встаю и, захватив багор, отправляюсь на ют. Всегда-то природа скрупулёзно отмеряет свои дары. Немного даст, немного отнимет. Вверх и вниз, подобно движению носа яхты. И ведь я всё ещё не добыл ни одного образца этой загадочной морской

растительности, мимо которой мы по-прежнему проплываем. Решаю предпринять более настойчивую атаку, теперь уже базируясь на средней части судна. Становлюсь на планширь, одна нога с наружной стороны лееров, другая — внутри, одной рукой крепко держусь за ванты. Наклоняюсь над водой, настроился во что бы то ни стало выловить хоть один таинственный ком. Наклоняюсь над водой? Знаю, знаю, что следовало бы подстраховаться, но я настолько сросся с яхтой, что не вижу надобности спускаться в каюту и нацеплять на себя страховочную сбрую. И вообще, что это будет за зрелище — стоит человек в чём мать родила, а на груди какие-то лямки. И нейлоновый конец нелепо болтается ниже живота. Достаточно покрепче взяться за такелаж, согласно правилу — одной рукой держись, другой работай.

Как я ни стараюсь, мне не удаётся выловить эту дрянь, зато удаётся, наконец, её распознать.

Это водоросль. Только и всего.

После приятно, хотя и не очень плодотворно, проведённого утра настала пора заняться навигационными наблюдениями. Взявшись за лаг, чтобы установить, сколько пройдено от обсервации до обсервации, я обнаружил, что он перестал вращаться. Конец на месте, чертит борозду за кормой, а вертушка не работает. Я отключил провод и начал выбирать конец. Что-то он тяжелее обычного. А вот и вертушка, всплыла от быстрого движения вперёд, и видно, что она чем-то обмотана. Я продолжал тянуть и, когда осталось несколько ярдов, разглядел, отчего заело вертушку.

На неё намотались водоросли.

Извлекая их на палубу, я позволил себе слегка улыбнуться. Целое утро потрачено на охоту за этой штукой, я далее с риском для жизни висел над водой, и всё это время пучок водорослей тащился на буксире за яхтой.

Очистив вертушку, я вернул её в море, и, пренебрегая навигацией, хорошенько рассмотрел свою странную добычу, которая лежала на палубе в кокпите.

Да, это водоросль, правда, я себе представлял её другой. Не такая тёмно-коричневая, какой она выглядела в воде, скорее с оттенком лимонной зелени. И не отличишь, где стебель, где листья; похоже, что главное тело служит и тем и другим. Местами торчали наросты, вроде виноградин, однако поменьше. Попробовав разорвать водоросль, я убедился, какая она жилистая и крепкая. Потому и держалась так цепко за вертушку.

Я подвесил её сушиться на такелаж, чувствуя примерно то же, что чувствует человек, засушивая цветок между листами книги.

А теперь — вниз, решать навигационные задачки. Ещё один шажок на запад, тридцать первый с начала плавания, четырнадцатый с тех пор, как отправлена домой последняя весточка. Утренние развлечения вытеснили из моей головы эту мысль. Может быть, я потому и настроился так благодушно, что на короткое время был избавлен от чувства вины? Так или иначе, теперь я опять ступил на проторенную дорожку. Высунуть голову из люка, осмотреться как следует!

Ничего в поле зрения, но я чувствую, что судно где-то есть. Или я просто неверно толкую эту не привольную уверенность в себе, которая меня так редко посещает, что я сейчас кажусь себе буквально другим человеком? Всё кажется мне превосходным сегодня. Всё, кроме ветра. Но так как он уже месяц, с редкими перерывами, держится одной четверти, я воспринимаю его как принадлежность окружающей меня среды. До вечера далеко, солнце палит, можно ещё позагорать. Не забываю при этом зорко наблюдать за горизонтом. Внезапно — я же знал! — прямо за кормой вдали показывается чуть заметный дымок.

И тут же пропадает. Вот откуда у меня предчувствие, что мы сегодня встретим корабль! Может быть, я уже уголком глаза видел дымок? Возможно. Какое ещё может быть объяснение? Да, а как насчёт случая в самом начале плавания? Когда я встал как раз вовремя, чтобы избежать столкновения с буксиром? Пожалуй, долгое одиночество обостряет моё подсознание, и оно лучше использует обычные органы чувств. Только ли удача повинна в том, что я тогда проснулся так кстати? Может быть, я услышал буксир? Например, рокот его машины. Или плеск воды, когда он стряхивал с носа поддавшую волну. Кто знает. Одно несомненно: всё утро я ждал судна, и вот оно, прямо за кормой, правда его самого ещё не видно.

Я могу подождать.

А пока достанем флажный сигнал. Добрый старый М-И-К, всегда готовый мне послужить. И наденем чистые синие джинсы, не являться же им оборванцем. Снова посмотреть назад, хорошенько посмотреть. Ага, слева за кормой опять виднеется дым, но корпус скрыт за горизонтом. Значит, до него больше двенадцати миль. Так, прикинем: обгоняющее судно, скорость, скажем, узлов четырнадцать, мы делаем четыре, выходит, его истинная скорость — десять узлов. Каждые шесть минут — миля; если считать, что он в тринадцати милях, предполагаемое время его выхода на траверз — через час восемнадцать минут.

— Откуда такая уверенность?

— Ладно, помалкивай, твоё дело стряпать, я штурман на этой старой калоше. Ступай вниз, приготовь чаю, у нас уйма времени.

Проходит двадцать минут.

Мы проводим их за кружкой чаю и приятной беседой.

— На сколько спорим?

— Отстань, ты же знаешь, я не спорю на деньги.

Снова выглядываю из люка. Корпуса по-прежнему не видно, но стеньги и верхняя часть дымохода уже показались. Судя по углу между мачтами, он пройдёт в миле-двух южнее меня. Лучше сейчас изменить курс, чтобы разговор состоялся наверное.

Ещё через двадцать минут можно различить корпус целиком, тем более с палубы рубки. После того как мы изменили курс, он у нас на левом траверзе. Миль семь ещё осталось, но я отчётливо вижу, что это танкер. Выходит, скорость верно угадали; теперь идём на сближение. Всё как рассчитывали.

— Не очень-то задавайся.

Следующие двадцать минут трачу на поиски расчёски и зеркала. Когда я последний раз ими пользовался?

— Когда мылся — помнишь?

— Помню, помню, а как давно это было?

— Слишком давно, приятель.

Наконец нахожу расчёску, однако зеркало запропастилось. Посмотрите на человека, который хвастается, что сросся с яхтой, знает все её повадки, каждое движение — и не может найти паршивое зеркало.

— Таких, как ты, сколько угодно, приятель. Думаешь, что всё постиг, а на самом деле ещё мно-о-го чего не знаешь. Верно?

Верно.

Наконец, слегка раздосадованный — ведь не хочется, чтобы меня видели таким косматым, — я достал секстант и воспользовался его зеркалом. Маловато, зато качество отменное. Увидев своё отражение, я был потрясён.

Господи, неужели это я?

— Видишь теперь, приятель, что мне приходится выносить? Всё время жить в обществе такого чучела!

В самом деле, ужасно. Ещё до начала гонок, больше месяца назад, мои волосы и борода нуждались в стрижке. Как я ухитрился дойти до такого состояния? А так — два раза помылся во время плавания, а потом запустил своё тело, расчешу наскоро кудри, и всё. Когда доходили руки подстричь усы, делал это на ощупь.

— И чуть не отстриг себе кончик носа, когда яхта некстати накренилась.

Ладно, обойдётся. Привожу себя в порядок и поднимаюсь на палубу для торжественной встречи. Нас разделяет всего три мили, и в бинокль я различаю окраску корабля. Светло-серый нос,

белые надстройки, ярко-жёлтая дымовая труба. Фунт против пенни, что это скандинав.

— Принимаю пари.

Мы у него прямо по носу. Пора нам возвращаться на первоначальный курс. После этого он оказывается слева сзади, так-то лучше. Лихо выглядит — высокий изогнутый нос стремительно рассекает море, и тугая волна катится впереди, обдавая каскадами пены обе скулы. В верхней части форштевня — ярко раскрашенные, красивые завитушки, шведы и норвежцы любят такие штуки. Не то же самое, что носовое украшение, но не зря старались.

Мне не терпится поднять на фале свои три флажка, но надо ещё обождать. Торопиться ни к чему, дождёмся, когда ему будет видно, как они пойдут вверх, чтобы он знал, что это сигнал, а не бельё развешено для сушки. Так, подошёл на полмили. Вон второй помощник стоит на крыле мостика. Танкер продолжает идти на сближение (осторожно, друг, слишком близко подходить ни к чему). Весело развеваясь, флажки спешат вверх, рады, что вырвались из старого брезентового мешка. Помощник внимательно приглядывается. (Гром и молния, куда он прёт!) Рулевой явно перестарался, судно забирает вправо. Вижу, как помощник поворачивает голову и отчитывает рулевого, можно разобрать каждое слово. Совсем рядом идёт.

Читаю название:

танкер «Петерсон».

Не иначе, в честь какого-нибудь деятеля. Я не очень одобряю обычай называть судно фамилиями, мне больше по душе имена, и желательно женские. Кто-нибудь слышал, чтобы судно назвали, скажем, «Берт»?

Так, разобрал мой сигнал. Сейчас помашет в ответ, но что это у него в руке, похоже на…

— Ваш сигнал принят.

Как внушительно раскатился усиленный мегафоном голос, словно это само судно говорит. Я вынужден ограничиться взмахом руки.

— В чём-нибудь нуждаетесь?

Новый жест: две скрещенные руки над головой.

— Желаю успеха!

Ещё раз машу рукой… до свидания… Всё, прошёл.

Хорошо-то как. Хорошо сидеть в кокпите, обменявшись сердечными приветствиями с членами команды, перегнувшимися через гакаборт. Танкер прошёл так близко, что я теперь иду в его попутной струе. Море за ним словно приглаженное, но у самой

поверхности крутятся вихри. Моё внимание приковано к этой картине. Пучки водорослей мечутся, будто в кипящем котле, то их вынесет совсем наверх, то опять засосёт вниз, миг — и пропали куда-то. Интересно, может ли человек плыть в кильватере быстро идущего судна? Скорее всего — нет. Но я, честное слово, как-нибудь попробую.

А, чёрт! Море настолько меня увлекло, что я забыл прочесть на корме название порта приписки, а теперь слишком далеко, и бинокль не выручит. Проклятие. Запись в вахтенном журнале будет неполноценной.

С лёгкой грустью я смотрю, как корпус «Петерсона» переваливает за линию горизонта. Догонял он меня довольно долго, а уходит, кажется, вдвое быстрее. Ничего, всё-таки отправлена ещё одна весточка Эйре и ребятишкам. Ура «Обсерверу» (первое почти за месяц). Газета оплачивает пошлину, причитающуюся Ллойду за передачу сведений о судах. Я всегда был её читателем, теперь же буду почитателем, стану настоящим газетоманом. Хорошо быть чего-то-маном. Кстати, что это означает? Что вы чем-то пресыщаетесь? Хорошим или плохим? В таком случае я гонкоман. Господи, до чего я пресытился трансантлантическими гонками одиночек!

Мне нужно лечиться.

Движение — вот что мне нужно.

Движение на запад. Движение в западном направлении. Пройти сквозь наступающую ночь и достичь благословенного дня по ту сторону ночи. Ночь — будто вход в туннель. Дни превратились в клинья света, вбитые в сплошной мрак. У дней есть название, есть порядковый номер, а ночи — это непроторенные и необозримые дебри времени. Я даже не знаю толком, что за день сегодня. Я тщательно отмечаю крестиком в календаре каждые двадцать четыре часа — плохо, если запутаюсь в числах, — но дни…

Понедельник. Вторник.

Среда. Четверг.

Пятница.

Так что за день недели сегодня?

Не знаю толком. Меня заботит не день, а часы мрака между днями.

Я одолеваю ночь, как пловец одолевает под водой бассейн в оба конца. Прошёл половину дистанции — полночь. Теперь — обратно, тот же путь кажется очень долгим, лёгким нужен воздух, как моей душе нужен свет. Нет, это непосильная задача, лёгкие лопнут, прежде чем вы успеете всплыть. Всё, больше нельзя терпеть. Вы поднимаетесь к поверхности, чтобы глотнуть воздуха,

но там лёд, сплошной лёд, он вас не пускает. И сколько ни колоти руками и ногами, надо плыть дальше. Плыть, плыть, плыть, а вы совсем задыхаетесь, и наконец, вы уже перевалили через грань невозможного, наконец, можно всплывать и жадно хватать ртом воздух. И опять занимается день. Новый день с западным ветром. Яхта продолжает борьбу с этим недотёпой, который прёт и прёт на восток, словно нет других сторон света, нуждающихся в ветре. Лишь одно событие скрашивает этот день. В семь вечера лаг отмечает, что пройдено две тысячи миль. Две тысячи миль против ветра — это немало, хоть кого спросите.

И опять ночь.

Во сне я веду судно, на котором мачт, что телеграфных столбов на длинной прямой улице. И на каждой мачте по парусу. Они уходят вдаль, уменьшаясь с расстоянием, и в конце палубы это просто маленькие пятнышки. Я беру рифы на всех этих парусах. Работаю как сумасшедший, потому что надвигается шторм. Судно несёт слишком много парусов, палубу захлёстывают волны, и я работаю по пояс в воде. Уголком глаза вижу, что уже зарифленные паруса (может быть, сто, может быть, больше) разлетаются в клочья от штормового ветра. Всё окутывает мрак, и я просыпаюсь. Точно ли я проснулся? Слышно ветер, но ведь и во сне тоже был ветер. И плеск воды и хлопающий парус. Господи! Волны сомнения качают меня между сном и явью. Пот, которым я обливаюсь, вызван не только духотой в каюте. Наконец…

Занимается рассвет.

Я — Инка.

Поклоняюсь солнцу.

Свети мне днесь
И не заходи.

— Чья очередь готовить завтрак?

— Готовь ты, а я пока откачаю воду из трюма.

— Сколько раз качнул?

— Пятьдесят два.

Солнце поднялось высоко, и в каюте слишком жарко. Марш на палубу. Сидя нагишом в кокпите, стричь ногти на ногах. Случайные брызги оставляют белые пятнышки соли, будто иней. Забираюсь на палубу рубки. Ложусь на спину. Смотрю на гик и горбатый парус. Что-то тело ноет. Возвращаюсь в кокпит. Сажусь будто в ванне. Ноги задираю вверх. Спина опирается на руки, как на подлокотники. Вращение ногами. Словно педали крутишь. Оборот за оборотом, оборот за оборотом. Сто оборотов. Двести

оборотов. Двести пятьдесят. Двести семьдесят пять оборотов. Двести восемьдесят пять. Двести девяносто оборотов. Двести девяносто пять. Девяносто шесть, девяносто семь, девяносто восемь, девяносто девять.

ТРИСТА ОБОРОТОВ.

Ещё. И ещё.

Бегут струйки пота. Со лба — в волосы. С живота — на грудь. По ногам на бедра. Я весь липкий от соли. Зато усталый, слава богу — усталый. Теперь опуститься на колени в кокпите. Ухватиться за комингс справа и слева. Подтягиваться на руках.

Бицепсы лоснятся. Суставы похрустывают. В ушах стучит. Глаза зажмурены. Белки налились кровью. Живот напряжён. Поясницу саднит.

Хватит.

Солнце по-прежнему светит. Ветер по-прежнему дует. Волны по-прежнему бегут. Яхта по-прежнему идёт. Лаг по-прежнему вращается.

ЧЕЛОВЕК по-прежнему ЖИВЁТ.

Я понимаю, что это не выход. Возможно, мне и впрямь не хватает физической нагрузки, зато мозг чересчур нагружен. Сознание жужжит и мечется, как пчела, и, как пчела, садится, где надо и где не надо. Сейчас меня, словно жало, кольнула мысль, что, если я не прихвачу себя тросом, занесёт меня невесть куда. Сидя в кокпите у правого борта и ожидая, когда я вернусь на землю, прихожу к выводу, что гораздо лучше осмотреть яхту, чем копаться в себе. Прохожу вперёд и начинаю с носа. Крепление штагов, внутреннего и внешнего, в порядке, правда резьба винтовых талрепов тронута ржавчиной, как и нижняя часть самих штагов, особенно там, где кольца ходят вверх-вниз, стёрли цинк с мягкой стальной проволоки. Работающий стаксель выглядит удовлетворительно, правда форма не идеальная, но с этим ничего не поделаешь. Делаю мысленную заметку, что надо закончить ликование запасного паруса. Передний люк — в комингсе трещина, память о военном моряке, который проявил такое рвение тогда в Плимуте. Сюда постоянно падают брызги, поэтому трещина почернела, и влага, проникая под лак, захватывает всё большую площадь, уродует вид этой части люка. Лакированные комингсы рубки тоже утратили блеск. Обросшая тонким слоем соли мачта отливает тусклой белизной, но выглядит прилично, и ванты тоже, если не считать ржавчины внизу. Не забыть их промыть и натереть олифой, когда в следующий раз выдастся тихая погода, без брызг. Палуба вдоль бортов непрерывно споласкивается уже тридцать дней, она достаточно чиста, лишь кое-где есть бурые пятна около ржавеющих железных оковок, с

этим ничего не поделаешь.

А хорошо на палубе рубки. Чудесный солнечный день. Конечно, мы, как и прежде, идём крутой бейдевинд, но и воздух и море теперь потеплее, поэтому лавировка уже не так раздражает. Вообще со временем, наверно, ко всему можно привыкнуть. Майк держится молодцом, вести яхту против ветра для него пустяковое дело, во всяком случае, он с ним справляется куда лучше, чем я. Он не дремлет на вахте и всю ночь ловит колебания ветра, как охотничий пёс распутывает след. Один только недостаток у обоих — их надо постёгивать. Теперь можно постоять и полюбоваться, как Майк держит курс. Прислонившись к мачте, лучше вижу, что делается под водой. Рыбы тут как тут, разные виды и особи эскортируют меня через свои владения. Одни предпочитают плыть рядом с бортом, другие, покрупнее, держатся чуть поодаль за кормой. Впереди, насколько могу разобрать, никого нет, но когда яхту поднимает на высоком гребне, я прямо по носу в некотором отдалении вижу в воде большой предмет. Вот когда сказываются недостатки Майка. Если я не пройду на корму и не сменю его на румпеле, мы врежемся в эту деревянную балку. Но я так хорошо пригрелся на солнышке. Может быть, ветер сам малость отойдёт, и мы обогнём балку с юга, или Майк чуть приведётся, так что она останется у нас с левого борта — глядишь, и избежим столкновения. Теперь я отчётливо её вижу. Только что её подняло на гребне, и конец на миг завис в воздухе. Уныло барахтается в море здоровенная балка. А на ней сидит птица. Да какая красивая! До сих пор мне что-то попадалось мало птиц. Первую неделю — обычные чайки, но, когда мы удалились от земли, они утратили к нам интерес, и долго никого не было. Одна-две птицы показались, когда яхта приблизилась к Азорским островам. И вот теперь эта, что сидит на конце деревянной балки. Майк по-прежнему не чешется. Знай правит прямо на балку, балда этакий; совсем не смотрит, что делает. Нет, какая чудесная птица. Тоже чайка, но таких в Уэльсе не видывали. И ещё вокруг балки порхают какие-то птицы поменьше, с более тёмным оперением. Этих крошек я хорошо знаю. Цыплята матушки Кэри — качурки. Просто прелесть! Но если мы скоро не изменим курс, то наедем на них и испортим им всю игру. Осталось немного. Надо класть руль под ветер, пока не поздно. Майк… МАЙК!

— Ты, рыба усатая, Хауэлз. Не стой на месте, измени курс.

Бросаюсь как сумасшедший на корму, по дороге задеваю ногой за брусок и чуть не падаю в кокпит, наконец, запутавшись в собственных пальцах, отцепляю румпель-трос. Подветренный не слушается, только наветренный, значит будем приводиться. А, чёрт, разрази меня гром, проклятая балка лежит поперёк курса,

чуточку к ветру. Ладно, пошли…

Руль под ветер. Нос поворачивает вправо. Не вижу балки, она где-то под форштевнем.

Ожидание кажется бесконечным…

Наконец — вот она.

Мы разошлись в нескольких дюймах. Волна поднимает яхту, и на секунду — страшную секунду — кажется, что она посадит нас прямо на конец балки, проплывающей сейчас у левого борта. Этакая исполинская спичка, длиной тридцать пять футов, не меньше, и фута три в поперечнике. Могучий таран, он может сокрушить обшивку, как ложка — скорлупу куриного яйца. Яхта опускается в каком-нибудь футе от балки; хорошо, что ход не потеряли. Ещё секунда, и балка позади, можно уваливаться и наполнять ветром поникшие паруса.

Не только паруса выведены из равновесия, у меня на лбу капельки пота и шею сзади покалывает.

— Бог тебя выручил, Хауэлз.

Знаю.

— Ты, должно быть, свихнулся: сидеть и мечтать на баке.

Знаю.

— Ладно, ступай лучше вниз, выпей банку пива.

Слушаюсь.

В полдень мы были в четырёх минутах к западу от сорокового градуса западной долготы, пришло время открыть банку пива, и я с радостью выполнил эту процедуру. У меня ещё был сыр и последняя луковица. Я выходил в плавание с хорошим запасом лука, но скандал с аккумулятором, когда пролилась кислота, заставил часть выбросить, и вот теперь осталась всего одна луковица. Я смотрел на неё с сожалением. Печально быть единственным в своём роде. Хорошая луковица была, с красивой чистой кожицей, этакий пухлый шарик с аккуратным острым кончиком. Нет, плохо быть единственным в своём роде.

— А деревянная балка?

Вот-вот, я как раз об этом и говорю. Вы заметили, какой у неё был угрюмый вид? Одна-одинёшенька. Носит её в океане течением, которое спешит куда-то по своим делам. Впрочем, даже странствующие брёвна могут играть полезную роль. Эта балка стала домом для морских уточек.

Ты заметил, как густо они сидели?

Всё сплошь облепили, кроме стороны, обращённой к солнцу. Тысячи ракушек…

А луковица одна.

Даже жалко предавать её ножу. Острое лезвие касается золотистой кожицы, аккуратный надрез, и показывается первая

хрустящая чешуя.

Ем, обливаясь слезами, и заодно поспеваю тридцать пять раз качнуть помпу. Хотя мы одни, желающих присоединиться к нам предостаточно. Или они хотят, чтобы мы присоединились к ним?

Лежу на койке, в душе пустота.

— Слыхал, в Индии есть такие ловкачи, могут месяц сидеть на гвоздях?

Мне бы уметь так настраиваться.

— Как они это делают?

Попросту отрешаются от собственного тела. Сидят на гвоздях, и, пока длится испытание, душа где-то витает. Скажем, прогуливается в благоухающем саду и знать не знает ни о каких неприятностях.

Интересно, смог бы я так.

— Ты только что это проделал. Верно.

Банка с пивом катается по елани. Яхта то поднимется, то опустится, и банка катится то влево, во вправо, бульк-бряк, стук-постук, трень-брень — тарахтит, словно кость, терзающая слух игрока, прикованного к

????????

У нас есть яхта «Фолькбот», вы не утонете на ней, положитесь на моё слово.

М-И-К вяло идёт вверх.

— Мне от тебя ничего не нужно, приятель.

Он француз, название — «Байе».

С облегчением смотрю, как он уходит вперёд.

На следующее утро, в четверг, 14 июля, я чувствовал себя более нормально, вчерашний дурман вроде бы исчез. Ветер по-прежнему дул с запада, смещаясь на румб-два то в одну, то в другую сторону. Расстояние до Нью-Йорка не сократилось, если не считать мили, пройденные после предыдущей визировки, но я всё равно уже за ночь твёрдо решил, что мы следуем на Бермудские острова. К чёрту Нью-Йорк. От этой капитуляции мне стало только легче. Несколько дней я колебался, избегал окончательного решения, как горького лекарства, которое вам навязывает ревностная сиделка. Когда же лекарство было проглочено, я впервые за неделю вздохнул спокойно и смог уснуть. Шесть блаженных часов крепкого сна без сновидений дали мне больше, чем шесть предшествующих неприкаянных ночей.

Снова ясный солнечный день, и я провожу утро в кокпите, созерцая море. Да, да, после тридцати четырёх дней борьбы с морем я всё ещё получаю огромное удовольствие, смотря на него и на тех, кто в нём обитает и кто над ним летает. Кто под водой,

кто над водой, один я — на воде. По-прежнему за яхтой следуют рыбы. Я не могу утверждать, что те же самые, но похоже на то, и я не собираюсь отказываться от знакомства. Мы относимся друг к другу, как старые друзья, а не как подозрительные чужаки. Я озадачиваю их, наклоняясь через борт, чтобы получше рассмотреть их трюки; в свою очередь, они преподносят мне сюрприз, уговорив своих родичей устроить для меня воздушное представление около яхты. Правда, первый выход застал меня врасплох, но и того, что я успел заметить уголком глаза, было достаточно, чтобы я пренебрёг своим плавучим эскортом ради более волнующего зрелища. Уверенный, что не ошибся, я спокойно ждал, предвкушая удовольствие. И скоро увидел опять — увидел то, чего естественно ожидать в этих широтах.

Летучие рыбы. Сначала одна, случайная, теперь полдюжины. А вот и целая стая летит над самой поверхностью моря. Они величиной с хорошую скумбрию, и окраска такая же яркая, только синий цвет ещё интенсивнее. Крылья — серебристые облачка по бокам спины, этакие невесомые вьючные сумы. Выход и уход со сцены точно рассчитаны. Штук тридцать, а то и больше, вдруг появляются из воды на правом траверзе, совсем рядом, пролетают ядров пятьдесят в западном направлении и ныряют, входя в воду так чисто, что на любой Олимпиаде их наградили бы овацией. Я упорно старался определить, машут ли они крыльями. Да разве невооружённым глазом определишь! Это всё равно, что пытаться уловить, как движутся крылышки стрекозы; вы знаете, что движение есть, но видите только, где оно кончается, всё остальное сливается в блестящее пятно. Достав бинокль, я час пытался поймать в него летучих рыб, но из этого ничего не вышло. Они слишком быстро носились и всякий раз неожиданно появлялись в другом месте. Если я смотрел влево, стая, как назло, взлетала справа. Вопьёшься взглядом в этот участок — и уголком слезящегося от напряжения глаза замечаешь, как дюжина рыб выскакивает из воды у самого носа яхты и летит вперёд. Да как быстро летят. Скорость? Трудно сказать — узлов пятнадцать-двадцать? Когда провожаешь их взглядом, кажется, что фолькбот стоит на месте, а они удаляются от него, будто стая скворцов. Я спрашивал себя, что побуждает их летать. Понятно, когда наше продвижение сеет тревогу среди них, и они спасаются бегством, словно кролики от идущего человека; ждут до последней секунды, потом бросаются врассыпную. Но иногда рыбы так же стремительно летели к яхте, очевидно, уходя от кого-то, кого боялись ещё больше, чем «Эйры». Несколько раз я замечал в воде под летящей стаей смутную тень, которая как будто была занята преследованием, но всё происходило так быстро на фоне бегущих

волн, сверкающих гребней и ослепительных солнечных бликов, что подробностей не разобрать. Я был одиноким зрителем безумно сложного спектакля. Приходилось довольствоваться общим впечатлением. Во всяком случае, неведомый преследователь заразил меня своим аппетитом. Вдруг выяснилось, что я не настолько сросся с океаном, чтобы совсем пренебрегать лакомым кусочком. Или в том-то и дело, что сросся? От крохотной блошки до огромного кита — все они охотятся друг на друга. Я проплывал над полем битвы. Вот сейчас, в эту самую минуту, какой-нибудь хищник раздирает свою жертву и наслаждается трапезой, не подозревая, что сзади к нему подбирается его естественный враг, и не успеет он переварить свою добычу, как сам станет звеном в цепочке смертей, на которой держится вся жизнь. В этот вечер я настолько расхрабрился, что решил заняться рыбной ловлей. Нет, нет, никаких лесок и крючков, до такой дерзости я не дошёл. Я вывесил «пароходное пугало», лежавшее без употребления уже много долгих ночей, и, когда стемнело, поверхность моря озарили жёлтые лучи маленького фонаря — соблазнительная, как мне казалось, приманка для непоседливой летучей рыбы. Я чувствовал себя мародёром, который разжигает костёр на берегу, чтобы заманить в изобилующие рифами воды проходящее торговое судно. Конечно, нехорошо, но я заглушил голос совести, сказав себе, что, если рыба не попадёт ко мне на стол, она всё равно попадётся в зубы какому-нибудь хищнику.

Спустилась ночь. После стольких ночей, проведённых в полной темноте, странно было стоять под качающимся фонарём. Мне было его жалко. Он честно старался потеснить мрак, но непосильная задача шутя сводила на нет все его потуги, словно его и не было вовсе. Сказать об этом фонаре, что он светил, было бы слишком громко. Из каюты он смотрелся лучше, и я лёг на койку, словно паук, который притаился в углу, ожидая, когда в паутину попадётся муха. Один раз мне точно послышался мягкий стук, будто на палубу упала рыба, и я вскочил на ноги с пылом мальчишки, у которого впервые клюнула рыба. Я обыскал весь кокпит и даже прошёл на бак, но рыбы нигде не было. Сидя на носовом ограждении и слушая вздохи присмиревшего ветра, странно было глядеть в сторону кормы и видеть болтающийся на бакштаге огонёк. Далёкий такой, словно и не в моём мире; казалось, не меньше ста ярдов разделяет нас, хотя на самом деле от носа до кормы было всего двадцать пять футов. Впервые за месяц ветер отошёл к норду, и яхта, идя галфвинд, развивала почти предельную скорость, что-нибудь около шести узлов. Ход был лёгкий. Шкоты в меру потравлены, и яхта, почти не кренясь,

чисто резала тёмную воду. С моего места на самом носу она напоминала огромную линогравюру, негативный силуэт, поражающий глаз своей необычностью. Вынесенный гиком парус закрывал источник света, но под гиком и с наветренной стороны мачты окружающий мрак будто высасывал из фонаря жёлтые лучи. Сам он не в силах был светить. Когда вышедшая луна его затмила, я спустился в каюту, всё ещё не теряя надежду заманить на борт рыбу.

Я чувствовал себя достаточно сильным и собранным, чтобы послушать радио, которое предложило лёгкую музыку и неизбежные «Последние известия в начале каждого часа». Новости представляли собой сплошной перечень бедствий как стихийных, так и вызванных человеком. Можно подумать, что в нашем мире всё вращается вокруг беспорядков, пожаров, землетрясений, авиационных катастроф, насилий, убийств и наводнений; и всё это сообщалось так, чтобы подчеркнуть не суть, а драматизм происшествий. Лёжа на койке и пытаясь разделить горе матери, ребёнок которой был убит каким-то психопатом в Центральном парке, я с надеждой думал, что, может быть, кто-нибудь в один прекрасный день решит отвести больше места в эфире светлым сторонам жизни. Наконец диктор подвёл черту под панихидой и прочёл сводку погоды. В заключение он добавил, что в районе Кубы образовался первый ураган сезона.

Я резким движением выключил радио.

— Первый ураган сезона.

А интонация какая. Буквально представляешь себе, как он надел на голову чёрную шапочку, произнося эти зловещие слова. Ещё одна забота, чёрт бы её побрал.

— Как развиваются эти вест-индские ураганы? Одни перемещаются вдоль восточного побережья Соединённых Штатов, другие вторгаются во внутренние области, сея опустошения на материке. А некоторые, основательно поработав в Карибском море, отходят в Северную Атлантику, так что и я не застрахован.

— Эта яхта может выдержать ураган?

Если отвечать коротко: нет. Но разве учтёшь все факторы. Скорость ветра, безопасная половина циклона, скорость и сила надвигающегося шторма, счастливый случай. И всё же, если отвечать коротко: нет.

— Насколько вероятно, что в этом году ураган пройдёт через Бермуды и дальше на восток?

А чёрт его знает.

Так или иначе, сообщение радио выбило меня из колеи, новость была из тех, что прочно укореняются в подсознании. Тропические циклоны. Когда чаще всего образуются? Июль,

август, сентябрь. Сколько раз в год? Обычно меньше десяти. И простор для действий у них достаточный — вся западная часть Северной Атлантики, не говоря уже о североамериканском континенте.

И всё-таки… всё-таки мало ли что может случиться. Неприятная мысль, от таких мыслей на душе неспокойно.

— Мало у тебя других забот, макрель семиглазая. Брось ты об этом думать, может, ещё ничего и не будет.

Но может и быть.

Снова меня засасывает болото отчаяния, из которого я только накануне выбрался. Сводка погоды оказалась дополнительным бременем. Чёрт дёрнул меня слушать это радио, без него мне было бы куда спокойнее.

— Но ведь оно тебе нужно из-за сигнала времени.

Ох, стоит ли он того! Меня так и подмывало выбросить за борт всю коробочку с её содержимым. Допустим, я узнаю, что в мою сторону движется ураган. Что я могу сделать, чтобы уберечься от него? То-то и оно. Ураган может развить тридцать узлов, при скорости ветра до ста миль в час. Представляете себе, какие волны будут? И после первого шквала — центр урагана. Бешено ревущие массы воды вздымаются над яхтой и обрушиваются на неё с притихшего неба. А затем, словно возвращающаяся гроза, следующая половина. От одних этих мыслей у меня выступил на лбу холодный пот. Весь остаток ночи страх не давал мне уснуть. Я барахтался в волнах страшных предположений. Раз десять тонул, многократно погибал от истощения, дважды был разорван в клочья самыми свирепыми акулами, каких только можно себе представить. Задолго до рассвета я отказался от роли паука, подстерегающего муху, убрал свой фонарь и погасил его. Чувство солидарности с рыбами возродилось. Я снова был маленьким, уязвимым и испуганным.

Как только рассвело, я встал и осмотрел передний люк, озабоченно проверил повреждённый комингс. Как ни стараюсь, не могу себя убедить, что ветер останется умеренным, что до урагана больше двух тысяч миль и он скорее всего пойдёт в другую сторону. Укрепляю люк так тщательно, словно мне надо считаться с вероятностью самого страшного шторма в истории мореходства. Даже не с вероятностью, а с неизбежностью. Гигантский меч висит — нет, не висит над моей головой, а уже начал опускаться на неё. До чего можно дойти в своей глупости.

— Ты правильно делаешь. Он в самом деле может отойти.

А меня и не надо убеждать. Разум уже отключен, теперь проблема решается только в сфере эмоций. Не если, а когда — вот как стоит вопрос. Люк укреплён брусками и задраен так

плотно, что без ножа не откроешь. Ещё лучше — острый топор. Дело сделано, и я присаживаюсь на койку отдохнуть, сознавая, что потрудился на славу. Всё остальное утро мечусь вверх-вниз, будто мячик на резинке. То я в каюте, то на палубе рубки, тревожно смотрю на юго-запад. Пусть давление высокое, зыбь низкая, ветер умеренный, небо ясное и видимость отличная. Всё это лишь затишье перед бурей. Я готов продолбить дырку в барометре, проверяя, не падает ли он, но прибор упорно показывает тысячу сорок пять миллибар.

— Зело стрелку, только и всего. Конечно, зело.

Но погода не хочет портиться.

Необходимость взять меридиональную высоту и произвести расчёты (35° 36 северной широты и 43° 32 западной долготы, лаг — 2296) вместе с прочими утренними делами помогает мне укротить своё воображение. Малейшей дисциплины ума достаточно, чтобы душа перестала метаться. Итак, сегодня суббота, 16 июля.

XI

Поэтому ты думаешь, что знаешь сам себя.

Это путешествие позволит нам увидеть Хауэлза без внешнего покрова. Ещё один взмах ножом, и следующий раз, когда он встанет с койки, кожа отделится, останутся лежать обнажённые трепещущие внутренности. Удивится ли он? Его сейчас ничем не удивишь! Он всегда был очарован морем, теперь, как говорится, сидит в нём по уши, и временами ему кажется, что оно вот-вот сомкнётся у него над головой.

Он чувствует себя так, словно был приглашён на уик-энд к почитаемому другу, вошёл в дом, дверь плотно захлопнулась — и вдруг выясняется, что он попал к сумасшедшему. Есть ли надежда выбраться отсюда? Капкан замкнулся. И когда уже всё кажется потерянным, открывается путь — страшный, отвратительный путь, но другого выбора нет.

Он стоит в поле — огромное вспаханное поле, коричневые борозды под кроваво-красной луной. Он бродит голый, растерянно щупает своё тело и с удивлением обнаруживает, что всё на месте, а ему что-то кажется лишним. Он нюхает, ворошит вспаханную землю. Чем это пахнет? Он продолжает искать.

А теперь идёт обратно. На клочке, где уже сидел раньше, останавливается. Снова присаживается на корточках. Понурил голову. Запах усиливается — нестерпимый запах, противный запах. И всё становится ясно.

У его души есть запах.

У него шея и нос жирафа. Этим носом он обнюхивает свою совесть. Тошнотворный запах ему отлично знаком. Вот в чём дело. Это страх!

Субботний дневной сон прерывается, я просыпаюсь после кошмара, горячий, потный. Скорей на палубу, там чистый, свежий воздух. День ослепительно яркий. Маленькие облачка-мячики нисколько не умеряют ярость солнца, и я тяжело дышу, стирая пот со лба, с бровей и щупая свои изношенные шорты, которые разлезаются по швам. Материал, хоть и потёрся кое-где, ещё мог бы послужить, но нитки, на которых всё зиждется, сгнили, и шорты буквально рассыпаются. Может быть, взяться за иголку? Однако мысль о такой нудной работе меня только раздражает, поэтому я попросту отрываю держащиеся на честном слове куски и выбрасываю их за борт. Под шортами у меня хлопчатобумажные плавки на поясе, и вот уже на мне только и осталось, что

эластичный пояс, две лямки сзади да аккуратный мешочек. Дальше, как говорится, раздеваться некуда. То, что осталось, — дань не благопристойности, а удобству. Если бы я мог и душу избавить от лишней обузы, оставив самое нужное. Но это, наверное, посложнее?

Пока я бездельничал, ветер сменился, и подул слабенький ост, который почти и не чувствовался на яхте. Майк совсем одурел от жары, поэтому, вынеся генуэзский стаксель, развернув тик грота и закрепив его предохранителем, я сам стал на руль. День был великолепный. Подчиняясь моей более чуткой руке, яхта повела себя увереннее и плавно заскользила по воде со скоростью около двух узлов. Как всегда, я не старался держать компасный курс, да в этом и не было нужды. Я привык на глаз определять изменяющийся в течение дня пеленг солнца и без большого умственного напряжения вёл яхту, отклоняясь не больше чем на пять градусов от расчётного курса. Море было синее и гладкое. За кормой, иногда у самого юта, летали качурки, и я смотрел на них с симпатией. Они тоже не первый день меня сопровождали — наверно, одни и те же. Маленькие пичуги, не больше воробья, и совсем не знающие усталости. Они непрерывно махали крыльями, вопреки обычному представлению о морских птицах, парящих над океаном на широко расправленных крыльях. Качурки держались у самой поверхности воды, иногда вертясь вокруг какой-то одной точки и ловко загребая воду лапками, и казалось, что они ступают по морю. Но ни разу они не садились на воду. Я наблюдал их часами, но не видел, чтобы хоть одна качурка променяла полёт на заслуженный отдых. Всё время эти хлопотуны летели следом за яхтой, иногда отклоняясь влево или вправо ярдов на двадцать, чтобы исследовать очередной проплывающий мимо ком водорослей. Тюкнут три-четыре раза острым клювиком и опять присоединяются к нашему конвою, следующему на запад.

Всю вторую половину дня и вечер, не считаясь с опасностью обгореть, я стоял на руле под палящим солнцем; хотелось подольше побыть на палубе. При плотно задраенном переднем люке в каюте царила нестерпимая жара, и я спускался только выпить чашку воды да иногда взять леденец. Так прошёл день, и в конце его я с благодарностью отметил, что основательно устал. Однако я не спешил ложиться, продолжал подыскивать себе всё новые и новые дела. Убрал грот, который сильно тёрся о правую краспицу, потом, перекинув генуэзский стаксель и вынеся его на правый борт, вовсе снял грот. Используя прохладные часы, пока ещё было светло, подшил переднюю шкаторину и сменил стёршиеся кожаные прокладки. Некоторые из стальных ползунов,

выгнутых в холодную из плоского листа, треснули: брак производства. Я добыл из запаса новые и был очень доволен собой, когда закончил всю работу. При поисках ползунов мне попались вымпел Сондерсфутского яхт-клуба и основательно потрёпанный Валлийский Дракон, убранные несколько дней назад. Поразмыслив, я вышел на палубу и решительно поднял их снова — один на мачте, другой на ноке с правого борта. Расправленные лёгким ветром, они красиво выглядели на фоне тёмно-синего неба с разорванными облаками.

Потянулась ночь, беспокойная ночь, подобная ручейку времени, недовольно бегущему вниз по теснине, и угрюмые камни нарушают его плавное, задумчивое течение. Я нажарился на солнце и наработался, и усталость преподнесла мне бесценный подарок — естественный сон, после которого я встретил новый день с неожиданной для самого себя уверенностью. Как одинокому путешественнику решать проблему сна? Если вы, подобно мне, обнаружили, что ограничение вашей подвижности влечёт за собой эмоциональные скачки и эти американские горы упорно не дают вам хорошенько выспаться, как выйти из этого положения? Мысли уносятся, закусив удила, в далёкие края, которые густо заселены деятельным воображением, подстёгнутым неделями одиночества. Аптечка и мощная доза снотворного? Как бы лечение не оказалось опаснее самого недуга. И вообще лучше было не одурманивать себя. Я нуждался в естественном сне. С одной стороны, меня сердило притупление моих реакций, с другой стороны, я мечтал забыться.

Я был бесконечно рад, когда, наконец, рассвело и на смену кошмарной ночи пришёл более уравновешенный день.

Снова выдалась хорошая погода; ветер восточный — второй день благоприятного ветра. Яхта шла на запад под генуэзским стакселем; грот был убран, чтобы зря не тёрся. Я потратил около часа, поставил на кливер-штаге рабочий стаксель и вынес его багром. Теперь мы шли с добавочным парусом. Лишние сто квадратных метров паруса увеличили нашу скорость на полузла. Ход был хороший. Лекарство для моей души, не хуже, чем час крепкого сна.

Утренняя обсервация, потом завтрак. Первая половина дня ушла на то, чтобы подвесить тент над палубой рубки.

В каюте так жарко, что не продохнуть. Во-первых, солнце в этих широтах нещадно жжёт, во-вторых, относительная скорость попутного ветра уменьшается за счёт нашего хода. А так как я не могу одолеть нелепый страх перед якобы приближающимся штормом, передний люк остается плотно задраенным. Эта смесь реальных фактов и не менее убедительного для меня очевидного

вымысла побуждает меня действовать, хотя и не самым разумным и естественным образом. Я всего лишь налаживаю тент. А попросту — одеяло, укреплённое на бугеле гика, растянутое над палубой рубки и схваченное за углы концами упругого белого линя. Стоило потрудиться. Теперь солнце не светит больше прямо на тонкую фанерную палубу и в открытый сходной люк, раскаляя койку у правого борта.

Море совсем иначе, чем прежде, воспринимает присутствие яхты. Пять недель, пока держались западные ветры, волны упорно колотили в обшивку яхты, теперь они идут в ту же сторону, что и мы. Это большая разница. Война сменилась мирным сосуществованием. Океан явно настроился на другой лад. Правда, лёгкая зыбь по-прежнему идёт с запада, напоминая о былом разгуле, но волны вырастают за кормой, приподнимая и подталкивая легко скользящую яхту вперёд. Палуба сухая, даже морщится тут и там от излишне бурных ласк солнца. Сопротивление ходу яхты настолько ослабло, что надводный борт по большей части тоже сухой, и жёлтая окраска корпуса стала будто прозрачнее. Проходя на нос, чувствую, как палуба жжёт мои босые ноги. Она обжигает и тело, когда я ложусь на баке, единственном, кроме нестерпимо горячих коек, месте, где можно вытянуться во весь рост. Шум не такой, как раньше. Исчезли стук, треск, скрип, которые сопровождали затянувшуюся стычку. Не летят над палубой вызывающие оторопь и приятно освежающие брызги. Можно свесить голову за борт и смотреть, как ярко-жёлтый нос с мужской решительностью рассекает податливое синее море. Оно лениво расступается и скользит вдоль бортов, образуя за кормой попутную струю, а у пылкого форштевня холмик воды опять встречает гостя с милой нерешительностью, одолевает её и откидывает простыни манящего ложа то налево, то направо. Вдоль ватерлинии и на несколько дюймов вниз прилепились к обшивке мелкие ракушки и водоросли. Так как осадка превышает норму, они обжили часть корпуса, не защищённую ядовитым составом, который применяют против обрастания. Среди конусов морских уточек можно увидеть существа, напоминающие грибы на длинных ножках, с маленькой аккуратной шляпкой. Кажется, такие хрупкие создания не должны бы устоять против бурлящего тока воды вдоль обшивки, но они прочно приросли и поражают своей упругостью. Они коричневого цвета. На фоне жёлтой обшивки, в окружении ярко-синей воды они радуют глаз, как нарциссы, украшающие тенистую лужайку. Рыбы не отстают от нас. Под самым форштевнем плавает великолепно сложенный красавец, длиной четыре-пять футов. Он, серебристый, с голубым отливом, щеголяет броским, ярко-

жёлтым хвостом. Так сказать, проводник нашего внушительного каравана. Время от времени, не слишком часто, летучие рыбы прорезают поверхность воды как раз перед носом яхты. Поди угадай, кто их потревожил — мы или наш мощный эскорт. Одни летят влево, другие вправо, и получается живой трепещущий веер, при виде которого дух захватывает.

Жарко, иду на корму, чтобы выпить полчашки воды. Полчашки. Не больше.

Последние несколько дней примечательны не только повышенной температурой воздуха, но и заметно возросшим потреблением воды. Сегодня я тщательно учитываю каждую каплю. Пока что, считая выпитое рано утром и котелок чаю на завтрак, израсходовано чуть больше двух пинт. Если прибавить то, что я выпью сейчас, будет три пинты, а ведь ещё не прошло и полдня.

Как ни жарко в каюте, всё-таки можно отдохнуть от солнца, которое приближается к полуденной точке и находится почти прямо над головой. Наше местонахождение — 35° 21 северной широты и 45° 00 западной долготы, лаг 2365 — даёт нам право открыть одну из оставшихся банок пива. До Бермудских островов всего двадцать миль сверх тысячи, это надо отметить, а впрочем, не будем спешить. Подождём стоически, пока лаг не отмерит эти двадцать миль. И вечером насладимся тёплым пивом.

Пополудни ветер настолько ослабевает, что приходится отбирать румпель у Майка, так как при тихом попутном ветре его тянет побродить без определённой цели.

Время от времени я ныряю в каюту за водой. Губы пересыхают, веки и уголки рта воспалены. Облизывая губы, явственно ощущаю, что они потрескались, поэтому во время очередного визита в каюту я тщательно изучаю их в зеркальце секстанта. Ничего подобного, не потрескались, но прикоснуться к ним больно. Добываю в аптечке какую-то мазь, она помогает. Заодно пересыпаю последние шесть таблеток аскорбиновой кислоты в завинчивающуюся баночку, где хранится дневная доза.

Вернувшись на палубу, под палящие лучи высокого солнца, спрашиваю себя, не стоит ли защититься одеждой? Закутаться целиком на арабский лад. Изолирующим слоем предотвратить обезвоживание тела. Не могу, это было бы похоже на святотатство. Долгие недели сплошной облачности, потоков воды на палубе, мокрой одежды и влажной постели породили во мне неутолимую потребность в тепле и солнце. Я лежу навзничь; сварюсь — и ладно. Глаза закрыты, правлю на ощупь, осязая шеей колебания ветра. Теперь солнце справа по носу, склоняется к слепящему горизонту. Наверно, скоро пора открывать банку.

— Что говорит лаг?

— Лаг остановился, чтоб ему было пусто.

— Опять водоросли?

(Вытаскивать вертушку должен я, он слишком ленив, но хорошо, что он вовремя спохватился, на вертушки в самом деле намотались водоросли.)

— Что показывает лаг?

— Две тысячи триста восемьдесят две мили.

— И две мили лаг не работал, ступай-ка за пивом!

— Сам ступай, ты ближе к каюте.

— Где ты оставил консервный ключ?

— На полке слева от радио.

— Его тут нет!

— Но я его положил там.

Наконец он находит ключ в ящике с ложками и вилками, можно глотнуть пивка. Хорошо, хоть оно и горячее.

— Интересно, что сейчас делают ребята в Сондерсфуте?

— То же, что мы делаем, пиво тянут, только у них оно холодное, в больших кружках, пей сколько влезет.

— Который там час дома?

— Около десяти. Ещё по кружечке, и можно идти домой к детишкам. Небось они сегодня поздно лягут, такой чудесный летний вечер. Наверно, весь день купались и катались на яхтах.

— Хотел бы я знать, как Кристофер поживает?

— Всё в порядке, положись на маму.

— Не худо бы послать им весточку, верно?

— Спрашиваешь.

— Почему бы тебе не попробовать связаться вон с тем судном?

— С каким ещё судном?

— Вон с тем, что идёт слева по носу.

— Чёрт возьми, а я его и не заметил.

— Скажи спасибо, что у тебя хороший вперёдсмотрящий.

— Ладно, помалкивай, лучше достань флажки, он пройдёт совсем близко.

— Курс ост, скорость пятнадцать-двадцать узлов, быстроходный танкер, судя по силуэту. Уже немного осталось. Пора поднимать флаги.

Поднимаю М-И-К, он не может их не заметить.

— Гляди, меньше полумили нас разделяет, а он всё идёт на сближение.

— Вижу название.

— Какое?

— «Деа Бровик».

— На мостике кто-нибудь есть?

— Никого.

— На палубе?

— Никого.

— Интересно, заметит он нас или нет.

— Чёрт возьми, неужели ты хочешь сказать, что он может пройти рядом и не заметить НАС?

«В тот вечер он стал мне поперёк горла. Я понял, что, если не уйду, хотя бы на один час, он доведёт меня до безумия. Я приготовил ему хороший ужин, а он всё то время, что я гнул спину над примусом, стоял и смотрел с кислой рожей. Потом принялся отбирать лучшие куски, и я должен был слушать, как он ворчит, придирается. У меня весь аппетит пропал. Человек терпит, терпит, но ведь у терпения есть предел. Верно же? Потом оно лопается. И я ушёл от него. Честно говорю, больше ни минуты не мог терпеть.

И ведь не только в ворчании дело. Вы бы видели этого мастодонта, как он тяжело поворачивается, смотреть противно. Я подтянутый, подвижный, всякое дело в руках горит. А он весь день слоняется взад-вперёд, всё своим загаром любуется. Глупец, ему бы надо поосторожнее с солнцем быть, не то пожалеет. И вообще, что он лелеет своё неуклюжее тело? Чем оно лучше моего? Теперь возьмите все те годы, что я с ним хожу. Хоть раз я слышал от него доброе слово? Ни разу, во всяком случае, сколько я помню.

Это же курам на смех. Поглядите на него — ходит, задаётся, чуть не нагишом. Что на нём надето, смотреть тошно. Тоже мне дитя природы. Да всего несколько недель назад он ни за что на свете не показался бы в шортах. Его больное место — ноги.

Да, да. И всегда так было, сколько я его знаю. На них в самом деле нельзя без смеха глядеть. А стоит мне хотя бы улыбнуться, когда он о них заводит разговор, как он сразу лезет в бутылку. Смешно, правда? Кому нужны его дурацкие старые ноги? Но что меня больше всего возмущает, так это его речь. Не выношу богохульств, а у него через каждое слово брань. Не к лицу это настоящему мужчине, верно? Можно без этого обойтись. Я умею выражать свои мысли без грязных слов, не то что этот безнравственный тип. Вот он лежит на правой койке, на нашем спальном мешке. Лежит, потом обливается. Как подумаю, что мне предстоит вернуться и лечь с ним рядом… А как он всю ночь ворочается, хоть кого из себя выведет, совсем мне спать не даёт. Встанешь после такой жуткой ночи — и вид страшный и на душе отвратительно. Честное слово. Разве это справедливо? И это ещё

не всё. Он видит сны, если хотите знать. Не те приятные, милые сны, которые нам обычно снились. Нет, они его не удовлетворяют. Ему подавай что поострее и в красках. Порой до того себя взвинтит, что даже я просыпаюсь. И что ему ни говори, всё без толку. Он меня не слушает. Ну что за радость от такого спутника? Я вам ещё не всё рассказал. Ведь он просто грязная скотина. Последнее время его сны принимают нехороший оттенок. Уж вы поверьте. Ему меня не провести. Этот тип со своим загорелым телом, оно его доведёт. Вы догадываетесь, что я подразумеваю. Вот именно, он видит эротические сны. Поначалу это его тревожило. Теперь они ему, похоже, доставляют удовольствие, а я тревожься за него.

Что бы я ему ни сказал, он только смеётся.

Я сказал, что уйду от него. Прямо в глаза сказал, всё выложил. Что же вы думаете, он хохотал до слёз. Вон он, лежит на койке и соображает, что пора встать и проветриться.

Пойду к нему. Он ведь без меня шагу шагнуть не может».

Ночь была чудесная, ветер отошёл на один румб и совсем ослаб. Мы скользили легко, как пушинка, без строго определённого курса, просто в западном направлении. И можно ли порицать Майка, если я и сам-то с трудом заставлял себя выполнять самое необходимое. Иной раз даже пошевельнуться не можешь, словно выскочила какая-то важная шестерёнка. Потом вроде станет на место, и я опять оживаю.

В два часа ночи я поймал сигнал точного времени, переданный Уай-эн-и-уай.

В пять тридцать — ещё один бодрящий восход, предвестник очередного знойного дня.

Ветер мало-помалу сместился к юго-востоку, не позволяя держать второй вынесенный кливер, поэтому я поднял грот в помощь генуэзскому стакселю. Мы шли галфвинд, курсом вест, насколько Майк вообще был способен держать точный курс. На палубе было так жарко, что мне ничего не оставалось, кроме как положиться на него. Утром, наполняя чайник из дежурной канистры, я обнаружил, что за предыдущие сутки израсходовал три четверти галлона пресной воды, намного больше обычной нормы, причём всё ушло только на питьё. Кроме того, я ведь выпил полпинты пива и съел суп за обедом, это означало, что всего я потребил около галлона жидкости.

— Из чего следует, приятель…

Что надо держаться там, где нет солнца.

Только каюта полностью отвечала этому требованию, а чтобы в каюте можно было находиться, надо было раздраить передний

люк. Нехитрое дело? Если бы. Моё сознание утратило способность здраво рассуждать. Спорю сам с собой: открывать этот люк, значит, задавать себе лишнюю работу. Я уверен, хоть кол на голове теши, что нам предстоит шторм.

Где предел человеческой тупости?

Всё утро люк оставался задраенным.

Когда солнце достигло зенита, в каюте, даже несмотря на тент, стало невыносимо. Масло начало сочиться из жиронепроницаемой упаковки. Питьевая вода стала уже не тёплой, а горячей. Пот катил с меня градом, увлажняя спальный мешок, на котором я лежал. Язык и губы изнывали от жажды. Наконец, я через силу направился к люку, держа в руке нож.

Где предел нашей глупости?

Я верил, что стоит мне перерезать концы, как погода испортится. Постучал по барометру — устойчиво. Вернулся к грот-люку, чтобы ещё раз оценить погоду. Солнце светило с почти безоблачного неба. Ветер слабый. Море спокойное, только лёгкая зыбь катила с юго-запада.

Рискнуть?

Просто кивнуть головой — и то понадобилось усилие воли.

Я спустился вниз. Прополз к переднему люку, занёс над линем острое лезвие.

Как будто я собрался перерезать глотку любимому ягнёнку. Столько витков намотал, трудился, если распутывать, не меньше часа уйдёт.

— Ну? Не могу.

— Не валяй дурака, режь! Режь ты.

— Давай сюда этот проклятый нож.

Не успел я опомниться, как концы были разрезаны, гак, крепящий крышку к комингсу, отцеплен. Распахиваю крышку, голова и плечи следуют за ней; весь в поту, наполовину высовываюсь из люка. И не верю своим глазам: погода не изменилась.

Я вылез на палубу, прошёл в кокпит и сел, наслаждаясь душевным равновесием. И недоумевая, что это со мной было, что за наваждение? Поразительно, даже невероятно, но ведь было, никуда не денешься, даже немножко жутко.

Ветер продолжал спадать, и духота стала ещё более гнетущей. Я чувствовал себя совершенно обессиленным. Тело липкое, перепутанные волосы приклеилась к черепу. Проверил запасы воды. Истрачено больше половины галлона. Чёрт бы побрал меня и мою расточительность. Теперь нечего и помышлять о том, чтобы помыться вечером. Почти тысяча миль до суши, ветра всё равно что нет, давление высокое и устойчивое. И всего

пятнадцать галлонов воды.

— А плавание может продлиться ещё не одну неделю.

Как ни хотелось мне помыться, я понимал, что тратить воду на эту затею было бы безрассудством, и решительно отказался от неё. Когда начало смеркаться, в небе на юге как будто появилось тёмное пятнышко, чуть заметное, однако для меня весьма многообещающее. Шкваловая туча. Ветер — то, что от него осталось, — всё ещё цеплялся за ост, но эта туча шла с юга своим ходом, подчиняя себе ночь. Ветер продолжал спадать, и наступило безветрие. Но это не был полный штиль. Тёмное пятно стало гасить звёзды над южным горизонтом, потом изогнулось над яхтой. С левого борта донеслось лёгкое прохладное веяние. Вынесенные паруса обстенило. Я вышел на палубу и убрал генуэзский стаксель. Заодно ослабил предохранитель гика, после чего прошёл на корму и выбрал грота-шкот. Теперь пусть налетает, если хочет.

Шквал подкрался тихонько, прячась в ночи, будто кошка. Вот опять дохнул с левого борта. И ещё, на этот раз посильнее. Уже и над нами звёзды закрыло низкими чёрными тучами. Весь южный горизонт исчез, только с правого борта ночной небосвод ещё был чист. Новый порыв накренил яхту. Я привел её к ветру и подключил Майка, после чего спустился вниз, вылез из плавок и отыскал кусок мыла. И вернулся на палубу, ждать шквала. Он надвигался стремительно. Я слышал его, не столько ветер — он был не очень сильный, — сколько завесу дождя, которая, шипя, наступала на яхту. Казалось бы, прохладный ветер должен был меня подготовить, тем не менее ливень, когда он хлынул на палубу, буквально застиг меня врасплох. Он был ледяной. Я фыркал и ловил воздух. Яхта неслась сквозь ревущий туннель воды, а я стоял в кокпите и пытался намылить тело и голову. Мыло выскользнуло из рук, и я не сразу его нашёл. Слань была мокрая, того и гляди упадёшь. Наконец, намылившись, я опустил свои скользкие ягодицы на банку, задыхаясь от проливного дождя. Это был настоящий потоп. И ветер ему помогал, налетал на меня из мрака и хлестал тысячами жалящих капель. Трудно терпеть, но зато какой заряд бодрости! Я встал и повернулся лицом к ветру. Он больно стегал меня. Я сложил ладони чашечкой перед лбом и стал поливать волосы, смывая с них мыло и соль. Шквал начал стихать, и я постарался хорошенько отмыться, прежде чем он ушёл на север. Наконец-то тело чистое, но меня била дрожь. Живей вниз, где ждёт последнее сухое, жёсткое полотенце. Как чудесно растереться! И волосы чистые, можно вытереть насухо. Теперь разжечь примус. Чашку горячего чая, галеты с маслом и мёдом, чуточку бренди в чай.

Осмотреться, проверить горизонт. На юге, в пяти милях — судно. Можно нырять в спальный мешок. Ощущение чистоты, тепла и ясности мысли. На душе покой, нервное напряжение спадает. Закрыть глаза. Ветра нет. Грот оставлен, но шкоты выбраны натуго. Не забыть утром…

Сон — глубокий, бодрящий, без сновидений. Не мешает подшить углы сметанной на живую нитку души, износившейся от трения о несчётные дни и бесконечные ночи. Задача упрощается изменившейся перспективой.

До Бермудских островов всего восемьсот пятнадцать миль, на лаге — две тысячи пятьсот сорок четыре. Дистанция подходит к концу, наступает второе дыхание.

Атмосферное давление по-прежнему было высокое, даже поднялось за ночь, и теперь барометр показывал тысячу сорок восемь миллибар. Уж больно он щедрый на миллибары, но день ясный. Неровный зюйд-ост вынуждает то и дело поправлять паруса и автоматического рулевого. Ход хороший. Мимо проплывают большие комья водорослей. Приходится время от времени очищать вертушку лага. Стало прохладнее теперь, когда ветер на носовом курсовом угле и освежает нас с яхтой. Опять меня застает врасплох внезапное появление летучих рыб, которые вспархивают над удивлённым океаном, словно стая скворцов над тихим лесом. Одна залетела на палубу, вероятно, когда я был в каюте. Я нашел её слева от рубки уже мёртвую — жертву капризного случая. Совсем маленькая, от силы три дюйма в длину, ссохшаяся от солнечных лучей. Невероятно огромные глаза для такой крошки. Крылья, словно у стрекозы, — прозрачные, хрупкие, с прожилками. Трагический трупик. Не успел я предать его морю, как его тотчас схватил самый быстрый участник нашего конвоя, лишь вода булькнула, когда её всколыхнул жёлтый хвост. Миг, и будто не было рыбки.

И ещё одна небольшая трагедия. Я потерял жёлтое пластмассовое ведро.

Душа болит так, словно я потерял друга, тем более что сам во всём виноват. А кто же ещё? Наклонился через борт, чтобы зачерпнуть ярко-синей воды, которая неузнаваемо изменяется, попав в жёлтый сосуд. Едва край погрузился в море, как ведро налилось свинцовой тяжестью и вырвалось у меня из руки, прежде чем я успел сжать пальцы. Вон оно, у самой поверхности, поднялось вверх вместе с волной, перед тем как начать мрачное путешествие на дно океана, на глубину трёх тысяч саженей.

Я был привязан к этому ведру. Оно безропотно выполняло всё, что от него требовали. Кок Джек облегчал над ним свою душу, и я тоже. Какие лица заглядывали в него. Я мылся в нём

сам. Мыл посуду. Окатывал из него палубу. Смывал серную кислоту. Работящее ведро, и вот теперь его нет. Остался лишь его красный напарник. Тот самый, что стоит в гальюне; отныне ему отдуваться за всё. Н-да…

Ещё один день хорошего хода. Осталось до Бермудских островов семьсот двадцать пять миль. Пополудни впереди показывается какой-то тёмный круглый предмет. Изменять курс нет надобности, мы проходим рядом, в двадцати ярдах южнее. Предмет ржавый, с длинным хвостом из водорослей, диаметром около четырёх футов, и на столько же выдаётся из воды. Скорее всего мина.

«Нет, это просто смешно. Туда же, лезет рассуждать. Скорее всего мина! Я вас спрашиваю: откуда он может знать? Сказал бы уж: мне показалось, что это мина. Он увидел её на расстоянии трёх миль. Она отчётливо выделялась на гребне волны, этакий чёрный прыщ. Он ведь страшно гордится своим зрением. Ещё одна черточка, которая выводит меня из себя. И будет хвастаться так, словно подвиг совершил, а по чести, что тут особенного? Я смотрел на него, когда он только заметил эту штуку. Насторожился весь, что твой пойнтер на болоте, который почуял дичь. Теперь ему не даёт покоя мысль, сколько таких предметов проплыло мимо за все эти ночи. Я могу ему сказать. Десятки! Всякого вида, всякого рода, одни совсем притоплены, другие наполовину. Вот сейчас я в нескольких милях к югу вижу огромную деревянную балку. А вчера ночью яхта прошла в каких-нибудь нескольких футах от полузатопленной спасательной шлюпки, которую не первый год носит по морям, планширь и не видно, он вровень с водой. Я сижу и помалкиваю, жду столкновения. Вот была бы потеха. Увидеть, как он, словно сумасшедший, выскакивает из каюты. Спал, разумеется. Сколько я ему твержу, что он стал спустя рукава относиться к наблюдению. Представляете себе, с каким треском яхта врежется, скажем, в бревно вроде того, с которым мы разошлись накануне. У него будет всего несколько секунд на то, чтобы выбраться на палубу, обдирая голени о трап и завывая по-собачьи от отчаяния. Если ему повезёт, успеет ещё перерезать найтовы спасательного плотика, прежде чем яхта затонет, и следом за ним бросится за борт, в чернильную воду. И не сможет найти штерт для накачки плотика. А какая разница, он всё равно не уверен, что плотик удержался бы на воде, с самого начала считает себя чересчур тяжёлым для такого хлипкого сооружения. Допустим даже — он всё-таки сможет накачать эту штуку, заберётся на неё и будет сидеть на манер Будды неделю за неделей, беспомощно дрейфуя

в океане. Я вам прямо скажу, мне вовсе не улыбается составлять ему компанию. Лучше заранее расстаться, пока до этого не дошло. День за днём — на этом его резиновом плотике, нет уж, увольте. Он считает, что ему теперь туго приходится, подождите, то ли будет. У него сейчас по полгаллона пресной воды на день, на плотике придётся обходиться одной пинтой. Я его уже предупредил, объяснил, чтобы первые сутки совсем не пил, подготовил почки к тому, что их ожидает. Потеха! Пусть знают, что после нескольких дней потогонной работы они начнут усыхать по мере того, как его организм будет обезвоживаться под шлюпочным тентом. Конечно, он знает, что я его оставлю. Я его сколько раз предупреждал. И толковал ему, что хорошо ещё, если он сможет забраться на плотик. Примерно в полумиле к югу от нас ходят акулы — здоровенные бестии. Бедный Хауэлз! Я ему об этом говорил. Они живо пронюхают, что приключилось что-то неладное, и уж не упустят случая позабавиться. Сколько раз я видел эту картину. Плавающие в море люди. Заманчиво болтающиеся в воде ноги. И запах страха. Я сам его за милю чую. И акулы тут как тут, он не успеет даже помолиться этому своему дурацкому богу. Вы не знали, что он молится? Лишнее подтверждение того, что я вам ещё раньше говорил. Жалкий человек. Я в этом убедился. Да только никакие молитвы ему не помогут. Акулы всё равно приплывут. Он знает, чем это пахнет. Только вчера я ему всё подробно описал. Сперва они походят кругом, удостоверятся, что им самим нечего опасаться. Штук двенадцать их, может быть, больше, и вот одна, сама голодная, быстро так направляется к нему. Как ни плыви, как ни барахтайся, не уйдёшь. И первая же акула его доконает. С чего начнём — с ноги? Или с руки? Нет, не подчистую. Вы когда-нибудь видели пасть акулы? Её предназначение рвать, а не отсекать. Хороший вкус кровавого мяса из бедра? Или икра с любой из голеней? Вода розовеет от крови. А кричит-то. Нет, это слишком. Я не переношу вида страданий. И уж как начнут, ничто их не остановит. Живо налетят, остервенелые от крови и кусочков мяса в воде. Что ни выпад, то в цель. Удар в живот — и пошли рвать кишки, только разматываются в воде, будто лента. Может быть, ещё до этого одной из них приглянется лакомый кусочек на чреслах. Сколько раз я ему твердил, что гордыня до добра не доводит. В этих старых изречениях истина заложена. Разве нет?»

Провожая взглядом таинственный предмет, я спрашивал себя, сколько лет он уже странствует по морям…

Попозже в тот же день я принимал гостя — крупная птица с полчаса кружила в воздухе над яхтой. Казалось, она

подозрительно изучает пришельца, вторгшегося в её дотоле неосквернённую обитель. Некоторое время птица летела у нас над кормой, ничуть не смущая этим качурок, которых по-прежнему привлекала кильватерная струя. После каждого захода она оказывалась чуть ближе. Маленькая голова наклонялась то в одну, то в другую сторону — настоящее следствие. Не в пример качуркам птица эта казалась идеально приспособленной к воздушной среде. Большая, с наших валлийских чаек, оперение почти сплошь белое, и длинный развевающийся хвост, который поразил меня своей величиной. Лапки чёрные, клюв ярко-красный. Кончики крыльев тоже чёрные, и такого же цвета поперечные полосы украшали спинку. И так легко парит над волнами, совсем не шевелит крыльями, разве что дёрнется какое-нибудь перо. В этом обществе качурки напоминали испуганных мышек, нервно мечущихся под пристальным взглядом коршуна. Наконец, закончив осмотр, этот пернатый дурень попытался сесть на топ мачты. Помните юмористический сюжет с банановой кожурой? Почтенный джентльмен деловито шагает по улице, наступает на кожуру и летит вверх тормашками на потеху прохожим. Так вот, это было нечто в этом роде. Глупая птица, не довольствуясь преимуществами, дарованными ей природой, захотела немного прокатиться на попутной. Приблизилась к топу с подветренной стороны и медленно покружилась над ним, изучая его колебательное движение. Потом, примерившись, попробовала сделать посадку на три точки: две ноги и хвост. Но что за рефлексы! Или это она от волнения? Вот мачта на миг замерла, и птица идёт на посадку, воздушные тормоза включены, крылья трепещут. В последнюю секунду яхта накреняется, и пернатый пилот непростительно мажет. После нескольких неудачных попыток, сопровождавшихся жалобным писком, птица решила действовать более энергично, но перепончатые лапки сорвались с гладкой алюминиевой оковки, и она с хриплой бранью пролетела фута два вниз вдоль мачты, причём запуталась кончиком крыла в вымпельном фале.

Сидя в кокпите, я хохотал — впервые за много дней. Эта птица была прирождённым комиком. Длинный хвост придавал ей вид весьма почтенный и даже важный, для такой особы падение было особенно оскорбительным. После повторных неудач птица сдалась и возвратилась на свой боевой пост за кормой. Я наградил её бурными аплодисментами, которые, к сожалению, спугнули качурок. Впрочем, они быстро забыли про страх и возобновили свой танец на поверхности воды, явно вызывая зависть у своего родича. Я гадал, что это за птица? В моей книге о пернатых не было ничего похожего.

Заполняя вечером бортовой журнал, я обнаружил, что лаг опять отказал, стал его вытаскивать, чтобы очистить от водорослей, поскользнулся на юте и порезал подошву ноги об одну из барашковых гаек на кормовом рундуке. Ранка явно была пустяковая, я её продезинфицировал и залепил пластырем.

«Смешно, правда? Превосходный пример того, что я подразумеваю, говоря, что он жалкий человек. Я уже слышать не могу, когда этот увалень начинает зудеть про своё нескладное тело. Только и думает о нём, осматривает, щупает, сравнивает, что было ему по плечу прежде, а что теперь.

Просто отвратительно, меня буквально мутит. Я же вижу, он смертельно боится, как бы с ним чего не случилось. А мне-то что! Я ему толкую, что это меня не касается. Но он всё внушает мне обратное. Вот вам ещё одна его черта, которая выводит меня из себя. И будет, словно голубь в голубятню, снова и снова возвращаться к вопросам, которые я уже разрешил. Ты ему одно, а он тебе другое, копается в проблеме, с которой давно покончено. А всё его страх, который он носит, будто панцирь. Кончится тем, что я — может быть, уже в последний раз, — вернувшись, должен буду чуть не с боем занимать своё место. Наткнёшься на этакую стену страха, и придётся её обходить, а то ведь и не услышит тебя. Просто зла не хватает, стоит отлучиться на несколько минут, и тебя непременно ждёт какое-нибудь безобразие. Однажды он работал на баке, ерундой какой-то занимался, упал и решил, что сломал ногу, кажется левую. Вы бы слышали, как он охал и причитал, просто стыд. Я ему сказал, что это совсем ни к чему. Если сломал ногу — значит, сломал, охи да ахи не помогут. Ему ещё надо было добраться до каюты без посторонней помощи. Так вы бы послушали, как он выражался! Позор! Наконец, прополз на корму и свалился в кокпит. Наверно, и впрямь тяжко ему пришлось, когда он затем попробовал спуститься по трапу в каюту. Даже я ощутил капельку жалости к этой скотине. Он упал очень неловко, сломал ногу выше колена, а это, должно быть, похуже, чем перелом голени. Так или иначе, он плакал, словно ребёнок, когда, наконец, протиснулся в люк. С последних двух ступенек сорвался, и кость пропорола изнутри кожу. Честное слово, мне стало не по себе от такого зрелища. Потом он никак не мог дотянуться до аптечки. По правде говоря, даже сознание потерял. Мне очень хотелось ему помочь, но это было не в моих силах. В конце концов он всё-таки открыл аптечку. И чуть не разрыдался, когда увидел, что там нет морфия. Забыл, болван, как Дэвид Льюис говорил ему, что закон не позволяет возить с собой морфий. Пришлось довольствоваться болеутоляющими

таблетками, полученными от того же Дэвида. Да только он сказал, что от них мало проку.

Несколько дней он лежал в каюте. Я ему твердил, что на палубе будет лучше. Должно быть, мысль о трапе заставила его держаться внизу. Рана скоро загноилась, как я и говорил. Я ведь его всё время предупреждал. Ну вот, говорю, всё сбылось, о чём я предупреждал. В точности, говорю. А он в ответ давай поливать меня бранью. Вот и скажите, как помочь такому человеку? Ещё через два-три дня начал бредить, и стало совсем невозможно с ним находиться. Вот почему я теперь здесь, жду, когда он придёт в себя. До чего мне всё это опостылело».

Я был счастлив, когда настало утро четверга. Ночь далась мне нелегко.

Ветер, посвежев, усилил волнение, и, так как волны вместе с зыбью наступали слева по корме, автоматический рулевой не мог избавить яхту от сильной качки. Поэтому большую часть утра я сам стоял на румпеле. Несмотря на более высокую волну, палуба оставалась сухой. Под лучами палящего солнца я держал яхту устойчиво на курсе при попутной волне и чувствовал себя молодцом. В полдень на лаге было 2775, и обсервация показала, что до Бермудских островов остаётся всего шестьсот пять миль. Это уже вполне достижимая цель. Час за часом я управлял судном, оглядываясь через плечо на лаг и изрекая проклятия, когда на вертушку опять наматывались водоросли. Чуть ли не каждый пройденный десяток миль радовал меня, и всё время я смотрел в оба — не покажется ли какой-нибудь корабль. Настроение было ровное, какого я давно не помнил.

В то утро нам попадались пробковые поплавки, какими пользуются рыболовные суда. Для меня они были будто вести из другого мира. Мира деловитости, целенаправленности, строгого учёта времени, исходя из принципа «время — деньги». Для меня время тянулось будто резина. Неужели я всего тридцать шесть минут назад смотрел на часы? Я готов был дать голову на отсечение, что прошло больше часа. Весь ритм моей жизни словно замедлился. Может быть, это как-то связано с тем, что яхта пошла плавнее? Возможно. Но если дни кажутся бесконечными, как с ночами? Неделю назад они представлялись мне невыносимо долгими, теперь же существуют как бы отдельно. За ночь проходит целая жизнь, я вырастаю, борюсь и умираю. Ночью я могу отрешиться от себя и от яхты и совершить нечто небывалое. Я могу присоединиться к недавно навестившей нас стае дельфинов, и они сразу примут меня как своего. Вода для нас зелёная, корпус яхты — тускло-синий, и движение почти не

ощущается. Я легко плыву вместе со своими товарищами, и только при взгляде на поверхность моря надо мной осознаю, как стремительно мы рассекаем воду. Перо руля за кормой яхты — будто тонкий ломтик лимона. Дальше следует триммер, он поворачивается туда-сюда, отклоняя перо от диаметральной плоскости яхты, и она извивается в воде, словно угорь. Мы уходим от яхты и мчимся на север со скоростью двадцати, тридцати, сорока узлов. Душа ликует. Скользишь в воде, потом лёгкое движение хвоста, ты направляешься вверх и с выразительным хрюканьем выскакиваешь над поверхностью, прикрывая веками глаза от ярких солнечных лучей. Живо глотнуть воздух — и опять вниз, в кишащее жизнью море.

И вот уже четверг, 21 июля. Ещё сто двадцать девять миль намотано на вертушку лага. Самый большой суточный переход с начала плавания. Призрачное течение дня нарушается лишь однажды. Слева по носу появляются две здоровенные рыбины. Коричневые, с горбатой спинкой, из которой посередине торчит маленький изогнутый плавник. Меняю курс, чтобы обойти их стороной. Хоть они не такие огромные, как киты, а почему-то выглядят грознее. Трудно сказать, почему именно. У меня вызывает неприязнь их тёмно-коричневая окраска, отличающаяся от чисто коричневой, как графитный цвет от серого. Да ещё этот нелепый плавничок, будто аккуратные усики на верхней губе наёмного убийцы.

Пятница. Ветер — зюйд. Идём галфвинд, Майк отлично управляется. Снова хороший суточный итог: сто двадцать пять миль.

До Бермудских островов всего пятьсот десять миль.

Сегодня можно отложить в сторону океанскую карту и перенести наше местонахождение на адмиралтейскую карту, лист 3272. Район Ньюфаундленд — Бермудские острова, включая залив Св. Лаврентия и части восточного побережья Соединённых Штатов.

Ну что ж, во всяком случае, теперь мне легче представить себе дистанцию. Я часами изучаю подробности прибрежной полосы. Глядя на гораздо более частые пометки глубин (в районе трёх тысяч саженей), чувствую, что Старый Свет остался позади. Раньше я отчётливо сознавал, что иду через океан от одного континента к другому. Точки местонахождения выстроились долгой чередой, отмечая на карте моё продвижение за месяц с лишним. Теперь, когда эта карта отложена и не подстёгивает память, представляется, что у моего плавания не было «откуда», только — «куда», вот к этому берегу. Словно жизнь надолго, даже не счесть, на сколько, прервалась, теперь же появилась надежда

возобновить её нормальное течение. Но только надежда, к тому же чрезвычайно шаткая. Пополудни ветер постепенно спал, и под вечер мы опять заштилели.

Странно потерять ход после стольких дней движения. Больше двух недель был ветер, не тот, так другой, теперь же он исчез, а с ним и звуки, производимые им и волнами. Будто в большой комнате вдруг прекратилось громкое тиканье часов. Правда, рыб, которые сотни миль сопровождали яхту, остановка как будто не очень смутила. Любители тени в ней и остались, другие плавали вокруг, будто пассажиры, высаженные из поломавшегося межконтинентального автобуса.

В сплошном мрачном кольце, которым меня обложило моё уныние, был один просвет: отпала тревожная необходимость то и дело откачивать воду из трюма. Пока мы шли круто к ветру, против встречной волны, течь с каждым днём чуточку усиливалась. Утром лишний качок, вечером лишний качок, и так изо дня в день с нудным постоянством, которое точило мне душу. Как только подул благоприятный ветер, сразу стало полегче; течь есть, но совсем не то, что было. За последние двадцать четыре часа, особенно же за последние двенадцать и теперь, когда мы остановились, она свелась до минимума. Казалось бы, одной заботой меньше, однако всё было не так просто. Я не мог отделаться от тревоги и не мог ничего поделать с унынием, которое с самого начала плавания всё больше подрывало мою уверенность в себе. С тоской смотрел я на запад, где в каких-нибудь пятистах милях раскинулись Бермудские острова. Меня грызло нетерпение. Торчи здесь и жди ветра. Какой был у нас самый долгий штиль? Вахтенный журнал ответил мне — тридцать шесть часов. Не дай бог снова на такой же срок попасть в чистилище. Как там ураган? Наверно, уже разошёлся вовсю, неся лишения и погибель множеству людей на островах Карибского моря. В какую сторону он затем двинется? Я боялся думать об этом. Стоим на месте, скованные штилем в четырёх днях пути от гавани. Мой сжавшийся в комок рассудок просто не мог охватить реальность. Больше недели я не видел никаких судов. Мной владели безразличие и вялость, руки не поднимались делать даже самое необходимое. Идущая с юга зыбь раскачала яхту, и паруса настырно хлопали.

Пусть хлопают. Они же трутся, изнашиваются. Пусть трутся.

Нет энергии даже на то, чтобы выйти на палубу и потравить фал. Всего-то дела на девяносто секунд. Подняться по ступенькам, сделать два шага по палубе рубки, освободить крепительную утку и потравить.

К чёрту!

Качайся, хоть все жилы из себя вымотай, мне плевать. Протирай паруса насквозь. Проливай воду из чайника. Драгоценную воду. Болтайся в этой дыре до скончания века.

Я посмотрел на море — оно выглядело под стать моему расположению духа. Волнение усилилось. Облака сгустились. Смеркалось. Никогда ещё я не видел море таким недобрым. Безучастным видел. Видел огромный, не ведающий ни пространства, ни времени океан, хоть целый флот пройди — не заметит. Теперь у меня было странное чувство, что я перестал быть не заслуживающей внимания соринкой. Что-то переменилось.

Я обратился к богу с просьбой послать ветер.

В полночь ветер возвратился, и мы снова пошли вперёд. И достигли благодетельного рассвета — так поезд выходит из непомерно длинного туннеля, который вас оглушал, лишал зрения и забивал вам ноздри и рот пылью сомнений.

XII

Перемена обстановки.

В это субботнее утро я чувствовал себя, словно бегун, у которого на середине марафонской дистанции вдруг закололо в боку, однако он, ловя воздух, продолжал бежать, пока не обрёл второе дыхание. И теперь бежит дальше, пусть не так быстро, но с возросшей решимостью.

— Давно пора, а то я уже беспокоюсь, что это ты отстал.

В полдень я очень тщательно взял высоту солнца, после чего, заполнив журнал, управившись с ленчем и наведя порядок на яхте, достал последнюю банку пива и торжественно водрузил её на холодную плиту. Последняя банка.

Самая последняя банка, всё, что осталось от двух ящиков пива, погруженных на борт яхты в Плимуте перед началом рейса. Сильно побитая и помятая, тут и там пятнышки ржавчины, но всё-таки банка пива. Крепкий валлийский эль. Банку украшал вздыбленный дракон. Не то чтобы мне очень хотелось пива, но надо было отметить небольшое событие. Хотя из-за капризов ветра вертушка лага вращалась с переменной скоростью, каждый оборот приближал стрелки к вертикали. А когда они станут отвесно (этой минуты осталось уже недолго ждать), нами будет пройдено три тысячи миль от Плимутского мола. Три тысячи миль. Выбери я северный маршрут, печально подумал я, и были бы мы сейчас в Нью-Йорке. Но что толку теперь сокрушаться из-за этого промаха? До Нью-Йорка свыше тысячи миль, и ничего с этим не поделаешь. Лучше сосредоточиться на доступных мне простых радостях.

Две тысячи девятьсот девяносто восемь миль. Осталось всего две мили.

После некоторых поисков я нашёл ключ, соскрёб с крышки ржавчину тупой стороной складного ножа и тихо положил инструмент рядом с банкой. Это было похоже на какой-то смешной ритуал, но я твёрдо решил дождаться магической цифры. Вышел на палубу. Небо чистое, вот только ветер опять начал быстро спадать. От меня не зависело прибавить хода яхте, она и так несла полный грот и большой генуэзский стаксель. Рабочий стаксель, хоть и был прикреплён к кливер-штагу, лежал свёрнутый на палубе, его не было смысла ставить. Я взялся за румпель, решив бороться за каждый ярд. Во рту пересохло. Стоял жгучий зной. Пиво будет очень кстати.

2999,0.

Ветер окончательно стих, яхта еле-еле скользила вперёд.

Лаг остановился, яхта стала неуправляемой и медленно отклонялась к югу, хотя румпель был положен на наветренный борт. У меня потрескались губы. Может быть, отвязать весло и грести? Но ведь это будет мошенничество. Чуть дохнул капризный ветер, и мы продвинулись ещё на полсотни ярдов к западу. Ещё слабенький порыв — и ещё шаг вперёд. Похоже, начальник канцелярии погоды решил поводить меня на крючке.

По-прежнему безветрие.

Ладно, чёрт с ним.

Я отвязал весло и отнёс его на ют. Лаглинь безвольно свисал с поручней в воду, поддерживая латунную вертушку на глубине ста футов. Я её отчётливо видел, несмотря на искажение, вызванное слабым колыханием поверхностного слоя. Прежде чем галанить веслом, я выбрал несколько саженей лаглиня и улыбнулся про себя, обнаружив, что к нему тут и там пристали малюсенькие ракушки — явно члены клуба ротарианцев. Я воспринял их как товарищей по зыбкому существованию и бережно опустил обратно в воду, после чего принялся грести, утешаясь мыслью, что надо пройти меньше мили. Только я разогнал яхту, как слабый ветерок немного развеял зной и помог мне. Теперь я не грёб, а только правил веслом, и всё было очень мирно, как на реке дома в Сондерсе. Я запел:

Айе-Йе-Айе-Йо, Айе-Йик-А-Дии,
Айе-Йе-Айе-Ио, Айе-Йик-А-Дии.
Сэнди Великий, Сэнди Могучий,
Творец Королей, Исправитель Зла.

Остатки моих шортов могли бы украсить аборигена. Тело стало смуглым от загара. Волосы свисали до плеч, борода — почти до пупа; словом, красавец.

2999,5.

Я галанил в старом, привычном ритме, и мне пришло в голову, что возродить самоуважение в общем-то просто, надо лишь в любых обстоятельствах делать всё, на что я способен. Оглядываясь на истёкшую неделю, я чувствовал, что достиг дна, теперь оставался только один путь — наверх. Айе-Йе-Айе-Йо, Айе-Йик-А-Дии…

Я вспотел от прилежания.

Ещё один случайный порыв ветра вступил в пере-говоры с яхтой и убедил её немножко продвинуться. Вертушка ожила, словно нарочно держала несколько оборотов про запас. Пока я

галанил веслом без помощи ветра, она лениво тянулась за кормой и упорно отказывалась вращаться. Теперь мы развили ход около полутора узлов.

2999,7.

Я скатился вниз за пивом и ключом; ветер как будто установился.

2999,8… 2999,9.

ТРИ ТЫСЯЧИ МИЛЬ.

Как только стрелка подползла к заветной цифре, я с радостным криком проткнул крышку. Но где ответное шипение, которое издаёт нормальная, распираемая энергией банка с пивом? Я поднёс её к губам и отпил на пробу. Чёрт подери! Выдохлось, как новичок на длинной трассе. И мало того, что выдохлось, — оно ещё прокисло. Я снова попробовал, но пиво слишком уж смахивало на уксус.

— Проклятие!

Я вышвырнул банку за борт. Ещё одна уважительная причина спешить на Бермудские острова.

Ветер, слава богу, держался, и мы несколько чинно, но достаточно решительно шли вперёд, к месту свидания с вечером. Ночь выдалась благоприятная, дул тёплый зюйд; мы несли полные паруса, идя галфвинд. Что ни миля, одной меньше; раньше я видел только нарастающий итог. Мне не спалось. Попробовал включить радио, но батареи уже сели, через десять минут слышимость пропала. Отдохнув час, приёмник снова ожил, однако на ещё более короткий срок. Скрепя сердце я отставил его в сторону и пожелал, чтобы ночь провалилась в тартарары. На следующий день ветер начал крепчать, и к девяти часам утра был уже свежим. Я убрал генуэзский стаксель. Волны быстро росли, обретя былую энергию. В полдень мы шли крутой бейдевинд под одним зарифленным гротом, причём наш старый знакомый зюйд-вест по силе приближался к шторму. Яхта вступила в единоборство с короткой частой волной и заставила меня прилежно качать воду: тридцать качков перед ленчем, тридцать пополудни.

Я посмотрел на барометр; давление понизилось на шесть миллибаров. Мое настроение тоже начало падать. Вечером ветер немного присмирел, однако погода по-прежнему не сулила ничего хорошего. Волнение усиливалось, и с приходом ночи вернулись все мои прежние страхи. Несмотря на относительно слабый ветер, бейдевинд производил на меня удручающее действие после двух недель хода бакштаг и галфвинд. Над головой небо было ясное, однако впереди звёзды скрылись, и, высунувшись из люка, я увидел вдали отблески молний. Барометр

сообщил мне, что давление продолжает понижаться. Меня не покидало мрачное предчувствие, что нас ждут неприятности. Ещё одна ночь почти без сна. На рассвете тридцать качков, чтобы осушить трюм, да и ночью приходилось работать помпой. Небо хмурится, с юга идут шкваловые тучи. Опять я чувствую себя маленьким, тянет забиться в какой-нибудь уголок, но ведь нет такого уголка. Проклинаю собственное тщеславие, из-за которого я попал в эту переделку. Я изо всех сил старался подчинить себе свои чувства, но они буквально выскальзывали у меня из потных рук, судорожно пытавшихся хоть что-нибудь удержать. Я достал вторую бутыль «Будь здоров». Первая давно кончилась, да и эта была на исходе, на самом дне медленно переливался грязно-жёлтый отстой — всё что осталось от галлона сладкого гоголь-моголя с хересом. Никакого сравнения с рецептом на роме, но всё-таки лучше, чем ничего. Я вылил остатки в пострадавшую кружку. Маловато… И какие-то тёмные крупинки плавают. Попробовал — скрипит на зубах. Видно, начал портиться. Мне стало противно, и я отправил его за борт вместе с кружкой.

Из-за дождя и облачности утренняя обсервация не состоялась. Тучи нависли совсем низко, однако в полдень мне посчастливилось, на миг выглянуло солнце, и я смог определить широту, правда весьма приблизительно. Повторную визировку провести не удалось, тучи сомкнулись и снова принялись поливать море. Дождь привёл с собой ветер; подтверждая показания барометра, к пяти часам зюйд-вест достиг силы шторма.

К этому времени я убавил паруса, мы шли под глухо зарифленным гротом и штормовым кливером, но и этого было слишком много. При шквалах яхта сильно ложилась и тряслась, как пёс, отряхивающийся после купанья. Брызги летели во все стороны. Качка была страшная.

С трудом я выбрался из каюты на ходившую ходуном палубу, чтобы убрать кливер. Ветер громоздил волны поверх крупной зыби, и, пока я возился с отчаянно хлопающим парусом, яхта зарылась в крупную волну. Бурлящая вода захлестнула меня до колен и вырвала из рук кливер. Оглянувшись назад, я с ужасом увидел, что только мачта и бугель гика не поглощены океаном. Но яхта выровнялась, и я поблагодарил господа бога, что задраил грот-люк. Потом вспомнил, что у меня не закреплена крышка переднего люка, обозвал себя идиотом и принялся торопливо убирать грот.

Спустившись в каюту, я как мог задраил передний люк. Нос яхты так сильно кидало, что поминутно приходилось всё бросать и держаться обеими руками. Несмотря на большую зыбь, волны

были не такие уж крупные, только невероятно крутые, и, когда яхта переваливала через очередной гребень, можно было подумать, что её сбросили из окна второго этажа. На самом деле высота, наверно, не превышала десяти футов, но томительная пауза между зависом на гребне и громоподобным падением в ложбину помогала воображению нарисовать страшную картину.

В каюте царил ералаш. Банки с галетами, сорванные с полок, почём зря разбрасывались своим содержимым. Пустая бутыль из-под «Будь здоров» лениво перекатывалась взад-вперёд. Я использовал её как подпорку для крышки переднего люка, она пришлась в самый раз. Сложенные перед мачтой паруса исполняли какой-то хитрый номер. Когда яхта ныряла в ложбину, они, словно кошка, собирались для прыжка; в следующую минуту она взмывала на гребень, паруса отрывались от палубы и, пока яхта переваливала, на секунду повисали в воздухе — ни дать ни взять блин, подбрасываемый ловким поваром. Примус отчаянно качался на подвеске и никак не мог приноровиться к порывам яхты. Она то разгонялась, то притормаживала; иногда её скачки совпадали с инерцией примуса, и он с грохотом ударялся в упоры, рассчитанные на крен в девяносто градусов. Оба люка протекали — протекали хуже, чем когда-либо. Сквозь грот-люк вода лилась на столь старательно высушенные мной спальный мешок и подушку, а передний люк с его слабым комингсом без промаха мочился мне попеременно то на правое, то на левое плечо, в зависимости от крена. В довершение этой безрадостной картины под еланью каюты угрюмо плескалась трюмная вода; судя по струйкам, время от времени пробивавшимся в щели между досками, её накопилось больше, чем когда-либо.

Потрудившись четверть часа на помпе, я осушил трюм, после чего поднял несколько досок и, подбирая спички и мокрые клочки бумаги, получил возможность воочию увидеть, как струйки морской воды сочатся из швов в обшивке и стекают в хлюпающий фильтр, который только что был сухим. Ничего опасного, конечно, я это знал, и всё-таки это зрелище меня ничуть не радовало, тем более что я был бессилен что-либо сделать с течью.

Кончив собирать засоряющие помпу спички, я уложил на место елань. Примусом нельзя было пользоваться, поэтому я откопал банку саморазогревающегося супа, нашёл сухую спичку и, бормоча слова благодарности мистеру Хайнцу, поджёг фитиль. Горячее варево и несколько галет принесли мне огромную пользу. Сильный ветер не зря потрудился, за несколько часов волны заметно выросли. Правда, я видывал волну покрупнее, но яхте доставалось тяжело. Руль оголтело болтался. Пользуясь тем, что

дождь на время перестал, я отважился выйти в кокпит. Слава богу, температура воздуха ещё позволяла обходиться без одежды.

Неугомонный ветер гнал низкие чёрные тучи, которые словно вырастали из моря на горизонте. Срывая курчавые шапки с дыбящихся гребней, он осыпал водяной пылью подветренный борт. Яхта дрейфовала перпендикулярно к волне с закрепленным рулём; флюгер Майка вздрагивал от шкваликов. От давления ветра на мачту судёнышко сильно кренилось. Хорошо ещё, что оно не пыталось подниматься к ветру, а качалось, будто птица, спрятавшая голову под крыло. Нас сносило под ветер со скоростью больше узла, при этом шхуна создавала гладкую поверхность с наветренной стороны, которая гасила не один угрожающий гребень. За пределами гладкой поверхности, спереди и сзади, с нарастающим рёвом бесновались волны.

Увёртываясь от брызг, которые норовили стегнуть меня, будто плёткой, я стоял в люке и созерцал эту картину. Ко мне постепенно возвращалась былая уверенность. Яхта держалась молодцом, принимая

???????

себя могла перенести такой удар. А она уже снова трудилась — наклонив по ветру мачту, легко взмывала на крутую волну, пока я лежал, стараясь отдышаться и выяснить, где мои ноги.

Теперь парус полоскался у меня над головой, и шкотовый угол хлестнул меня за ухом, заставив быстро пригнуться. Пожалуй, проще перевернуться на спину. Упираясь ногами в такелаж и рубку, я обеими руками стал лихорадочно подтягивать хлопающую парусину, как будто от успеха этого дела зависела моя жизнь. Впрочем, кажется, и впрямь зависела.

Я собрал парус, хорошенько его закрепил, не пожалев лишнего сезеня, после чего, держась за мачту, поднялся на ноги.

Избавленная от нарушающей центровку нагрузки в носовой части, яхта опять плавно дрейфовала, послушно поднимаясь и опускаясь по воле проходящих волн. Они стали ещё крупнее, но громадными их по-прежнему нельзя было назвать. Просто уж так вышло, что штормовой порыв совпал с крутой волной и лихо сорвал с неё гребень. Стоя в рост, я льнул к мачте — не очень широкое, но всё-таки укрытие. Ветер завывал в такелаже и пронзительно взвизгивал, когда яхта, резко накренясь на гребне, рассекала его мачтой. Я посмотрел наверх — вымпел Сондерсфутского яхт-клуба был на месте, хотя его частично сорвало с проволоки. Язык вымпела трепетал так часто, что ухо не различало отдельные хлопки. Будто великан разрывал бесконечный рулон хлопчатобумажной материи. Добрый старый Валлийский Дракон тоже держался. Кайма давно исчезла, он

грозил истрепаться в лоскуты, но с моего места казалось, что его это нимало не тревожит.

Я быстро обвёл взглядом горизонт. Далеко на юго-западе блеснул луч надежды. Между тёмным морем и ещё более тёмными облаками был узкий просвет, суливший, пусть не скорое, изменение погоды к лучшему. Прихватив на всякий случай грот ещё одним сезенем и с тревогой посмотрев на грозные волны, я отцепил сбрую и прошёл в кокпит. Здесь я не стал задерживаться, а быстро отодвинул крышку люка и спустился в каюту.

Опять пришла пора откачивать воду. Двадцать-тридцать качков, которые сами по себе не доставили мне никакого удовольствия, но зато как приятно было слушать поистине музыкальный звук, когда помпа заработала вхолостую. Только человек, сам знающий, что значит плыть одному в редко посещаемой части океана, в двухстах милях от суши, может полностью его оценить. На палубе — порядок, каюта относительно опрятная, делать больше нечего, и я решил лечь спать. Такое решение может показаться странным, как будто я бросил яхту на произвол судьбы, но приятный для яхтсмена факт заключается в том, что самое подходящее место для него — койка. Любое движение настолько затруднительно, что вы долго размышляете, прежде чем браться за какое-либо дело. Растираясь полотенцем, я вдруг захотел пососать помадку. На палубе я не чувствовал холода, когда же спустился вниз, обнаружил, что руки и ноги окоченели, сел на койку и начал вытираться влажным полотенцем. Я нашёл помадку (пять минут прочёсывания рундуков, в которых царил полный беспорядок), швырнул окончательно намокшее по-лотенце в носовой отсек и влез в спальный мешок. Ветер не унимался, люк протекал, но я был готов с этим мириться.

Теперь, когда дело дошло до шторма, многие из моих прежних страхов ветер унёс вместе с брызгами.

Я давно пытался себя убедить, что затяжной штиль — самое тяжкое испытание, какое только может выпасть на долю одиночки, разумеется, за исключением катастрофы. И вот практика как будто подтверждала мою теорию. Для меня нашлось множество дел, и каждое дело требовало вдвое больше времени, чему я был только рад.

Я прислушался к вою ветра в такелаже. Всё на той же высокой ноте?

Или сейчас чуть пониже? А впрочем, стоит ли напрягать слух, чтобы определить разницу. Барометр перестал падать, уже это благо. Не успел я додумать до конца эту ободряющую мысль, как

яхта споткнулась на очередном гребне и за свою неловкость была наказана — приняла ещё тонну воды, на сей раз преимущественно на корму. Вода наполнила кокпит. Я почувствовал, как яхта осела кормой, и услышал бульканье в сливных трубах. Как долго вытекает вода! Не забыть в следующий раз поставить трубы большего диаметра. Несмотря на липкую от соли кожу, я начал согреваться и лишний раз подумал, что спальный мешок — лучшее место, когда надо переждать шторм.

Наверно, я устал больше обычного, потому что проспал несколько часов, во время которых вся обстановка переменилась. Это само по себе показывало, что я отчасти преодолел свой душевный разлад. Крепкий и долгий сон освежил меня; тем временем шторм утихомирился и день подошёл к концу; смеркалось. Я прислушался — как ветер, но ничего не услышал. Мне стало не по себе. Я знал, что волнение не прекратилось. Яхта по-прежнему то ныряла, то вставала на дыбы; пожалуй, её бросало ещё сильнее, так как без давления ветра на мачту и такелаж она стала менее устойчивой. Я никак не мог сориентироваться в новой обстановке и несколько минут лежал, постепенно возвращаясь к реальности. Наконец решил встать и обнаружил, что левая нога не гнётся и болит при прощупывании выше колена. Странно, ложась, я ничего не заметил. Правое плечо тоже дало себя знать, когда я приподнялся на локте. Одно оставалось неизменным: вода в трюме, опять она переливалась взад-вперёд. Что ж, первая задача ясна.

Я выполнил это дело прежде, чем выглядывать наружу.

Оно было достаточно важное.

Теперь открыть люк и осмотреться. Почти полное безветрие, чёрт бы его побрал, и сумрачно. И хотя небо было ясное, хорошо видно звёзды, я почему-то вспомнил, что так же сумрачно было в разгар шторма. По-прежнему поверхность моря вспучивали высокие бугры, но если раньше полчища волн сплочёнными рядами шли на северо-восток, то теперь они бесцельно метались в разные стороны. Трудно было поверить, что совсем недавно они составляли вымуштрованные полки великанов, которые рёвом отзывались на повелительную команду ветра. Разболтанный во всех суставах океан привёл в смятение яхту, она поминутно кренилась, тщётно пытаясь идти в ногу с шагающими вразброд волнами. Я вернул на место грот и стаксель, но безветрие и неистовая качка лишили смысла этот маневр.

Вскоре совсем стемнело, заодно подул ветер, умеренный вест. Ветер пригнал облака, первым признаком этого явилось исчезновение звёзд на западе, потом они пропали и над нами остались только те, что мерцали над восточным горизонтом. А

затем их тоже закрыло, и, хотя самой тучи нельзя было различить, она давала о себе знать незримой тяжестью. Я представлял её себе грозной, нависающей низко под яхтой. Один за другим налетали ливневые шквалы, дождь злобно шипел на море и презрительно барабанил по палубе. Мне было не до сна. В первые часы ночи переменчивый ветер вынуждал меня то брать, то отдавать рифы на гроте, пока мне не надоело ставить полные паруса, когда ветер немного спадал, тем более что это случалось не так уж часто. В последний заход на палубу я заметил прямо по курсу и чуть южнее отблески молний. Я постоял, завороженный тревожными вспышками, которые были пока слишком далеко, чтобы усилить своё жуткое очарование раскатами грома. Но гроза приближалась, и даже сквозь плеск моря и шум ветра в такелаже я слышал, как молнии всё чаще и чаще сопровождаются рокотом, вызывающим тягостное чувство под ложечкой. Мне было страшно, я попал в положение, которого любой ценой предпочёл бы избежать, и некуда было деться.

Тяжёлая чёрная туча простёрлась с севера, захватывая западную часть неба, до не менее тёмного южного горизонта на юге, и молнии озаряли её бугристую поверхность. Теперь она наступала на яхту, прощупывая шипящий океан раскалёнными добела пальцами. Хотя нас разделяла целая миля, даже больше, гром уже достиг той силы, когда он устрашает слух и побуждает руки стиснуть голову в тщётной попытке подбодрить её. Туча надвигалась всё ближе, ослепляя даже защищённый глаз и ошеломляя разум величественным спектаклем.

Я сидел в каюте и дрожал от страха.

От сильных порывов яхта резко кренилась, потом возвращалась в более естественное положение. Казалось, не случайно эти маневры совпадали с раскатами грома, синхронизированными с разветвляющимися над яхтой молниями. Я не мог оставаться внизу. Подбежал к люку и высунул наружу голову — единственный доступный мне жест непокорства. Гроза со всех сторон обложила судёнышко. Гром рокотал непрерывно, то удаляясь, то переходя в оглушительные залпы, от которых я непроизвольно приседал. Море и небо слились в жарком, не признающем умеренности объятии. Среди этой свистопляски яхта с её торчащей к небу высокой металлической мачтой напоминала тщедушного миссионера, вотще вздымающего вверх укоризненный перст перед лицом разнузданной оргии первобытного племени. Подавленный зрелищем разгула могущественных стихий, я не мог себе представить ничего более неуместного в такой обстановке, чем эта металлическая мачта. Она напрашивалась на большие неприятности.

И я был бессилен что-либо сделать.

Словно уверовав в некое всемогущее божество, я начал молиться.

Я принялся откачивать воду и обрёл ещё один источник бодрости.

Каждый качок подстёгивал мой дух.

Каждая молитва придавала силу моей руке.

Я продолжал работать помпой. Качок — ещё кружка воды проделывает пятифутовый путь под блеск молнии и раскат грома.

Я был частицей могучей симфонии.

Вот уже трюм осушен, но буря над моей головой продолжает бесноваться. Страх окутал меня сплошной пеленой, вызывая отвращение к себе. Целую вечность я купался в холодном поту, наконец гроза прошла на восток, предоставив фолькботу нести свою терроризированную команду навстречу неугомонному весту.

За ночь зыбь достигла чудовищных размеров, и воспалённые глаза рассвета увидели волнение небывалой мощи. Море оставалось чёрным, и небо продолжало хмуриться. Прошла шкваловая туча, обрушив на яхту ливень, сравнимый только с водопадом. На юге ещё одна дождевая завеса, всех обгоняя, как будто сулила усиление ветра, однако присмотревшись к ней, я заключил, что её ярость пройдёт стороной.

Я пошёл вниз, чтобы приготовить чашку чаю.

Чайник одобрительным шипением отозвался на горячее гудение примуса. Неся умеренные паруса, яхта продолжала идти против свежего веста. Было пять часов утра, я сидел, обняв колени, на койке у правого борта и нетерпеливо ждал, когда закипит чайник. Люк был закрыт.

Я размышлял, что предпочесть на завтрак — галеты или банку сардин, вдруг яхта вильнула, будто велосипедист, на секунду утративший равновесие. Потом она выровнялась, но тут послышался нарастающий гул курьерского поезда. Без дальнейших предупреждений судёнышко получило удар, который положил его набок. Удар был быстрый, словно нанесённый когтистой лапой, но достаточно убедительный, как дубинкой по голове. Я опрокинулся вверх ногами и ударился затылком в борт. Чайник составил мне компанию и врезался в комингс рубки, гремя крышкой и расплёскивая кипяток.

В одну секунду яхта опрокинулась!

Могучая рука окунула в воду мачту и паруса.

Я силился встать на ноги. Несколько мгновений, которые казались мне вечностью, искал я, за что ухватиться, наконец нашёл, подтянулся, встал на край койки и дёрнул задвижную крышку люка. Её явно заело.

Яхта чуть приподнялась, градусов на десять. Люк подался, и ветер приветствовал меня воем, от которого у меня на секунду перехватило дух и онемели руки и ноги. Яхта по-прежнему лежала на боку, вода заполняла кокпит и лизала комингс люка. Судёнышко неуверенно пыталось выпрямиться, словно боксёр, оглушённый мощным ударом, но работающие на разрыв, выбранные втугую паруса тут же клали его в подветренную сторону. Яхта совсем потеряла ход и апатично барахталась в воде, избиваемая ветром, пронзительный визг которого превосходил всё, что можно себе вообразить.

Сколько времени прошло от нокдауна до того момента, когда я стал протискиваться в грот-люк? Этого я никогда не узнаю. Такие события измеряются не временем, а накалом; он был предельным.

Я был голый, и страховочная сбруя осталась лежать внизу — до таких ли тонкостей, когда надо немедленно убирать паруса, пока мы не лишились мачты (просто чудо, что она ещё уцелела). Выбравшись из накренившегося люка, я пополз вперёд. Всё равно что ползти по крутому скату крыши, держась руками за конёк, роль которого в этом случае играл планширь. Да ещё надо было следить, чтобы не запутаться ногами в тросах и притопленном леере правого борта.

Оглушительный рёв буквально закладывал уши.

Среди крутоверти пены и брызг я дотянулся одной рукой до мачты, другой схватил фалы и освободил их.

Ничто не изменилось.

При таком крене я фактически тянул паруса к ветру, а не от ветра. Я не сдавался и вырвал немного парусины из его хватки; правда, отвоёванное тут же ложилось на воду. Нок гика исчез в волнах. Снова и снова я дёргал переднюю шкаторину грота — без толку. Ползунки заело? Несмотря на страх, я сообразил, в чём дело. Отыскал зацепившийся фал и принялся его освобождать. Эта работа требовала обеих рук, а яхте вздумалось резко накрениться, и я свалился в море через подветренный борт. С лихорадочной поспешностью вылез я обратно на палубу.

Всхлипывая от страха и зарождающейся спасительной ярости, я нашёл проклятый узел, надевшийся на багор, отцепил его и вернулся к парусу, который явно решил не уступать без боя ни дюйма мачты. Взяв первый попавшийся конец, я набросил шлаг на грот, укротил его, потом снял упирающийся кливер.

Освобождённая от непосильной нагрузки, яхта слегка откренилась. Я торопился свернуть развевающиеся паруса. Ливень хлестал бичом моё голое тело, и я кричал от боли. Тысячи игл кололи меня, побуждая прилагать нечеловеческие усилия,

чтобы убрать паруса быстро, но достаточно надёжно. Затем я метнулся обратно в кокпит, закрепил руль на подветренном борту, бросил взгляд на автоматическое рулевое устройство, убедился, что оно почти не пострадало, и через ещё не просохший кокпит покинул сцену, где разыгралась такая бурная драма.

В каюте царил хаос. К чайнику на елани присоединилось два десятка других предметов. Не каюта, а свинюшник. Меня била дрожь, и я попробовал найти полотенце, но они все были мокрые. Взяв наименее влажное, я начал растираться, одновременно пытаясь сообразить, сколько же я пробыл на палубе. Может быть, пять минут, может быть, полтора часа… Я поглядел на наручные часы, точнее, на запястье, где они находились.

Часов не было.

Я не верил своим глазам. Пощупал запястье, на нём была светлая полоса там, где часы защищали кожу от солнечных лучей. Быстро осмотрел елань, перебрал кучу барахла, скопившуюся на правой койке. Нет часов. Опускаясь на елань, я обнаружил, что правая нога плохо гнётся — колено распухло и отзывалось болью на прикосновение. Я открыл люк и заглянул в кокпит (вода, наконец, ушла), но и здесь не было часов. Посмотрел вперёд — какое там, при таком крене на палубе незакреплённый предмет и десяти секунд не пролежал бы. Ветер продолжал лютовать, поэтому я не замедлил убрать голову из-под жалящего душа и задвинуть люк.

Разум не хотел мириться с пропажей часов. Я дотошно обыскал всю каюту, поднимал каждый предмет, перетряхнул всю одежду, вывернул наизнанку постель, осмотрел трюм, рундуки, всё больше и больше удаляясь от самых вероятных мест, наконец зарылся в мешки с парусами и мокрую одежду в носовой части — может быть, их сюда занесло? Задача казалась бесконечной и безнадёжной, однако я не хотел сдаваться. Вопреки всякой логике я продолжал надеяться, что часы слетели у меня с руки в каюте, хотя с каждой минутой крепло убеждение, что их сорвало, когда я сражался на палубе с парусами. В конце концов я капитулировал, не столько потому, что прекратились сомнения, сколько из-за боли в ноге. В душе теплилась нелепая надежда, что более тщательные поиски (куда уж тщательнее!) помогут обнаружить часы. И, оставив каюту неубранной, я с некоторым трудом забрался в спальный мешок.

Я чувствовал себя предельно измотанным. Постель была мокрая, тем не менее просто лежать, освободить от нагрузки ногу было великим облегчением. Я попытался вспомнить, что произошло за последний час. Конечно, утверждать, что часы были у меня на руке при выходе из каюты, нельзя, но я почти не

сомневался в этом. Последняя запись в вахтенный журнал была внесена в четыре утра, я ещё взглянул тогда на часы. Оставалось одно естественное объяснение: когда меня в разгар схватки с парусами бросило в подветренную сторону, браслет зацепился за такелаж и не выдержал. Не мог я вспомнить и другого: когда ударился коленом. Ушиб был серьёзный, болело так, словно я повредил мениск; знакомый недуг. Сразу два прискорбных события, впрочем сейчас оба казались мне пустяковыми. Что меня действительно беспокоило, так это хлюпающая в трюме вода. С койки я мог дотянуться до помпы. Девяносто качков понадобилось, чтобы осушить трюм. Не иначе, проклятая вода опять подобралась к самой елани.

Всё ещё бушевал неистовый ветер, но качка стала чуть более упорядоченной.

А меньше чем через час ветер спал до свежего. Тем временем я урвал немного крайне необходимого сна и, мобилизовав всё рвение, на какое только был способен, навёл порядок в кают-е. Подобрал сильно побитый чайник и снова водрузил его на примус, от души надеясь, что на сей раз всё-таки удастся попить чайку. После чего, прихрамывая, выбрался на палубу, чтобы ознакомиться с положением вещей.

В придачу к огромной зыби разгулялась крупная волна, однако она не представляла опасности, лишь изредка поддавала на палубу да щедро разбрасывала брызги. Мачта стояла на месте, рабочие паруса лежали, закреплённые, на палубе. Прежде чем проходить вперёд, я освободил руль и осмотрел Майка. Ему немножко досталось: противовес был погнут, упоры, ограничивающие движение триммера, смяты.

Ничего, будет работать, а несколько хороших ударов молотком и вовсе приведут его в порядок. Затем я прошёл к рубке и стал проверять грот. Больное колено ещё не гнулось, поэтому я работал особенно осторожно.

Из стальных ползунков многие разошлись, их надо было менять, сам же парус, хоть и распоролись некоторые швы, вполне мог работать. Зато все латы были сломаны. Ясеневые разлетелись на куски длиной не больше четырёх дюймов. Я рассчитывал быстро извлечь их из карманов, но не тут-то было. Только на один лат у меня ушло двадцать минут, после чего сочетание ноющего колена и вспыльчивого нрава вынудило меня искать внизу более удобное сиденье. Сняв ползунки с рельса, я затащил большую часть грота в каюту.

Извлекать из тугих карманов обломки латов оказалось препротивным делом. Каждая щепка, подавшись на какую-нибудь долю дюйма, тут же снова застревала. Хотите — верьте, хотите —

нет, но я провозился больше трёх часов, исключая перерыв на чай и другие, неизбежные при такой нудной работе перерывы. В конце концов взамен старых были вставлены новые, пластиковые латы, грот и стаксель подняты, и я облегчённо вздохнул, когда яхта снова пошла на запад.

Плотная облачность не позволяла провести обсервацию, но счислимое место в двенадцать часов дня, в четверг, 26 июля, было — 32° 54 северной широты и 62° 05 западной долготы. Другими словами, чуть больше ста двадцати миль отделяло нас от Бермудских островов. И поскольку мы находились несколько севернее архипелага, я сел, чтобы поразмыслить, как поступить дальше.

Без хронометра я не мог точно определить свою долготу, возможна ошибка в десять миль и больше. Ладно, пойду на юг, пока не окажусь точно на широте архипелага, потом двинусь на запад, как делали в старину, когда не было радио и сигналов точного времени.

Весь день дул преимущественно вест, часто находили дождевые тучи, волнение было исключительной силы. Я включил радио, но за пять минут, пока тянули батареи, услышал только треск да щелчки — тревожное свидетельство того, что поблизости ещё бродили грозы. Мы шли на юг против волны, и время от времени я принимался откачивать воду. Пятьдесят качков, сорок качков, пятьдесят с лишним. Что-то уж очень сильная течь. В среду утром ветер стал лёгким и переменным; пришлось поневоле уделять яхте больше внимания. Колено совсем разболелось, и я ещё раз понял, как важно моряку на малом судне сохранять подвижность даже для самых простых дел.

В полдень я собрался определить широту, но меня подвела погода — солнце, успев дойти до зенита, неожиданно скрылось за облаком. Без часов я мог лишь очень приблизительно вычислить своё местонахождение — что-то около 32° северной широты и девяносто миль к востоку от Бермудских островов. Похоже было, что мы чересчур далеко забрались на юг, и я внёс поправку в курс. Следующие двадцать четыре часа были сплошным, выматывающим нервы бдением. Я прошёл три тысячи пятьсот миль от Плимута, вот-вот должна была показаться земля. Не Нью-Йорк, конечно, но всё-таки земля. Всё равно какая. Теперь, когда волнение поумерилось, течь стала меньше, но это меня даже не очень занимало. Я думал прежде всего о подходе к берегу.

Главный остров — сравнительно невысокий, длина неполных пятнадцать миль, ширина — около пяти миль, с трёх сторон его окружают разбросанные на большой площади коралловые рифы. Карта сообщала также о местных магнитных аномалиях в этом

районе. Я потерял часы, ни один из двух приёмников не работал, погода не сулила ничего доброго. Правда, ветер держался умеренный, но множество плотных свинцовых туч тащились друг за другом. Одни свисали вниз, другие по-змеиному уползали на огромную высоту. Кругом сверкали молнии и ворчал гром. Хотя до вечера было ещё далеко, тучи так плотно застилали небо, что царили сумерки. Медленно катились тяжёлые чёрные валы. Атмосфера была гнетущая, я задыхался и наблюдал за небом, пытаясь опознать доносящийся откуда-то сверху басистый гул. Над нами, исследуя гряду облаков, неутомимо кружил самолёт. К моей великой радости, он вышел за нижнюю границу облачности и пролетел над самой яхтой. Четырёхмоторная машина с большими ярко-оранжевыми кругами на фюзеляже и хвосте. Вспомнилась фраза, которую я кое-как разобрал, слушая радио накануне:

— Самолёты группы «Харрикейн-Хантер» высланы…

Ладно, бог с ним, с этим самолётом. К тому же он опять поднялся над облаками, чтобы нести дозор. Весь остаток дня я слышал гул мотора этой, а может быть, и других машин.

Меня удивляло, что при такой устрашающей облачности, с бурным восходящим и нисходящим движением воздуха держится всего-навсего свежий ветер. В атмосфере действовали колоссальные силы. Рокотал гром. Сверкали молнии. Поражённый, я смотрел, как облака, струясь, возносятся вверх на тысячи футов. Величественный спектакль, а внизу по бурному океану пробиралось маленькое судёнышко. На всякий случай я взял два рифа на гроте и поставил малый кливер — не хотелось, чтобы меня застигло врасплох нечто вроде вчерашнего шквала; где-то явно назревал шторм.

Вечером ветер настолько ослаб, что я, несмотря на свои опасения, увеличил парусность, чтобы яхта хоть сколько-нибудь продвигалась на запад. Всю ночь наш ход сопровождался непрерывной иллюминацией и громовыми раскатами — то отдалёнными, то совсем близкими. Грозная ночь без сна, но не лишённая проблеска надежды.

Главный остров неуклонно приближался.

Утром во вторник, 28 июля, атмосферные условия оставались прежними, и снова в небе без конца кружили самолёты (в бинокль я опознал четырёхмоторные «констеллейшн»). В полдень — ещё одна наспех проведённая обсервация, которая опять дала примерно 32° северной широты. Мы снова изменили курс и пошли на северо-запад, полагая, что нас отделяет от острова миль сорок; на лаге было три тысячи четыреста тридцать пять миль.

Из-за растущего возбуждения я не чувствовал ни малейшей усталости, хотя не спал уже больше двух суток. Как только ветер спадал, я сам становился на румпель и, освежаемый дождями, вёл яхту навстречу земле.

Меня одолевал очередной приступ «навигационита». Другими словами, меня терзала тревога, что я неточно определялся. Семь недель в море, сколько толчков выпало на долю секстанта. Вдруг появилась какая-нибудь скрытая неисправность? Можно ли положиться на компас? Когда я последний раз рассчитывал поправку? Но в глубине души я не придавал большого значения всем этим сомнениям. Я отлично знал, где мы находимся. Чувствовал печёнкой. К тому же меня утешал тот факт, что перед каждой обсервацией я проверял секстант и, кроме того, не упускал случая определить проверку компаса по восходу или заходу солнца.

Теперь моё плавание в чём-то напоминало беременность. Исход был очевиден, хотя и давал повод для тревожного ожидания. Я знал, что наше прибытие в порт — только вопрос времени.

Вечером небо на юге ещё сильнее нахмурилось, заставив меня убрать все паруса, тщательно закрепить на палубе всё, что могло сместиться, хорошенько прибрать в каюте. Туча стремительно надвигалась на яхту, и я поручил Майку уходить от неё. И на этот раз нас первым настиг ветер, который быстро окреп до шторма. Море ещё не успело отозваться на его яростный вой, когда из самой чёрной и низкой тучи, какую я видел за всё плавание, на нас обрушилась стена воды (слово «дождь» здесь просто не годится). Она сплющила волны, каскадами низверглась с рубки, затопила кокпит. Всемирный потоп. Я отсиживался в каюте. Яхта шла с попутным ветром, обгоняемая неистовой тучей, закрытой валом дождя от моего потрясённого взора.

Через двадцать минут всё кончилось, погода вернулась почти к норме, и лишь свинцовая туча на севере красноречиво напоминала о невероятной силе ливня.

Мы продолжали бороться со встречной волной.

Осталось идти всего тридцать миль.

Ещё четыре пройдено.

Осталось только двадцать шесть.

Ещё семь позади.

Нужно пройти девятнадцать.

Одной меньше.

Дважды девять.

И я буду там.

Стою на палубе рубки, жадно всматриваюсь в горизонт.

Взгляд на лаг — по моим расчётам, каких-нибудь восемь миль отделяют нас от Главного острова. Карта определяла высоту маяка на Гиббс-Хилл в 355 футов, дальность видимости — двадцать шесть миль. Но это ночью.

— Сегодня его будет видно от силы за десять миль.

Знаю. Эти проклятые шкваловые тучи нам всю обедню портят.

— Ты уверен, что правильно определил своё местонахождение?

Заткнись.

— По-моему, тебе не следовало бы так нервничать.

Что ты об этом знаешь, чёрт возьми!

— Конечно, я всего-навсего…

Плевать мне, кто ты, скажи лучше — там справа ничего не замечаешь?

— Нет… Нет… Ничего не вижу. А вот на юге небо что-то опять сильно хмурится. Который час?

Семь часов на будильнике, но один бог ведает, на сколько он врёт.

— Вот теперь вижу какую-то тень, один румб справа по носу.

Наконец-то, она уже десять минут как показалась.

— ЗЕМЛЯ!

Ну, обрадовался, расплясался. Ступай-ка вниз и приготовь мне чашку чаю.

— Есть, сэр, будет сделано, сэр. Всё что прикажете, сэр. Больше я вам не буду докучать.

Чаю!

— Слушаюсь, сэр.

СЛУШАЮСЬ, СЭР!

Когда мы подошли к Главному острову, уже стемнело, и от тёмно-синей кляксы, которая вызвала такой восторг своим появлением на горизонте, остался лишь проблесковый свет на Гиббс-Хилл, не дающий мраку забыться сном. Искать якорную стоянку ночью, по-моему, было слишком опасно. Сам-то остров хорошо освещён, но его окаймляет столько мелей, что малой яхте без вспомогательного мотора, к тому же незнакомой с местными условиями, лучше было подождать рассвета. Хотя я не спал двое суток, я не стал ложиться. Да я вообще не улежал бы на койке. Кровь обращалась быстрее в сосудах. Колено гнулось лучше. Глаза не болели. Губы зажили. Душа освободилась от тревоги и подозрительных голосов.

Я помолодел на пять лет.

И вот я моюсь… Я наполнял ведро водой с остервенением

скряги, потерявшего рассудок при виде горы дублонов. Пил, пока мой коричневый живот не раздулся — от каких-нибудь нескольких пинт воды. Поливал голову после того, как с волос давным-давно были смыты последние следы мыла. Полоскал горло и сплёвывал. Потом выплеснул грязную воду и начал всё сначала. Стоя в кокпите, вылил себе на голову и плечи два галлона пресной воды, и струйки, сбежав по моему телу, весело устремились через сливные трубы в отзывчивое море. Это была оргия чистоты, она распространилась даже на топовый вымпел и на вздыбленного Валлийского Дракона, который снизошёл до ванны, чтобы лучше выглядеть назавтра.

И вот уже наступил рассвет.

Рассвет. Ясный солнечный день, ветер умеренный. Остров — на вест-норд-весте, в восьми милях — чуть-чуть выдаётся над горизонтом. Все мои былые тревоги словно изливаются фонтаном возбуждения. Я ещё нервничаю, но это другая нервозность, меня распирает энергия. Обруч, стягивавший грудь, исчез, прошли все боли и недуги, колено гораздо лучше, уголки глаз и рта больше не щиплет.

Ставлю грот, наполняю стаксель ветром, и мы легко скользим к берегу. К БЕРЕГУ, который все эти семь недель был нашей целью. То, что это Главный остров вместо Нью-Йорка, для меня сейчас ровным счётом ничего не значит. Это БЕРЕГ.

Люди.

Расстояние сокращается. Раньше остров был смутным серо-голубым пятном, теперь проступают зелёные оттенки. Маяк торчит над скалой и кажется издали, в бинокль, чёрным на фоне солнечного неба. Мы идём по синей воде, но по мере приближения к берегу можно различить смазанный край рифа. Там намного больше обрушивающихся гребней, и с палубы рубки видно характерную извилистую линию, которая обозначает грань подводного склона. К серо-зелёным скалам льнут дома. Белые, как обыкновенные бабочки, но тут и там картину оживляет ярко окрашенная стена.

И трава.

Её немного, но она зелёная.

Такой зелёной травы свет ещё не видел.

Сочная зелень. Будь я корова, я бы замычал, но я всего лишь человек и только пожираю её глазами. Подходим ближе, идем почти у самого рифа, но глубина большая, хотя с левого борта, в нескольких десятках ярдов тянется едва прикрытая водой пенная гряда кораллов. Нас океанская зыбь признаёт. А на расстоянии брошенного камня эти же безобидные валы изумлённо встают на дыбы и в одно мгновение превращаются в рокочущие буруны.

Слышен ласкающий слух грохот прибоя. Сквозь него пробивается басистое рычание. Со стороны острова появляется четырёхмоторный самолёт, он летит очень низко, я непроизвольно втягиваю голову в плечи, когда он проносится над нами. И сам себя обзываю дурнем. У этого самолёта тоже большие ярко-оранжевые круги на крыльях и фюзеляже. «Харрикейн-Хантер»? Машу рукой экипажу. А они? Не всё ли равно, просто мне захотелось помахать ЛЮДЯМ.

Идём в северном направлении. Впереди — буй. Ограждение фарватера? Да, никакого сомнения — большой столбовидный буй. Ещё больше он кажется, когда мы подходим к нему вплотную. Теперь выбрать шкоты. Мы лавируем по ограждённому фарватеру, который сужается, ведя нас к входу в гавань.

До острова всего полмили, сейчас бы постоять на месте, просто полюбоваться видом, но у меня слишком много дел. Ветер дует как раз со стороны тесного прохода между обрывистыми берегами. Осторожно на румпеле, вести яхту круто к ветру, через середину пролива к южному берегу. Так держать, ещё, ещё. Глубина хорошая до самой скалы. Ещё несколько ярдов… Внимание… Руль на ветер. Поворот под хлопки стакселя, а теперь живей выбирать шкот, не крепить за утки, держать на руках. Порыв ветра притопил леер, следить за курсом. Что-то мы тихо идём. Должно быть, тормозит отливное течение. Снова на середину пролива и дальше, к противоположному берегу. Так держать.

— К повороту!

Пошёл!

Яхта делает поворот оверштаг. На этот раз в пяти ярдах от скалы. Пожалуй, слишком близко. Опять через пролив к другому берегу. Смена галса. Ещё. Ещё. Теперь ход прибавился.

Пролив становится пошире.

Можно посмотреть по сторонам.

До чего красиво!

А вон рыболов сидит.

Помашем ему рукой.

Делаем поворот у самой его скалы.

Что же ты?

— Доброе утро. Надеюсь, я вам не помешал.

— Нисколько.

Его ответ. Нисколько.

Ни-сколь-ко.

Нисколько.

Здорово.

Лови дальше — ДРУГ.

И вот мы уже в заливе. С правого борта — город Сен-Джордж, ослепительно белые здания среди пышной зелени. Подальше, справа по носу, видны огромные цистерны, очевидно связанные с аэродромом. Они раскрашены в красную и жёлтую шашечку. Отсюда они похожи на аккуратно уложенные детские кубики.

— Куда же теперь пойдём?

Справа по носу, там, где кончается город, вижу высокие мачты. Это нам подходит. Приблизившись, различаю два судна, одно стоит у стенки, второе борт о борт с первым. Оба — американцы. То, что поближе, — красавец иол, не меньше семидесяти футов.

Марш на бак, убирать стаксель. Проверить грота-фал, чтобы не заел. Медленно прохожу мимо иола, на кормовом подзоре золотыми буквами название — «Грейс». Грация.

Красивое судно, красивое имя. На палубе — несколько человек. Немного выбрать грот, сбавить ход.

— Вы не возражаете, если я к вам пришвартуюсь?

— Нисколько. У вас есть кранцы?

— Есть, правда, они маловаты.

— Ладно. Мы свои вывесим.

Потравить грот. Немного отойти. Вывесить кранцы (раньше надо было подумать об этом) и приготовить швартовы. Снова зайти. Спуститься под ветер, теперь осторожно подходить. Марш на палубу рубки. Убрать грот, ходу ровно столько, сколько нужно, чтобы сойтись бортами, чиркнув кранцами. Подать им кормовой конец. Оттуда кто-то, тоже захватив конец, перескакивает к нам на бак.

В тридцать секунд швартовка закончена.

— Спасибо.

Их человек шесть, и все уставились на меня. Ну и что, я и сам не менее внимательно их рассматриваю. Молодёжь, двадцатилетние парни, рослые, стрижка ёжиком, в белых шортах и синих кедах. У того, что поближе, русые волосы, лоб в капельках пота, искренние голубые глаза. Он жуёт резинку, и от мышцев гортани разбегается рябь по шее. Загорелые руки сложены на груди, ниже — живот с лёгким пушком. Один шнурок не завязан.

Его сосед чуть улыбается.

— Славное у вас судёнышко.

— А?.. Да, да…

Вдруг до меня доходит, что я слишком уж пристально смотрю на них.

Кому приятно, когда чужой человек щупает его взглядом, будто подозрительный таможенный чиновник. Но какого чёрта

они так глядят на меня?

Или у меня на ногах выросли перепонки? На всякий случай бросаю быстрый взгляд вниз. Значит, что-то другое.

— Что это за флаг у вас на правой краспице?

— Это Красный Дракон Уэльса.

— Уэльс? Где это — Уэльс?

Как будто идёшь по людной улице в незнакомом городе и у кого ни спроси дорогу — все сами приезжие. Только на этот раз всё наоборот. Меня подмывает спросить их, где я нахожусь.

— Англия, Ирландия, Шотландия, Уэльс — вы это подразумеваете?

Я подразумеваю не это, но всё равно киваю.

— А, знаю, Дайлан Томас и всё такое?

— Вот именно — и «Регби Футбол», Дэвид Ллойд Джордж, Оуэн Глендовер, Фэйр-Несс, Английские Тюдоры, предки Фрэнка Ллойда Райта.

Что я такое несу?

Слова опережают мысли.

Ведь я ни с кем не беседовал два долгих месяца.

Есть ли феи в вашем саду?

XIII

Семь дней провели мы с яхтой на Бермудах, семь дней отдыхали. Из нас двоих я больше нуждался в отдыхе.

Яхта спокойно стояла у стенки, я слонялся по острову. Яхта перестала черпать воду, я пропускал через себя огромное количество жидкости. Яхта жарилась в лучах субтропического солнца, я сидел, развалясь, на тенистых верандах и лениво ел пирожные. Яхта слушала хриплый полуночный хохот моряков. Я ходил в церковь. Яхта обиделась, тогда я прошёлся по ней щёткой и привёл в порядок все паруса.

Моя первоначальная нелепая робость по отношению к американским экипажам яхт, около которых мы пришвартовались, быстро прошла. Ребята зазвали меня к себе, предложили здоровенную кружку холодного пива, потом — вторую, с ней я уже не справился. Наверно, их слегка разочаровало, что я пью не как верблюд, однако я чувствовал, что мои возможности ограничены. Две причины помешали мне пить дальше: желудок был переполнен, да ещё, пожалуй, я слишком волновался. Они проводили меня на пост наблюдения и связи, и я отправил домой радиограмму, а заодно познакомился с парнем, у которого была берлога в городе. Он познакомил меня со своими хозяевами, я снял комнату и вскоре уже сидел за столом.

Молоко со льда. Пальцы мнут хрустящую корку ещё горячей булки, от пшеничного запаха слюнки текут даже раньше, чем она попадает в рот. Салат — свежие, зелёные, как трава, листья, украшенные кружками помидора, чьи скользкие семечки почему-то упорно ныряют в бороду. Буженина с тонким ободком золотистого сала, тонкая коричневая корочка охватила кольцом тающее во рту розовое мясо. Соль, которую можно оставить на краю тарелки. Маринованные овощи, они ни к чему, только испортят вкус свежей пищи, такой многообещающий после семи недель консервного питания.

Свежая клубника, будто сморщенные страстью соски, смущённо краснеющие, когда их разминаешь в сливках. Персик, его мягкая кожица льнёт к кончикам пальцев, тщётно моля не предавать её ножу, который разрезает плод до косточки, неожиданно сухой среди сочной мякоти с щекочущим щёки соком.

Кофе на тенистой веранде; ноги можно положить на стул.

Курящаяся сигара.

— Бренди?

— Нет, спасибо, я чувствую себя превосходно, больше ничего

не надо.

Великолепный вид на гавань Сен-Джорджа, окаймлённую розоватым коралловым песком. В небе плывут кудрявые белые облака, такие непохожие на вчерашние шквалистые тучи. Разве это было вчера?

Может быть, на прошлой неделе?

В прошлом году?

Сто лет назад.

Новые впечатления…

Поездка в Гамильтон. Среди чарующей местности с аккуратными домиками из коралловых плит. Живут же люди!

Робкая прогулка по городу. Кружка пива в клубе — и обратно в Сен-Джордж, в нём гораздо спокойнее, меньше машин, меньше шума и несравненно больше очарования. Я хотел не спеша, с расстановкой воспринимать то, что меня занимало. Меня восхищали не только женщины, а ЛЮДИ вообще. Чьи-то русые усы под роскошным красным носом. Чьи-то огромные уши. Мне было безумно интересно, как люди говорят, особенно же как они смеются. Все непрестанно смеялись — не надо мной, над чем-то своим. Мне тоже было очень весело.

— Что бы вы хотели на обед?

— Господи, вы собираетесь опять кормить меня? Я же только что ел.

— С тех пор не один час прошёл. Теперь пора обедать.

Это уже нехорошо, ведь я не птица, которую откармливают на убой. Тем не менее меня с мягкой настойчивостью ведут к столу. Он стонет под тяжестью яств, умеренному человеку их хватило бы на неделю. Мой аппетит ничто перед аппетитом моих сотрапезников, которые едят, как дюжие матросы после трудной вахты, хотя у них сидячая работа, и орудуют они всего-навсего пером.

— У Джека в прошлом году был микроинфаркт, — говорит Дот.

Я молчу, изумлённый тем, что он давно не отдал богу душу; забываю, что два-три месяца назад сам ел, как лошадь, пил пиво вёдрами и любил бурные ночи — хотя нет, это было раньше. Чувствую, как во мне растёт отвращение к еде, и ничего не могу с этим поделать. По отношению к женщинам — та же картина: хочется только смотреть на них, но никакой интимности. Есть ли вообще возможности?

Да нашлись бы, но мне никто не нужен. Странное состояние.

После обеда я заказал разговор с Нью-Йорком. Дорогое удовольствие, но надо же узнать, как остальные. Вскоре меня соединили с Брюсом Робинсоном из Общества Слокама.

— Где ты, чёрт возьми, находишься, Вэл?

— На Бермудах.

— Господи, как тебя туда занесло?

Я только вздыхаю — объяснять долго, а минута стоит два с половиной доллара.

— Когда ты собираешься быть в Нью-Йорке?

Новый вздох, ещё более протяжный. Вопросы, вопросы…

— Постой, Вэл, у меня есть для тебя сюрприз.

— Алло… Привет, Вэл, хорошо прошёл?

Этот голос я узнаю из тысячи.

— Привет, Блонди. Спасибо, хорошо, а ты?

— Отлично. Пришёл на прошлой неделе. Дэвида ещё нет, но ждём со дня на день.

— Кто выиграл? Жан Лакомб?

Хотя нас разделяет семьсот миль, я вижу, как его губы дрогнули в улыбке.

— Фрэнсис. В сорок два дня уложился. Тебе что-нибудь нужно?

— Да. Хронометр, если есть под рукой, и аккумулятор для радио, но это не так важно.

— Ладно. Мы посмотрим, что можно сделать. Если сможем помочь, сообщим телеграммой.

— Спасибо, Блонди. До свидания, попрощайся за меня с Брюсом.

— До свидания.

Пора спать. Комната высокая, прохладная и тихая; кровать низкая, широкая и поразительно устойчивая. Лёжа в постели под белой накрахмаленной простыней, голова — на слегка надушенной подушке, я не могу нарадоваться переходу от сырого судёнышка к этому просторному сухому дому. И засыпаю, не додумав мысль до конца.

Хотя я прожил на Главном острове неделю, основательно изучил его, сделал необходимый ремонт на яхте, познакомился с сотней людей и наслаждался каждой минутой, меня ни на секунду не покидало чувство, что всё это лишь антракт. Между мной и реальностью словно стояла стена; радушие острова и его жителей существовало отдельно от меня. Через несколько дней из Штатов прибыли хронометр и лёгкий аккумулятор (спасибо Брюсу Робинсону), и у меня не оставалось ни малейшего повода задерживаться на Бермудах.

— Нельзя отправляться дальше, не погуляв как следует.

Это сказал Роджер, который очень помог мне с ремонтом. Ясное дело, задумал какой-нибудь финт и рассчитывает, что я составлю ему компанию. Двадцатипятилетний, холостой, он

второй год жил на острове и знал все ходы и выходы. Мне стоило немалого труда заставить себя согласиться. После стольких недель одиночества я чувствовал себя подавленным там, где скапливается народ. Оживлённые улицы Гамильтона пугали меня. Гораздо лучше мне было в тихих переулках Сен-Джорджа, а ещё больше тянуло побродить в одиночку по пустынным загородным дорогам.

Эх, парень, ты зовёшь монаха на скачки.

— Что ж, неплохо будет выпить рюмочку-другую. Куда пойдём?

Роджер обрадовался и тут же приступил к разработке обширной программы, перебирая разные кабаре.

— Постой, постой! У меня только один костюм, да и тот мятый. И моя единственная сорочка — грязная.

— Об этом не беспокойся. Дот мигом всё уладит. Верно, Дот?

Она улыбнулась — смиренная реакция женщины, которая не оставляла должности секретарши и одновременно почти без прислуги держала пансионат.

— Почему бы и вам не поехать с нами?

— Ну что вы! Вы молодые ребята, будете гоняться за девчонками, я вам только помешаю.

Она глубоко заблуждалась. Мне было тридцать четыре года, и я отнюдь не чувствовал себя молодым парнем. Не знаю, что со мной творилось, но женщины меня не волновали. Это была коренная перестройка, я даже не удивлялся, что смотрю на них совсем другими глазами. Теперь любая женщина была для меня всё равно что скульптура, и мысль об интимных отношениях казалась просто кощунственной.

— Давай, Вэл, пошевеливайся, время не ждёт.

Прежде чем втиснуться в его машину и ехать в Гамильтон, мы выпили джина. Роджер был твёрдо намерен хорошенько повеселиться.

— Тебе известно, что этот остров кишит интересными американскими девушками всех возрастов, которые приехали повеселиться?

Пришлось признаться, что мне это неизвестно.

— Эти курочки копят свои пенни, чтобы кутнуть во время круиза. «Монарх» привозит их сюда тысячами, женщин в три раза больше, чем мужчин.

Я начал смекать, куда клонит Роджер, но он-то всё ещё не догадывался, что подбивает девственника посетить дом терпимости.

Доехав до Гамильтона, мы променяли мирное уединение в машине на кишащие людьми улицы.

Все куда-то торопились и перекликались друг с другом. В порту стояло два лайнера, и город превратился в луг, на который опустился рой ярко окрашенных бабочек. Они порхали из магазина в магазин. Перелетали через улицу, внося смятение в умы осторожных водителей. Роились вокруг достопримечательностей. И наконец, угомонившись, рядками опускались на высокие стулья в барах.

— Два джина с лимонным соком, пожалуйста.

Мы словно очутились на Среднем Западе, кругом были одни иностранцы. И Роджер не преувеличивал, женщины намного превосходили числом мужчин и все без исключения были очень активно настроены.

— Как тебе нравятся вон те две?

Они были очень милы, одна просто хорошенькая, однако я смотрел на них, как на прелестные цветы: любуйся, но не срывай. Девушки уже несколько раз поглядывали в нашу сторону, явно ожидая, когда мы проявим инициативу.

— Пошли, надо ковать железо, пока горячо.

Я прилип к стулу, будто юнец на первой в жизни вечеринке. Я знал: если я к ним подойду, у меня отнимется язык, и буду стоять, разевая рот, как рыба на песке.

— Ну пошли же, что это с тобой?

Что ему отвечать? Я и сам не знал, что со мной.

— Лучше ты пойди и пригласи их выпить с нами. А я пока закажу.

— Трус!

Он был прав. Я предпочёл бы сразиться со штормом.

Провожая его взглядом, я всей душой надеялся, что они откажут. Вот он заговаривает с ними, вот шея и уши дрогнули, когда он улыбнулся, задавая свой вопрос. Высокая брюнетка метнула взгляд в мою сторону, потом повернулась к подруге и, смеясь, что-то ей сказала. Меня обуревало дурацкое желание бежать. Поздно, лихой эскадрон уж взял курс на меня. Сверкающие зубы, грудь вперёд, в глазах играют чёртики, стакан с коктейлем держат, как абордажную саблю, — словом, рвутся в бой.

— Привет. Здравствуйте. Меня зовут Мэри, а это Джоун. О, какой вы высокий!

Я готов был тут же променять свои шесть футов четыре дюйма на четыре фута шесть дюймов; впрочем, боюсь, что это меня бы не спасло.

— Мне всегда нравились бородатые мужчины.

Лгунья, подумал я. Да будь у меня лысая голова куполом, только первый ход был бы другим, а партию она всё равно довела

бы до мата.

— Что вы делаете на Бермудах?

Я совсем пал духом. Боже избави объяснять, как я сюда попал. Роджер начал было рассказывать, что я недавно пришёл на яхте, но я выразительным взглядом пресёк его речь.

— Что будете пить, девочки?

— Мне, пожалуйста, немножко виски со льдом.

— И мне.

Я положил на стойку фунтовую бумажку — сдачи не последовало.

Мы узнали, что эти симпатичные девушки — уроженки Среднего Запада, снимают комнату на двоих, служат в одной фирме. Роджер ухаживал напропалую, куда мне до него.

Моя дама была выше среднего роста, темноволосая, живая. Посидеть, игриво поболтать с такой привлекательной женщиной — сплошное удовольствие, но я запинался на каждом слове.

— Ещё стаканчик?

— Я с этим не управилась.

— Ничего. Бармен, ещё четыре.

И ещё два фунта пущено на ветер. Роджер наклонился ко мне с этаким победным огоньком в глазах — дескать, половина дела сделана.

— Как ты насчёт того, чтобы пойти куда-нибудь потанцевать, Вэл?

Лучше бы меня пригласили на публичную казнь. В душе неотвратимо росло жуткое чувство, что скоро моя собственная голова ляжет на плаху. И я не видел никакого пути к спасению. Что ему сказать? Не могу же я просто встать и уйти, бросив его с двумя дамами, неписаные правила игры этого просто не допускают. Попытаться увести Роджера с собой? Пустая затея. Сейчас он словно пёс, напавший на свежий след, ничто, кроме плётки, его не отгонит. Упасть в обморок? Такой приём иногда годится, но только не для мужчины…

— Потанцевать? Превосходная мысль. Куда ты предлагаешь пойти?

Разумеется, Роджер знал отличное место, совсем недалеко. Видит бог, этот парень не терялся. И он лихо повёл машину на страх прохожим, а я показывал достопримечательные места высокой, живой и соблазнительной, хотя и слегка заскучавшей, особе женского пола.

Мы остановились перед роскошным отелем, который предлагал посетителям хорошую кухню, танцы и выступление широко разрекламированной труппы из Полинезии. За вход надо было заплатить изрядную сумму, и мы с Роджером

раскошелились. Метрдотель отвёл нас к удобному столику. Девушки хотели есть, и мы ознакомились с роскошным меню и головокружительными ценами. Предложив своей даме выбрать всё, что ей понравится, Роджер перечислял вслух названия блюд.

— Попробуйте копчёную лососину, её сюда специально привозят на самолёте из Шотландии, изумительная вещь.

Девушки явно были не прочь, однако не могли сразу решиться. Он принялся их убеждать с красноречием проповедника от кулинарии, зазывающего покупателей; в конце концов они сдались. Я заказал дыню.

Роджер предложил взять омаров. Какой-то потрясающий рецепт, самое дорогое блюдо в меню. Я возразил, что это будет рыба после рыбы, но мои слова никого не убедили. Я остановился на холодном цыплёнке.

Подошёл официант, ведающий винами. Я сделал решительную попытку обмануть судьбу и первым выхватил у него из рук карту вин, но только зря старался. С обаятельной улыбкой Роджер небрежно заказал самого лучшего шампанского. Его распорядительность была вознаграждена почтительным поклоном официанта и моим испепеляющим взглядом.

— Гулять так гулять, — объявил Роджер, потирая руки и расточая комплименты девушкам, которые успели немного освоиться и заметно оживились. Когда же пробка в золотой бумажке полетела в потолок, они буквально расцвели.

— Разве думали мы, когда уезжали, что будем обедать в лучшем отеле острова и пить шампанское, верно, Джоун?

Конечно, не думали, я в этом не сомневался. Как и в том, что Роджер потерял рассудок. У меня лежало в кармане около тридцати восьми фунтов стерлингов — всё, что осталось после уплаты за квартиру, расчёта с парусным мастером и приобретения подарка семье, который я уже отправил домой. Авиапочтой. Конечно, с тридцатью восемью фунтами можно выезжать в город, но если и дальше так пойдёт, от них мало что останется…

Ничего не скажешь, ужин, который они съели, был превосходный. Отлично приготовлен и подан, и вторая бутылка шипучей влаги помогла им быстро его одолеть. После кофе мы танцевали. Роджер и Мэри — красиво и ритмично, Джоун и я (во всяком случае, я) — словно роботы с негнущимися ногами. Обычно я охотно танцую. Моя дама обладала приятной внешностью и легко двигалась. К тому же она была выше среднего роста, а это весьма кстати, когда вы сами не коротыш. Однако мне от этого было не легче. Я старался, честно старался, она тоже, но я был очень скован.

Моя ладонь с трудом переносила прикосновение её кожи. Джоун была в нарядном платье, которое оставляло спину обнажённой, и, как ни ловчи, всюду это мягкое, шелковистое тело. Я хотел было совсем убрать руку, но она решила, что я просто робею, и, поймав меня за локоть, вернула мою ладонь. И придвинулась поближе, щекоча мне лицо волосами. Но хотя они были мягкие, чистые, чуть надушенные, мне казалось, что со мной заигрывает паук. Я был готов закричать. Тут танец кончился. Я вытер пот со лба.

— Жарко здесь, верно?

Она ответила, что скорее прохладно.

Когда мы вернулись к столику, Роджер заказал всем виски. Я поспешно взял свой стаканчик. Но чем больше я пил, тем мрачнее становился. Мы снова пошли танцевать, на этот раз поменявшись дамами. Я попросил Мэри снисходительно отнестись к моей неуклюжести.

— Вы совсем не любите танцевать?

Я промямлил, что люблю, тогда она тоже решила, что всё дело в робости, и подалась ко мне, словно хоккеист, принимающий противника на корпус. Её бёдра прижимались к моим, я чувствовал себя, как на плахе. Мы приблизились к Роджеру и Джоун.

— Эй, Вэл, поменяемся дамами. Ты меня не узнаёшь? Я твой друг.

Опять та же спина. Джоун слегка разгорячилась, и кончики моих пальцев прилипали к её коже. Она танцевала, закрыв глаза. Внезапно до меня дошло, что они все трое под хмельком, я же был трезв, как прокурор в суде!

Музыка смолкла, и протяжная барабанная дробь возвестила о начале эстрадной программы. Во время первого номера мы выпили ещё виски. Потом вышла певица, могучая женщина в роскошном длинном платье; она пела отлично. А затем убавили свет, и под долгую и выразительную дробь барабана на затемнённой сцене начался главный номер.

Я заранее мог сказать, что мы увидим. Луч прожектора осветил стоящую лицом друг к другу пару. Дети какого-нибудь тихоокеанского острова, смуглые, с лоснящейся кожей, они были одеты в полоски ткани, которые скорее подчёркивали то, что стыдливо пытались скрывать. Оба стояли неподвижно, только грудная клетка вздымалась, и по волосатой груди мужчины на живот сбегали струйки пота. Царила такая тишина, что мигни — и все услышат. Публика явно приготовилась увидеть нечто весьма сокровенное. Сотни глаз возбуждённо сверкали вокруг деревянной эстрады, служившей опорой для двух трепещущих

статуй. Я посмотрел на Роджера — казалось, его глаза сейчас выскочат из орбит.

В эту минуту мягко, как бы откуда-то издалека, зазвучала повелительная дробь барабана. Артисты продолжали стоять недвижимо, почти вплотную друг к другу, колени в стороны, ноги изогнуты, как пружины. Мышцы на бёдрах девушки чуть заметно подрагивали, наконец поймали ритм словно дробь приближающегося барабана. Постепенно дробь становилась чаще, и вступил второй барабан, он заставил колебаться торсы танцоров. Неторопливая барабанная дробь медленно, осторожно обвивала живые вибрирующие колонны. Но вот руки девушки оторвались от боков и начали колыхаться, будто шарф на ветру. Мужчина соединил кисти на затылке, и его бицепсы заплясали в лад новым властным звукам. Ещё один барабан, более басистый… Ноги танцоров вросли в пол, а тела качались, как ветви, опущенные в поток. Темп понемногу нарастал, но они по-прежнему не сходили с места. Бёдра девушки колыхались так, словно были подвешены к неподвижным плечам. Глаза танцора пристально смотрели на её живот. Он, как в зеркале, повторял движения танцовщицы, на первый взгляд однообразные, однако по мере развития танца всё более выразительные. Следующий барабан начал диктовать свой ритм колебаний, который казалось невозможным воплотить в движения, однако они это сделали, всё так же стоя на одном месте. Теперь живот девушки состязался с бёдрами, вращаясь то в одну, то в другую сторону, — чувственное зрелище, от которого пересыхало во рту. И ещё один барабан включился в громкий рокот, заставляя кровь стучать в висках. Танцоры пошли, нет, поплыли над полом в безупречном согласии с замысловатыми звуковыми узорами. Они кружили, не замечая публики, которая забыла про свои бокалы и курящиеся сигареты. Описывая круги, партнёры сближались. Глаза девушки потускнели, тело брало верх над разумом, покоряясь примитивному влечению. Она соблазняла его. Его глаза впились в её глаза, чёрные зрачки сверкали в луче прожектора. Они сошлись ближе, и замечательное искусство танцоров стало ещё более очевидным: каждый трепещущий мускул её тела заставлял его тело отзываться. Но если до сих пор она задавала темп, теперь беснующиеся барабаны вывели его вперёд, он стал повелевать. Казалось, больше нельзя увеличить накал этого захватывающего зрелища. Вдруг, так быстро, что не уследить, его рука метнулась вперёд и сорвала яркую полоску материи, прикрывавшую её грудь. Публика ахнула. Глаза девушки были широко раскрыты. Мужчина вёл танец, не прикасаясь к партнёрше, однако подчиняя её ритму, который достиг бурного крещендо.

Я незаметно окинул взглядом зал. Люди застыли, как парализованные, будто из них вынули душу. Всю свою способность чувствовать и двигаться они передали участникам сложного и страстного танца. Наши дамы сидели, наклонившись вперёд, часто дыша, их руки были сжаты, глаза блестели. Роджер смотрел не мигая.

Ритм стал более подчёркнутым. Он то нарастал, то спадал, управляя вихрем страсти. Девушка ловила воздух, грудь и живот вздымались в экстазе. Танцор исступленно прыгал вокруг неё, с великолепной выразительностью ведя свою партию. Рокот барабанов достиг предела, девушка извивалась, мужчина подскакивал всё выше и выше с каждым оглушительным ударом. Она упала на колени, села на пятки и изогнулась назад, будто натянутый лук.

И тут, когда ухо уже не могло больше воспринимать звуки, а глаза не могли оторваться от трепещущей фигуры, барабаны смолкли. Всё кончилось, звук словно отрезало неумолимым лезвием. Прожектор как-то неохотно погас. Только слабые лампы освещали притихший зал, охваченный смущённой тишиной. Танцор торжествующе стоял над девушкой, которая лежала, обмякнув, в той же позе, с рассыпавшимися прядями густых чёрных волос, и стонала. Это длилось ровно одну секунду, потом он спрыгнул с круглой эстрады, повелительно хлопнув в ладони. Явились слуги, положили девушку на застланные шёлком носилки и унесли её; публика по-прежнему сидела в оцепенении.

— Боже милостивый!

Роджер сделал доблестную попытку прийти в себя. Он перевёл на меня сверкающие глаза.

— Я должен что-нибудь выпить.

— И мне большой бокал, — сказала Джоун, критически изучая своё лицо в зеркале пудреницы, которая выдавала её дрожащую руку.

— Ну, как вам этот номер?

Неужели нужно отвечать? Это было потрясающее выступление настоящих виртуозов, которое сразило наповал всех зрителей. Мы с замешательством поглядывали друг на друга, смущённые таким откровенным танцем.

— Как вы думаете, они любят друг друга?

Я чуть не подавился.

— Любят? Господи, да он, наверно, сжигает её своей страстью.

Но тут я понял, что Джоун меня просто подначивает, мы рассмеялись, и напряжённость прошла. Они продолжали разбирать его и её, её и его, а я тем временем пытался

разобраться в своих чувствах.

Конечно, танец меня увлёк. Это было одно из тех зрелищ, от которых трудно оторваться, но я чувствовал, что меня оно всё-таки захватило не так, как других. В отличие от моих соседей по столику я даже успел во время танца окинуть взглядом зал, наблюдая зрителей. Хвастаться тут нечем, это было просто лишним свидетельством того, насколько я отклонился от нормы. Когда танец достиг кульминации, я поймал себя на том, что борюсь с отвращением, для меня намёк был чересчур грубым, и какой-то тихий голос настойчиво шептал мне, что вряд ли я повёл бы свою дочь на такое представление. А впрочем, не чрезмерная ли это стыдливость? Ведь речь идёт всего-навсего о танце, пусть даже очень смелом. Мало ли зрелищ такого рода? Несмотря на все эти мысли, я продолжал чувствовать себя третьим лишним.

Мы выпили ещё по одной и получили счёт на тридцать четыре фунта, включая чаевые. Роджер воскликнул, что ужин и представление того стоят, и я скрепя сердце расстался со своими фунтами.

Мы вышли из ресторана в тёплый мрак. Было уже далеко за полночь, и остров примолк, лишь глухо бормотал океан, накатываясь на рифы в каких-нибудь нескольких ста ярдах от нас. Мы постояли, радуясь окружающему, будто птицы, вырвавшиеся из клетки. Роджер нарушил очарование.

— Пойдём, искупаемся? Я знаю хороший пляж, всего несколько минут хода.

— Мы не взяли купальных костюмов.

— Господи, кому нужен купальник после такого танца.

На это трудно было что-нибудь возразить. Мы обогнули на машине мысок, осторожно перелезли через большие камни и очутились на маленьком уединённом пляже. Прикрытое рифом море тихо гладило коралловый песок. Чудесное место.

— Отвернитесь, ребята, мы разденемся.

Опять это чувство отвращения. Да соберись здесь на острове десять тысяч обнажённых женщин — мне наплевать; даже танец на меня не повлиял в этом смысле. Для меня не существовали мужчины и женщины, мы были просто людьми. Чувство отрешённости всё ещё не покидало меня, и оно не признавало никакой искусственной близости. По мне, пусть она хоть на голове стоит.

Я разделся и пошёл к воде. Остальные уже плескались, словно резвящиеся дети.

— Ну, где ты там, Вэл, не робей.

Я снова разозлился. Да не робею я ни капельки! Я бы мог, не моргнув глазом, пройтись нагишом по Бонд-стрит. Это они

упорно стараются придать чему-то естественному, обыкновенному особый смысл, навязывают мне близость, которая мне кажется никчемной.

Мы плавали и дурачились. После алкогольных паров и табачного дыма хорошо было освежиться в море. Я посмотрел на риф — за ним простирался пустынный океан. Несколько неожиданно для себя я почувствовал, что не прочь бы опять один идти на яхте. Там всё так бесхитростно и целомудренно. С каким-то сожалением оглядывался я на минувшие семь недель, забывая про терзающие нервы испытания и вспоминая только красоту океана, бесшумно плывущих рыб, общительных птиц. Даже ночи ничуть не выпадали из романтического ореола, в котором я сейчас видел своё плавание.

Игра стала более интимной. Роджер нырнул и поймал Мэри за ноги. Она, правда, вскрикнула, но совсем не убедительно. Возня помогла им сбросить последние оковы, и они направились к берегу, чтобы там уединиться. Я остался один на один с Джоун.

Мы продолжали плавать.

Я чувствовал себя последним дураком.

Ну, разве она не привлекательна? Даже прекрасна, когда лежит вот так на спине и море осторожно её ласкает. Но я не проявлял ни малейшего интереса. Она подплыла и утопила меня. Придавила грудью, мягким животом и крепкими бёдрами. Когда мы всплыли, звонко поцеловала меня в губы, потом потянула за руку к пляжу. Здесь она с размаху упала на песок и заставила меня лечь рядом. Теперь мой ход. Но я был словно парализован.

— Вэл, какой чудесный вечер, всё было так хорошо.

Она придвинулась ко мне и вздрогнула.

— Обними меня, милый.

Господи, это уж слишком!

— Что с тобой?

Если бы я мог ей сказать! Но для этого надо самому знать, а я просто лежал как блин.

Она было отстранилась от меня, но передумала и снова прибегла к ласкам. Тщётно.

Наконец, потеряв надежду меня расшевелить, она приподнялась на локте и заговорила напрямик:

— Говори, чудовище, в чём дело?

— Боюсь, я тебя разочарую.

На секунду она потеряла дар речи.

— Ты? Разочаруешь?.. Что? Не верю. Брось, не остри.

— Да нет же! Честное слово, я и не думаю острить. И не знаю, как тебе объяснить. Это долгая история.

Мои слова не убедили её, и с минуту она изучала меня

взглядом, но факт оставался фактом. Сначала она не хотела верить, потом рассердилась.

— То-то я смотрю, ты какой-то странный.

Она отпрянула и поднялась на колени, положив руки на бёдра. Её грудь часто вздымалась, она выглядела ещё привлекательнее, чем прежде, но сейчас явно был не самый подходящий момент говорить ей об этом.

— Только не говори мне, что ты импотент, всё равно не поверю.

Я тоже в это не верил, но что ей ответить?

— Ехать сюда из Штатов и оказаться на пляже с…

Её голос гневно звенел.

Я пытался составить убедительное объяснение, но голова упорно отказывалась работать.

— Нет, нет… Ты ошибаешься, Джоун. Ничего подобного.

— Ошибаюсь? — Она встала на ноги. — Это в чём же я ошибаюсь? Ну-ка растолкуй.

Час от часу не легче. И неизвестно, что делать. Она била ногой песок, всё больше сердясь. Мы смотрели друг на друга, нагие, защищённые только моим торможением, которое теперь, похоже, начало заражать и её. Я буквально видел, как это происходит. Только что она стремилась к близости, теперь вдруг осознала свою наготу и почувствовала потребность прикрыть её. Я ощутил жалость к ней и стал подниматься, борясь с собой, но она уже шагала к своей одежде, лишь бросила на ходу:

— Побереги своё целомудрие.

Пойти за ней? Только хуже будет. Я медленно натянул на себя рубашку и брюки, подождал, когда она оденется, и подошёл.

— Мне страшно неприятно, Джоун. Прошу тебя, не сердись, ты тут совершенно ни при чём.

— Вот именно!

Говорить с ней было бесполезно.

— Мэри… Я ухожу. Мэри! Где ты?

— Здесь. — Её голос прозвучал глухо, даже как-то скорбно.

— Пошли, Мэри. Нам пора домой.

Ответа не последовало.

Джоун направилась в ту сторону, откуда первоначально донёсся сдавленный возглас. Вот это уже ни к чему, нечестно по отношению к ним.

— Пойдём, Джоун, не мешай им и, пожалуйста, извини меня.

— Пошли к машине, Вэл.

Пока мы ждали вторую пару, я постарался объяснить свои действия — вернее, бездействие. Она выслушала меня внимательно, даже участливо, с каким-то материнским чувством.

— Что же ты мне с самого начала не сказал?

— Да всё как-то не мог решиться, а потом было поздно.

Мы сидели рядом в машине. Досада Джоун прошла, и она подвинулась поближе, с интересом глядя на меня. Моё отвращение прошло. Теперь она казалась мне желанной.

Будто я, читая книгу, перевернул страницу и увидел начало новой главы.

Я положил руку ей на плечо и тихонько дёрнул за ухо. Она ласково улыбнулась мне и потерлась щекой о мою руку. Только я наклонился, чтобы поцеловать её, как дверца отворилась.

— И это называется друзья!

Я затаил дыхание, моля небо, чтобы Джоун воздержалась от объяснения. Небо услышало меня.

Мы покатили в город, и я печально оглянулся на пляж. Что за напасть, теперь мне хотелось туда.

Кажется, и ей тоже.

На следующий день состоялось отплытие. Я успел познакомиться с десятками интересных и приятных людей, и многие пришли на пристань проводить меня. С утра пораньше я навестил учебное судно «Альбатрос» и побеседовал с его владельцем и капитаном Биллом Шелдоном, а также с его женой. Они зарабатывали средства к жизни, совершая круизы с туристами вдоль американского побережья, а одновременно обучали команду — своего рода плавучие классы. Осматривая судно, я в штурманской рубке вспомнил, что у меня нет американского «Описания маяков и огней», и воспользовался случаем списать сведения о некоторых маяках района Кэп Гаттераса, на случай, если мы подойдём к берегу южнее, чем задумано. Данные о Нью-Йорке и побережье к северу от него, включая Новую Шотландию и Ньюфаундленд, у меня были.

Пока я писал, капитан расспрашивал меня про моё судно; при этом малые размеры яхты и отсутствие вспомогательного мотора как будто не произвели на него особого впечатления. Мы обсудили этап до Нью-Йорка — шестьсот миль с гаком.

— Сезон ураганов на носу. Сейчас не лучшее время года для плавания на малых судах.

Меня не надо было убеждать. Я отлично понимал, что завершающий отрезок пути может обернуться серьёзным испытанием. А Билл Шелдон уже подробно объяснял, какие трудности могут меня подстерегать в районе Гольфстрима. Свирепые шквалы, буйные грозы, большая волна, которая образуется у Кэп Гаттераса, когда приливно-отливное течение идёт против ветра. Намеренно или нет, он изо всех сил старался меня застращать. Что он преподаёт в своих классах, уж не

священное ли писание? А может быть, эта тирада отражает его собственные скрытые опасения?

Позже, уже после плавания, мне довелось услышать по радио о катастрофе на море. Учебное судно, идя у берегов Америки, попало в сильнейший шквал, несколько человек из команды утонуло, остальные на всю жизнь запомнили ярость беснующегося моря.

Название судна?

«Альбатрос».

Возвращаясь к себе на яхту, я радовался тому, что сегодня опять выйду в море. Мысль, что плавание не завершено, ни на минуту меня не оставляла. Я был, так сказать, на боевом взводе, и этим определялся едва ли не каждый мой поступок. Слушаю кого-нибудь из своих друзей, а сам в это время думаю о другом. Мысли забегали вперёд, перебирали трудности, которых можно было ждать в предстоящем плавании, совершали вылазки в будущее, но тут же настоящее безжалостно возвращало их обратно.

Яхта была в гораздо лучшем состоянии, чем когда мы прибыли неделю назад. Течь почти совсем прекратилась. Пока мой фолькбот стоял у стенки, я подтянул килевые болты, которые, к моему удивлению, ослабли. Был заново натянут такелаж, основательно отремонтированы паруса. Я очистил корпус от морских уточек на длинных стебельках, несомненно тормозивших ход яхты. И сам я был в хорошей форме. Воспаление сравнительно нежных тканей вокруг глаз и рта, которое врачи признали следствием авитаминоза, прошло. Свежие овощи, молоко и яйца, составлявшие мой стол в эти дни, быстро справились с этим недугом. Колено стало заметно лучше. И мне бесплатно постригли волосы и бороду. Что ещё нужно человеку?

Девушки тоже пришли проститься со мной. Было очевидно, что они обсуждали меня, и теперь им не терпелось узнать обо мне побольше. Но я уклонился от этой темы — и сказал себе, что женщина самое снисходительное существо на свете. Джоун не скрывала своего расположения ко мне. Покидая остров, я жалел лишь о том, что не мог остаться ещё на сутки и загладить свою вину. Соблазн был велик, но отрезвляющий дневной свет помог мне укротить свои эмоции; стремление поскорее добраться до Нью-Йорка взяло верх над всеми прочими желаниями. Ещё один признак того, что я далеко не вернулся к норме.

Под вечер все приготовления были закончены. Я погрузил свежий запас провианта, включая множество апельсинов и других фруктов. Канистры были наполнены чистой водой, оставалось только отдавать швартовы и выходить из тихой гавани в океан.

Возможно, с маленьким островком, куда вы прибыли недавно,

легче расставаться, чем с хорошо знакомым континентом, с которым связано столько дорогих воспоминаний. На закате мы двинулись в путь и пошли через узкий проход, подгоняемые лёгким вестом. У выхода, на том же камне, сидел рыболов. Я помахал ему рукой. Уж не тот ли это самый? Над тихими темнеющими водами до меня донёсся его голос:

— Счастливого плавания — бон вояж!

Он помахал мне вслед, я ответил тем же; было похоже, что он меня узнал.

Ничего удивительного. Приход яхты вызвал небольшой переполох на острове, и круги расходились всё шире, я выступал на радио, телевидении, для журналистов и членов клуба «Ротари».

Так близко. И всё впереди.

XIV

Остров исчез за кормой, и я удивился тому, что без глубоких сожалений покидаю место, изобилующее такими достопримечательностями. Но это так, опять очутившись в одиночестве, я с удовольствием вернулся к старому распорядку. То, что некогда меня раздражало, оказалось неожиданно приятным. Тепло дубового румпеля приветствовало мою руку. Яхта медленно полезла на первый вал, и Майк заговорил писклявым голосом. Валлийский Дракон помахивал своим драным хвостом в прощальном жесте — избитая картинка, которую принято связывать с образом уходящего в плавание моряка. Выйдя из ограждённого фарватера, мы легли на другой курс и пошли сквозь сгущающийся сумрак на северо-восток.

На душе у меня была странная лёгкость. Столько ночей, проведённых в море, были выматывающими души и нервы роликами времени, которые вращались так медленно, что начали с каждым оборотом помаленьку стирать мою личность. Теперь я освободился от страхов. Меня радовала окружающая чернота моря, незримые шлепки и всплески, рассказывающие знакомому уху нестрашную сказку. Я ощущал близость не только с яхтой, но и с океаном. Славно встретил старую любовь. Можно посидеть, не торопясь потолковать. Я знаю её очень хорошо, легко читаю её мысли. Знаю, что тело её стеснено одеждой, которая только покрывает, но ничего не скрывает. И она меня знает. Пыжиться, становиться друг перед другом в позу — всё это давно позади, теперь мы встречаемся совсем по другому, глаза в глаза, плечо к плечу, локоть к локтю, кончики пальцев соприкасаются — так же, как сейчас моя рука чертит борозды на скользящей назад поверхности моря.

По-прежнему дул вест. Впереди в прозрачной ночи мигал проблесковый буй, обозначающий крайнюю северо-восточную оконечность кораллового рифа. Лёгкий ветерок подгонял нас. Качающийся чайник, прочно сидя на горластом примусе, шумел сильнее, чем шелковистый зефир и гладящая яхту рябь. Мы сравнялись с буем, обогнули его и пошли круто к ветру левым галсом, чуть севернее нужного курса, развивая всего два узла на встречной зыби. Я бросил в воду вертушку лага, вызвал Майка на ночную вахту и отправился вниз. Как раз в эту минуту закипел чайник.

Теперь у меня в каюте был свет, и он делал её особенно уютной. Тарелки чистые, кастрюли сверкают, примус довольно покачивается на подвеске. Я несколько раз качнул помпу: трюм

был сухой. Тщательно осмотрев горизонт и удостоверившись, что «пароходное пугало» заряжено горючим и ярко светит, я улёгся спать. Майка я предупредил, чтобы не сваливался к югу, там на много миль тянулся риф. Я не сомневался, что ветер ещё долго не переменится, мы успеем уйти с ним достаточно далеко от берега, но даже если он внезапно отойдёт на четыре румба (а Майк сдуру начнёт приводиться и возьмёт курс прямо на камни), я проснусь вовремя и исправлю ошибку. Короче говоря, я чувствовал себя как дома.

Я встал на рассвете, на завтрак выпил фруктового сока и кофе. Дистанция только началась, а я уже думал о финише в Новом Свете. Шестьсот пятьдесят миль до Нью-Йорка. Толика везения, и мы пройдём этот путь в шесть дней. Тот факт, что за предыдущие семь недель плавания среднесуточное пройденное расстояние составляло чуть больше половины намеченного теперь, меня нимало не смущал. Что значит уверенность в себе!

Мы продолжали идти дальше. Отражённые водой лучи заходящего солнца завлекли нас во вторую ночь. Взошла луна и осветила мирное море. И мне вспомнился маленький залив, где недавно я смотрел, как женщина в порыве чувств выставляет себя напоказ такому же холодному свету — белоснежное тело на чернильной воде. Я попытался подавить смущённый смешок, потом всё-таки улыбнулся своим мыслям. Если бы теперь…

Да, если бы только… Но что толку от этих «если». Никто не должен знать о той ночи, когда я ударил лицом в грязь. Рассвет не заставил себя ждать слишком долго, и в условленное время я вышел в эфир.

— Здесь «Эйра», «Эйра», «Эйра» вызывает морскую пограничную охрану США, Бермудская зона.

Повторив вызов несколько раз, я перешёл на приём, но из динамиков вырывались только треск да хлопки. Снова включил передатчик.

— Вызываю морскую пограничную охрану США, Бермудская зона.

Весь положенный набор слов от начала до конца, и с таким же успехом. Ни ответа, ни привета.

Ещё один повод улыбнуться. Столько дней и недель сожаления, горького раскаяния из-за того, что поломка аккумулятора вывела из строя радиостанцию, — и вот явно из-за неверно установленной антенны её радиус действия оказывается несколько меньше предполагаемого.

В полдень в субботу, 6 августа, яхта находилась в точке с координатами 34° 05 северной широты и 36° 46 западной долготы, примерно в пятистах милях от Нью-Йорка, идя круто к

западному ветру, который оставался умеренным с тех самых пор, как остров пропал за горизонтом. За сутки пройдено добрых девяносто миль, неплохой результат, а чтобы достигнуть его, я потравил и грот и генуэзский стаксель, и яхта развивала гораздо больший ход, чем если бы шкоты были выбраны натуго. Не успели мы лишиться прикрытия Бермудских островов и встретить волну, как сразу открылась маленькая течь, однако она не шла ни в какое сравнение с устрашающим количеством воды в трюме, которое нас терзало из недели в неделю до подхода к Бермудам. Вторую половину дня, всю ночь и следующее утро яхта честно работала и намотала на лаг ещё девяносто две мили, на радость команде. Если не считать обычные неудобства, связанные с ходом малого судна против ветра, мне докучала только жара и усиливающаяся с каждым часом духота. Хотя все люки и иллюминаторы были открыты нараспашку, сидеть в каюте было невозможно, и я, как это у меня было заведено, выбрался на палубу.

С неё я и заметил на западе надстройки большого лайнера, который явно шёл параллельным курсом. То ли «Монарх океана», то ли «Королева Бермуды». На борт второго я поднимался, когда был на Бермуде, и даже распил по кружечке с начальством. Почему бы теперь не испытать ещё раз передатчик? Я слышал их работу радиотелефоном и знал, что они постоянно прослушивают международные частоты для передачи сигналов бедствия и циркулярных вызовов.

Пятнадцать волнующих минут провёл я, пытаясь их расшевелить. Не для того чтобы переслать радиограмму, в этом не было особой нужды, — просто хотелось поболтать с начальником радиосвязи, с которым меня тоже познакомили. Но связь не состоялась. Лайнер нёсся со скоростью около двадцати узлов, мы выжимали от силы четыре, и они скоро ушли вперёд, скрывшись из виду. При этом меня кольнуло старое знакомое чувство — боль одиночества, от которой, наверно, никуда не денешься.

Как ни радовался я, что вышел в море и начал, наконец, последний этап, двух дней одиночества было достаточно, чтобы мне опять захотелось поговорить с людьми. А может быть, и пережить новые приключения? Словом, я слегка раскис.

А тут ещё ветер посвежел и нагнал короткую крутую волну, и снова для яхты наступили суровые трудовые будни — паруса убавлены, леер захлёстывает, палубу непрерывно поливают брызги. Около полуночи погода совсем испортилась, стало ещё неуютнее. С запада под грозный аккомпанемент грома и молнии шли неистовые шкваловые тучи.

Интересно было сопоставить мою реакцию теперь с состоянием убитости, в котором я пребывал две недели назад. Физически и морально я чувствовал себя намного лучше. Я был сравнительно здоров душой и телом и, однако, с досадой убедился, что мне так же страшно, как было тогда. Проклятая молния меня казнила, раскаты грома выбивали дробь на моих натянутых нервах. Приятно ли, обретя, наконец, душевное равновесие после всяких расстройств, обнаружить, что ты не меньше прежнего восприимчив к старому недугу.

Оттого, что молнии вилами вонзались в воду, иной раз довольно близко к яхте, у меня всё сжалось под ложечкой и пересохло во рту. Стоя в люке, я судорожно держался за комингс и мигал при каждой ослепительно белой вспышке, а когда над головой раскатывался гром — непроизвольно пригибался. Будто мы проходили под огромной башней, чьи колокола издавали дребезжащий звук, когда их грубо гладила лучезарная рука. Что за пустой расход энергии! В свете молний металлическая мачта, с тревогой указующая на источник моего страха, казалась особенно голой.

Всю ночь погода наводила на меня ужас. Доискиваясь, чем же вызвана моя раздражительность, я пытался утешить себя мыслью, что моя трусость (если я трус) объясняется полным нежеланием превратиться в шкварку от случайного удара молнии. Хоть бы эта гроза поскорее ушла на восток, там в её распоряжении будут три тысячи миль пустынного океана, плюйся сколько хочешь.

Под утро волна стала ещё круче, и мне вспомнились предупреждения, услышанные от Шелдона на борту «Альбатроса». Тут и течь увеличилась. Для поднятия духа я посмотрел на океанскую карту, на которой показана вся Северная Атлантика. Дистанция от моего места до Нью-Йорка была таким пустяком перед уже пройденным, что у меня заметно отлегло от сердца. В полдень, как ни затрудняла обсервацию схватка яхты с крутой волной, я опять повеселел, убедившись, что цель ещё приблизилась. Девяносто семь миль за сутки, и мы продолжаем шлепать на северо-запад. Через двадцать четыре часа, в полдень вторника со счетов было сброшено ещё девяносто четыре мили, осталось двести восемьдесят.

Всего три дня ходу.

Пополудни на борт залетела стрекоза и приземлилась на банке кокпита. Небось была рада. Далеко её занесло от зелёных лугов. Села и замерла, только изредка вздрагивало удлинённое тело. Голубая, блестящая, твёрдая, как сапфир. Можно было подумать, что она кристаллизовалась; тронь — и рассыплется на светлые крупинки. Жёсткие крылышки напомнили мне про

оставшихся далеко позади летучих рыб. Глаза — огромные, чёрные и очень серьёзные. Долго стрекоза размышляла над своей незадачей, наконец приняла решение: после получасового отдыха взлетела и пошла на юго-восток, в сторону Бермуд. Я пожелал ей счастливого пути.

Вечером ветр ослаб и стал неровным. Час за часом я сидел на руле и ловил парусами его порывы, дорожа каждой милей. Всю ночь светила луна. Наводящий ужас электрический спектакль кончился. Видимость была отличная, и огни проходящих судов возникали с частотой, от которой я успел отвыкнуть за два месяца. В конце концов ветер вовсе утих, и казалось, мы застыли на месте, но это только казалось. Мы находились в Гольфстриме, могучей реке, пересекающей океан. И при всей нашей видимой неподвижности, мы на самом деле шли на северо-восток со скоростью четырёх узлов. Нехорошо надолго заштилеть в таком месте, где течение относит вас от цели.

Пока длился штиль, не было никакого смысла мудрить румпелем, и я сделал то, о чём давно уже думал. Взял клочок неиспользованной карты (отличная прочная бумага), на обратной стороне написал несколько слов, скрутил записку в трубочку и сунул в бутылку, которую крепко закупорил.

> «Просьба к нашедшему написать по адресу… сообщить данные о…»

Бросая бутылку в море, я спрашивал себя, велика ли вероятность, что она уцелеет. В какую точку во-сточного побережья она попадет? Разобьет ли её вдребезги о скалы? Или мягко положит на гладкий берег к ногам зоркого прохожего? Долго бутылка болталась вокруг яхты, словно не решалась начать своё путешествие. Наконец лёгкий порыв ветра отнёс нас в сторону, оставив её одну на произвол океана.

Если раньше штиль нагонял на меня тоску, то теперь я злился. До финиша рукой подать, а ты тут застрял! Нервы заставили меня искать себе какое-нибудь дело. Я прибрал в каюте, выдраил палубу, в шестнадцатый раз переложил карты, протёр бинокль — словом, приготовился к великому событию.

Долгожданный свежий ветер принёс с собой низкие тёмные тучи. Хотя он продолжал крепчать, я не убавлял паруса. Эх, и лихо же мы неслись! Ветер отходил, позволяя идти бейдевинд с потравленными шкотами, и мы шли на запад на предельной скорости. Несмотря на угрозу шквалов, я нёс полные паруса. Яхта уже напряглась, как нетерпеливая борзая на своре, ветер свистел в такелаже, «пуза» парусов надулись, будто беременные, рядом с торчащей мачтой, но я держал курс. Вот это ход! Я чувствовал

себя, словно всадник на понёсшей кобыле, и ничего не делал, чтобы обуздать её. Попутная струя курчавилась вокруг кормового подзора и захлестывала ют — верный знак, что яхта несла нагрузку, выходящую за границы требований морской практики. Я сжимал в руке румпель — до чего он твёрдый теперь, и сколько сил надо, чтобы вести яхту возможно ближе к курсу. Грот спорил со мной, порывался развернуть яхту к югу, но я стоял на своём!

Я положил руку на наветренный ходовой конец — он дрожал, словно леска, удерживающая здоровенного лосося. С подветренной стороны нос разматывал бесконечную ленту бурлящей пены. С наветренной стороны сорванные с гребней брызги летели через палубу и опять поглощались морем.

— Привет, Нью-Йорк, мы идём!

Дух захватывало от этого лихого галопа по пересечённой местности, с развевающейся на ветру гривой. Налетел дождь, зашел с кормы, пригладил мелкую ещё волну, окатил холодом спину и усмирил ветер. Он быстро выдохся, ослаб до свежего и отпустил яхту, так что она перешла на более почтительный аллюр. Теперь такелаж больше не поёт, парусина не растягивает новые швы, яхта не рассекает плечом океан, а идёт лёгким галопом, который вскоре сменяется медленной рысью. Дождь охладил её пыл. И мой тоже.

Назавтра в полдень мы находились в точке с координатами 38° 3 северной широты и 71° 25 западной долготы. Оставалось пройти всего сто шестьдесят миль.

В четыре часа море вдруг переменилось. Да, да, только что мы шли по сплошной синеве, а сейчас оно нахмурилось и посерело. Впереди, до горизонта — тёмная полоса. Сзади светлый океанский простор. Может быть, виноват Гольфстрим, граница которого должна проходить где-то здесь? Во всяком случае, это не изменившееся отражение неба, облачность как была рваной, так и есть. Всю ночь мы шли хорошо и в полдень 12 августа, в пятницу, достигли 39° 33 северной широты и 73° 2 западной долготы. За сутки пройдено сто восемь миль, осталось лишь шестьдесят до плавучего маяка «Эмброуз».

Меньше дня хода.

Я нанёс наше место на карту прибрежной зоны Америки и вычертил последний курс этого плавания. Триста сорок градусов. Замечательно. Сотни раз наносил я своё место на карту, но эта пометка принесла мне самое большое удовлетворение. Пройдено четыре тысячи миль от Плимута (Англия). Пусть даже путь был окольный, четыре тысячи миль — хорошая дистанция для любого судна. Теперь нам предстоит подход к берегу.

Я не сомневался в своём местонахождении. Условия для

обсервации были благоприятными, я взял высоту солнца четыре раза и разбросал невязку. Время тоже не вызывало у меня сомнения. Хронометр выверен, ход точный. И всё-таки… Всё-таки… При всей моей уверенности я опять испытываю приступ «навигационита». Чёрт возьми, должно быть, я и у врат рая первым делом спрошу апостола Петра, туда ли я попал. Опять эти дурацкие колебания. Или попросту возбуждение от предстоящей встречи с сушей? Вероятно, понемногу и того и другого. Первое — словно мутная взвесь в ядовитом растворе второго, и осядет она лишь тогда, когда мы увидим берег.

И тут, как назло, устанавливается штиль.

На десять невыносимых часов.

До пяти утра субботы, 13 августа. Десять часов, а до берега, кажется, можно камнем добросить. Америка лежала сразу за горизонтом. Мимо шли суда курсом на юг и на север. Танкеры, груз тяжёлый, с виду лёгкие. Каботажные суда всех типов и размеров. Оживлённейшее движение, которому отсутствие ветра не помеха. Я радовался, что на яхте не было вспомогательного мотора, иначе соблазн мог бы взять верх. Наконец, спустя века, когда я уже обгрыз все пальцы, подул слабенький ост. Всем работать: грот, генуэзский на стеньгу, стаксель. Даже одеяло — на место спинакера. И вся эта хитрая петрушка вместе дала нам какой-нибудь один узел. Но этого было достаточно, яхта настойчиво рассекала воду, которая из серой превратилась в грязно-бурую — ведь под нами отмель, глубина всего пятнадцать саженей. Прямо по носу, милях в пяти, на грани видимости, которая ухудшалась по мере того, как прибывал день, я заметил группу небольших судов. Неровный ветер мотал из меня душу. Суда как будто стояли на месте, так что у меня было вдоволь времени, чтобы хорошенько рассмотреть их в бинокль. Рыболовы-спортсмены. Одни дрейфуют с приливно-отливными течениями, другие волочат блесну, рассчитывая на более крупную рыбу. Некоторые проходят мимо нас и приветственно поднимают руку. Я машу в ответ, и один, полюбопытнее остальных, подходит вплотную.

— Привет.

— Здравствуйте.

— Я вижу у вас красный вымпел, а что это за флаг на правой рее?

Я улыбаюсь. Ждал этого вопроса.

— Это Красный Дракон Уэльса. Знаете, часть Англии, где много холмов.

— Вот здорово! Мой прадед прибыл сюда из Суонси больше ста лет назад. Откуда идёте?

Мне и в голову не приходит назвать Бермуды, слишком ложь привлекательна.

— Из Плимута, Англия.

— Нет, в самом деле?

Он смотрит на меня с недоверием. Оно у него на лице написано. Видать, такая слава у валлийцев.

— И сколько же вы шли?

— Пятьдесят шесть ходовых дней.

Кажется, он теперь больше склонен мне верить.

— В чём-нибудь нуждаетесь?

— Ага… В ледяном пиве.

— Держите.

Банка описывает кривую в воздухе, я ловлю её на лету ценой ушибленного пальца. Предлагаю в обмен одну из своих, с тёплым пивом, но он только машет рукой. Раз, два — банка открыта.

— Ваше здоровье!

— Будьте здоровы!

Мы выпиваем друг за друга, разделённые десятью ярдами воды. Знать, они надолго вышли в море, вон сколько запасли. Их человек шесть, смешанная компания, женщины очень симпатичные в своих бермудских шортах и пёстрых бюстгальтерах.

— Куда идёте?

— Нью-Йорк. Как улов?

— Пока так себе.

— Желаю успеха! Спасибо за пиво.

Они медленно отходят, волоча за кормой лески, привязанные к роскошным спиннингам.

Море гладкое, нет и намёка на океанскую зыбь, и я роюсь в памяти — в какую минуту она оставила нас в покое? Но зыбь прекратилась неприметно, будто и не было её вовсе. Вчера нас вздымала могучая грудь океана. Сегодня идём через пруд под защитой материка.

Знойная дымка сгустилась, но ветер по-прежнему был благоприятным. Совсем тихий, правда, однако мы продвигались вперёд. По моим расчётам, плавучий маяк был теперь в десяти милях прямо на север. Вода всё больше мутнела по мере подхода к побережью, которое, наконец, сжалилось над моими напряжёнными глазами, — между морской дымкой и небом возникла узкая, размытая коричневая полоса. Не очень-то воодушевляющее зрелище, но меня оно взволновало гораздо больше, чем вид статуи Свободы с палубы теплохода. Благодаря попутному ветру стояла такая тишина, что я слышал рокот моторных лодок и смутный шум на берегу. Я медленно вёл туда

яхту, оставалась какая-нибудь миля. Какой-то шофёр посигналил, и звук этот разнёсся над водой, словно далёкий протестующий вопль Механического Века.

В эту минуту ветер (он с самого утра грозил это сделать) окончательно испустил дух, и мы снова заштилели. Но на сей раз я улыбался, откачивая толику воды, накопившуюся в трюме. Если яхта теперь пойдёт ко дну, я уж как-нибудь доберусь вплавь до берега. Впрочем, я не сомневался, что она на это не способна. У неё было столько возможностей утопить меня раньше; вместо этого она прощала мне мои недостатки, как я прощал её. Мы были словно супруги с многолетним стажем, которых физическая близость уже не волнует, зато осталось, пожалуй, нечто более значительное. Вместе мы терпеливо ожидали в затянувшихся объятиях моря, когда снова заработает этот лентяй ветер. Да и нужен ли он нам? Приливно-отливное течение шло на север, так что, несмотря на безветрие, мы продолжали приближаться к Нью-Йорку. За кормой вниз от уставшего прибора тянулся лаглинь. Его служба кончилась, и я смотал линь аккуратными кольцами, потом подвесил на рангоуте. Внезапно в дымке возникло судно с высокими надстройками. Я тотчас его узнал, однако долго со вкусом рассматривал в бинокль, не без приятного чувства в душе.

Плавучий маяк «Эмброуз» обозначал конец гонок и конец плавания.

Мы подошли к входу в гавань Нью-Йорка.

Что тебя заставляет?

XV

Как только на востоке показался плавучий маяк «Эмброуз», для нас с «Эйрой» гонки окончились. Медленно подходя к уродливому красному судну, которое, словно гора, возвышалось над фолькботом, я чувствовал, что опускается занавес, обозначая конец последнего акта слишком долгого спектакля. Два месяца жил я в тесной (для человека ростом шесть футов четыре дюйма — очень тесной) коробочке, и за это время изучил судёнышко не хуже, чем заключённый в одиночке свою камеру. Впрочем, моя маленькая скорлупка не сковывала меня, её нельзя было сравнить даже с панцирем черепахи. Ведь «Эйра» перенесла меня через Атлантический океан, и я гордился ею.

Мы тихо пересекли линию финиша, я поднял свои позывные и убедился, что Валлийский Дракон выглядит вполне сносно, если учесть, что большую часть истёкших двух месяцев он трепался на краспице — причём, наверно, в глубине души сомневался, позволит ли ему эта трёпка прибыть в Новый Свет в респектабельном виде.

Несколько членов команды плавучего маяка стояло у фальшборта, и я этак небрежно спросил их, не могут ли они отрапортовать о моём прибытии морской пограничной охране Нью-Йорка.

— Ты что, тоже из этих психов, которые шли наперегонки из Плимута в Англии?

Пришлось сознаться, что это так.

— Тогда ступай себе дальше вон туда, приятель, — добродушно продолжал американец, кивая на крыши Нью-Йорка. — Тебя встретит катер и отведёт к карантинному причалу.

Меня вполне устраивал такой бесстрастный приём, и хотелось вернуть ему мяч в той же манере, однако я не смог придумать ничего остроумного и всего лишь робко осведомился, сколько участников, кроме меня, уже пересекли финишную черту.

— Э-э… Даже не знаю точно. Кажется, ты четвёртый. Недавно тут прошёл какой-то — Шайчестер, что ли.

Ладно, хватит меня разыгрывать. Я показал ему согнутый палец и получил в ответ широкую улыбку.

Войти в гавань было проще простого, и мы присоединились к полчищам различных судов. Куда ни погляди — могучие лайнеры, десятки каботажных судов, буксиры, баржи, паромы, прогулочные катера и яхты. Ближе к берегу стали попадаться плоскодонки, на большинстве из них сидели улыбающиеся негры, вышедшие половить рыбу. День был солнечный, жаркий, и

знойная дымка над рекой смазала очертания гигантских небоскрёбов Манхэттена. Глядя на них, я ощутил лёгкую тревогу. Я уже привык к бесхитростной жизни, теперь мне предстояло столкнуться со сложным миром напористой американской предприимчивости, который олицетворяли эти великаны. Впрочем, приступ провинциальной робости продлился недолго. Он уже проходил, когда катер пограничной охраны остановился рядом с яхтой и подал конец, и окончательно исчез, когда они рванули с места с такой скоростью, что пришлось просить их идти потише, пока они не разнесли мой фолькбот.

Вопреки устрашающему названию карантинная пристань производила очень приятное, даже радушное впечатление. Я был тепло встречен и представлен начальнику карантина — кажется, Блонди Хазлером, который назвал доктора Дрешера и его жену «божьим даром для одиночек, участников трансатлантических гонок». Во всяком случае, меня они сразу покорили тем, что вручили охапку писем и никого ко мне не подпускали, пока я их читал. Наверно, кое-кто из присутствовавших решил, что три тысячи миль меня доконали, но я ничуть не рвался на берег. Прежде всего меня занимали новости из дома, от жены и родных. Судя по всему, карантин и таможня не стали чинить препятствий, потому что не успел я управиться с почтой, как всё было готово, чтобы отбуксировать «Эйру» в Шипс-Хэдбэй, где нашлось свободное место для стоянки.

Только став на бочку, аккуратно уложив паруса и наведя чистоту и порядок в каюте, я по-настоящему почувствовал, что прибыл в Америку, кончилась двухмесячная болтанка. По соседству покачивались у своих бочек «Шутник» и «Главная добродетель». Как и следовало ожидать, потрёпанные океаном, они выглядели довольно неказисто рядом с сверкающими краской и хромом роскошными американскими крейсерами, стоявшими у яхт-клуба. За этими крейсерами мне виделись люди, которым я поневоле чуточку завидую. Счастливцы, у них жизнь налажена: есть постоянная (и даже высокооплачиваемая) работа, хороший дом и наполняющая этот дом многочисленная семья, две-три машины и, наконец — да, наконец, — яхта. Я говорю о зависти, потому что мне никогда не удавалось устроить себе такое блаженное существование. Я располагал отдельными ингредиентами, но сплава почему-то не получалось. Может быть, я держал тигель слишком низко над беспокойным пламенем моего энтузиазма? Человек рассудительный умеет до мелочей расписать свой год, копит деньги к отпуску и проводит этот отпуск тихо-мирно вместе с семьёй; яхте и рыбной ловле он отводит уик-энды и так регулирует свои умеренные запросы, что

почти всё сливается в гармоничное целое.

У меня яхты путают все карты, хотя порой над ними брали верх жена, вино, рыбная ловля и ферма. Иногда я довольствовался даже одним видом моря.

Время от времени тихий ласковый голос шепчет мне, что пора бы уже остепениться. Мол, тот факт, что ты — гордый владелец яхты, сам по себе ещё не основание для того, чтобы планировать кругосветное плавание. Но этот голос не может меня убедить.

Жёны созданы, чтобы их любить, и лелеять, и обнимать с разным пылом, по мере того как идут годы.

А суда созданы, чтобы ходить по морям, и всё тут.

Сидя в кокпите и глядя на симпатичное здание яхт-клуба и снующие около пристани ялики, я понял, что всё в порядке. Что любовь к морю и кораблям опять сокрушила мысль об упорядоченном существовании. Я никак не мог согласиться с теми, кто считал или предполагал, что переход через Атлантический океан — такое достижение, после которого моряк может сидеть на своей широкой корме с довольной улыбкой на обветренной роже. Если хотите знать, переход через океан на маленьком судёнышке рождает столько же желаний, сколько удовлетворяет, и, глядя на берег, я чувствовал, как некоторые из них уже потихоньку бередят мою душу.